

ISSN (print) 2686-9764
ISSN (online) 2782-1986

Российский
центр научной
информации

«Белый список»

УРОВЕНЬ

Том 20, № 1 (73), 2026

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

Volume 20, No. 1 (73), 2026

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2026, том 20, № 1 (73)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический журнал
«Пенитенциарная наука»

издается с 2007 года, до августа 2019 года выпускался под названием «Вестник института: преступление, наказание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных:
DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), научная электронная библиотека «КиберЛенинка», электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Некрасов В. Н. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армении, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армении;

Антонян Ю. М. – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бабаян С. Л. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
394086, г. Воронеж,
ул. Любы Швецовы,
д. 34

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс
41253 по электронному
каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
31.03.2026

Тираж 1000 экз.

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Козаченко И. Я. – профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сергеев Д. Н. – кандидат юридических наук, доцент, проректор по молодежной политике Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса им. Л. Л. Попова Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки), отнесен к категории К2.

Журнал включен в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», отнесен ко 2 уровню.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	4
ЕПИФАНОВ А. Е. От преступления к перевоспитанию: деятельность Кавказского общества исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний в конце XIX века	4
ШАТАЛОВ А. С. Передача осужденных как инструмент международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства	12
РУМЯНЦЕВ Н. В., МАРКОВ А. Ю. Теоретико-прикладные основы минимизации системных криминогенных рисков, связанных с освобождением осужденных иностранных граждан из учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	23
КОСТАРЕВ Д. Ф., СУББОТИН С. П. Актуальные проблемы противодействия незаконным полетам беспилотных воздушных судов со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	33
ЛАТЫШЕВА Л. А. Восстановление, укрепление и развитие социально полезных связей и контактов осужденных к лишению свободы женщин с семьей как одно из направлений пенитенциарной probation	40
ШУРУХНОВ Н. Г. Информационная система в арсенале розыскной (поисковой) деятельности субъектов раскрытия и расследования преступлений прошлых лет: объекты, средства, приемы, технологии (по материалам зарубежных изданий)	46
СЕРЕДА С. П. Оскорбление представителя власти: проблемы правовой регламентации, квалификации и дифференциации уголовной ответственности	54
ЕРЕМИН А. А. Антимонопольное законодательство и практика Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации как источники методики выявления и расследования ограничения конкуренции	62
ГАРИБЯН К. К. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: современные проблемы правового регулирования и пути их решения	69
КОЛОКОЛОВ Н. А. Защита от насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Дело частное или публичное? Статья 1. Криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и административно-правовой аспекты единой социально-культурной проблемы насилия в семье, быту, трудовом, воинском коллективе	78
НАГОРНЫХ Р. В. Совершенствование института дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты	91
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	98
ИСКАНДАРОВ Р. Р. Анализ феномена посттравматического роста в местах лишения свободы: теоретические основания и практические импликации	98
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	108
ПИСАРЕВ О. М., ЗАУТОРОВА Э. В. Религиозное воспитание осужденных: особенности, проблемы, пути совершенствования	108

Научная статья

УДК 343.101

doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.001

От преступления к перевоспитанию: деятельность Кавказского общества исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний в конце XIX века

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ

Государственный университет управления, Москва, Россия

Московский университет «Синергия», Москва, Россия

mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Реферат

Введение: статья посвящена деятельности Кавказского общества исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний в конце XIX – начале XX в., направленной на решение проблемы детской преступности в регионе. Рассматриваются исторические и социально-экономические условия, способствовавшие росту преступности среди молодежи, а также анализируются усилия, предпринимаемые обществом для исправления несовершеннолетних правонарушителей. Особое внимание уделяется организации и функционированию колонии для несовершеннолетних. Раскрываются условия содержания воспитанников, методы обучения ремеслам и нравственного воспитания, а также взаимодействие с семьями детей. Автор затрагивает проблемы, с которыми сталкивалось Кавказское общество исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний, в том числе связанные с нехваткой финансирования и квалифицированных кадров, а также недостаточностью инфраструктуры. Подчеркивается, что решение этих проблем требовало комплексного подхода и усилий со стороны государства, общества и семьи. *Цель:* исследовать деятельность российских дореволюционных исправительных учреждений на примере данного общества в конце XIX в. *Методы:* правовой, аналитический, описательный, историко-сравнительный, а также метод деконструкции. *Результаты:* исследование показало, что Кавказское общество исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний создало уникальную модель работы с несовершеннолетними правонарушителями, основанную на комплексном подходе. *Выводы:* опыт деятельности Кавказского общества продемонстрировал эффективность гуманного подхода к перевоспитанию несовершеннолетних преступников. Комплексная система образования, профессиональной подготовки и морального перевоспитания позволяла успешно реабилитировать трудных подростков. Несмотря на объективные трудности, дореволюционное общество заложило основы современной системы социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: Кавказ; детская преступность; несовершеннолетние преступники; исправительные учреждения; колония для несовершеннолетних; социальная реабилитация; нравственное воспитание.

5.1.1. Теоретико-исторические науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Епифанов А. Е. От преступления к перевоспитанию: деятельность Кавказского общества исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний в конце XIX века // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 4–11. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.001.

Original article

From Crime to Re-Education: Activity of the Caucasian Society of Agricultural Correctional Facilities for Juvenile Criminals at the End of the 19th Century

ALEKSANDR E. EPIFANOV

State University of Management, Moscow, Russia

Moscow University «Synergy», Moscow, Russia

mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Abstract

Introduction: the article is devoted to activities of the Caucasian Society of Agricultural Correctional Facilities for Juvenile Criminals in the late 19th and early 20th centuries engaged in solving the problem of child crime in the region. The article considers historical and socio-economic conditions that contributed to the growth of youth crime, as well as analyzes the efforts the society took to correct juvenile offenders. Special attention is paid to the organization and functioning of juvenile correctional facilities. The article describes detention conditions, methods of teaching crafts and moral education, as well as interaction with children's families. The author touches upon the problems the Society faced, including those related to a lack of funding and qualified personnel, as well as insufficient infrastructure. It is emphasized that solving these problems required an integrated approach and efforts on the part of the state, society and the family. *Purpose:* to study activities of Russian pre-revolutionary correctional institutions on the example of the Caucasian Society of Agricultural Correctional Facilities for Juvenile Criminals at the end of the 19th century. *Methods:* legal, analytical, descriptive, historical and comparative, as well as the method of deconstruction. *Results:* the study showed that the Caucasian Society of Agricultural Correctional Facilities for Juvenile Criminals has created a unique model of work with juvenile offenders based on an integrated approach. *Conclusions:* the analysis shows that the Society's experience demonstrates effectiveness of a humane approach to the re-education of juvenile offenders. A comprehensive system of education, vocational training and moral re-education made it possible to successfully rehabilitate difficult teenagers. Despite objective difficulties, the pre-revolutionary Society laid foundations of a modern social rehabilitation system for juvenile offenders.

Keywords: Caucasus; child crime; juvenile delinquents; correctional institutions; juvenile correctional facility; social rehabilitation; moral education.

5.1.1. Theoretical and historical sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Epifanov A.E. From crime to re-education: activity of the Caucasian Society of Agricultural Correctional Facilities for Juvenile Criminals at the end of the 19th century. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 4–11. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.001.

Введение

Вторая половина XIX в. стала для Российской империи периодом активных реформ и модернизации. Однако эти процессы не всегда приводили к улучшению жизни всех слоев населения. Напротив, экономические и социальные преобразования часто сопровождались ростом бедности, социальной напряженности и, как следствие, преступности, особенно среди молодежи. Кавказ, регион с богатой историей и сложной этнической структурой, не был исключением. Экономическое развитие Кавказа в этот период было неравномерным. С одной стороны,

развивались добывающая промышленность, сельское хозяйство, торговля, с другой – многие крестьяне и ремесленники разорялись, не выдерживая конкуренции с более крупными предприятиями. Это приводило к миграции населения в города, где люди часто сталкивались с безработицей, нищетой и отсутствием перспектив.

Историографический анализ проблем детской преступности, путей ее преодоления и перевоспитания малолетних правонарушителей в дореволюционной России представлен в работах отечественных исследователей различных периодов. Дореволюци-

онные авторы, такие как М. И. Красовский [1], В. Н. Никитин [2], И. Я. Фойницкий [3], Н. С. Таганцев [4], А. Ф. Кистяковский [5], Д. Г. Толберг [6], А. Н. Миклашевский [7], А. Г. Бать [8] и другие рассматривали преимущественно правовые и статистические аспекты предупреждения преступности среди несовершеннолетних, перевоспитания правонарушителей из их числа. Советская историография в лице В. И. Куфаева [9], П. И. Люблинского [10], Ю. В. Гербева [11] и других фокусировалась на классовых причинах преступности несовершеннолетних. Современная российская историография по исследуемой проблематике представлена трудами Л. И. Беляевой [12], А. П. Ельчанинова [13], Р. В. Пушилина [14], Т. А. Катциной, Н. В. Пашиной и Л. Э. Мезит [15], И. С. Кары [16], С. В. Кары [17], М. В. Лаврентьева [18], Я. Н. Поляковой [19], А. Е. Епифанова [20], С. Л. Курас [21], В. И. Игнатенко [22], Э. З. Бикчуринной [23] и других, существенно расширившими проблемное поле изучения системы исправления несовершеннолетних правонарушителей.

Научная новизна представленного исследования заключается в комплексном анализе деятельности Кавказского общества исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний на основе впервые введенных в научный оборот материалов. Предпринят детальный анализ организационных, педагогических и социальных аспектов работы исправительной колонии с позиции междисциплинарного подхода. Принципиально новым является рассмотрение исправительной системы не только как карательного, но и как воспитательного механизма, направленного на социальную реабилитацию несовершеннолетних правонарушителей.

Основная часть

Нужда исторически являлась одной из главных причин, вызывающих преступность, особенно среди несовершеннолетних. Статистические данные конца XIX в. подтверждают эту закономерность: в 1891–1896 гг. в тюрьмах экономически развитых регионов Российской империи (Кубанской области и Бакинской губернии) среднее количество малолетних преступников в год достигало значительных показателей – 109 и 147 соответственно [24, с. 195]. В то же время тюрьмы менее развитых в экономическом отношении Дагестанской области, Елисаветпольской и Черноморской губерний содержали лишь 2, 9 и 6 малолетних правонарушителей. Названная тенденция указывала на прямую зависимость между экономическим развитием регионов и ростом преступности среди несовершеннолетних.

В сложившихся условиях дети из бедных семей оказывались уязвимыми и легко могли встать на преступный путь. Главная опасность для общества изучаемого периода заключалась не столько в наличии самих малолетних преступников, сколько в том, что без своевременного исправления они становились взрослыми, закоренелыми преступниками. Условия «сравнительно некультурной» среды, в которую попадали на Кавказе отбывшие тюремное наказание малолетние, делали их опасными для общества. В условиях когда количество малолетних преступников еще не достигло своих критических значений, возникла насущная необходимость принять

меры исправления по отношению к несовершеннолетним.

Однако существующие системы наказаний и исправительных учреждений часто оказывались неэффективными. Тюрьмы, переполненные и не приспособленные для содержания детей, скорее способствовали их дальнейшей криминализации, чем исправлению [25, с. 1918]. В этих условиях возникла потребность в поиске новых, более гуманных и эффективных методов работы с несовершеннолетними преступниками. Одним из них стало создание Кавказского общества исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний.

30 апреля 1895 г. в Тифлисе состоялось общее собрание его членов. Названное общество было призвано пресечь всеми силами заключение несовершеннолетних правонарушителей в тюрьму. Вместо этого предполагалось отправлять их в специализированное заведение (приют) для исправления.

В состав общества вошли известные государственные и общественные деятели Закавказья, в том числе высокопреосвященный экзарх Грузии, архиепископ Владимир, вновь назначенный сухумский епископ Арсений, командир кавказского армейского корпуса генерал-лейтенант И. Г. Амилахвари, попечитель кавказского учебного округа К. П. Яновский, тифлисский губернатор Г. Д. Шервашидзе, председатель окружного суда Ф. А. Быков и др. [18, с. 73]. Общество ставило перед собой цель не только изолировать несовершеннолетних преступников от социума, но и дать им возможность исправиться, получить образование и профессию, чтобы они смогли вернуться к нормальной жизни.

К сожалению, открытие приюта состоялось только 16 сентября 1896 г. Первая колония для несовершеннолетних преступников, созданная Кавказским обществом, столкнулась с множеством проблем. Главной причиной, замедлившей ее открытие, стало отсутствие места, пригодного для ее расположения. Поэтому первоначально пришлось открыть колонию в селении Ороканах Тифлиского уезда в арендованной у частного лица усадьбе. Впоследствии пришлось затратить значительную сумму на покупку подходящего участка земли и его «приспособление» [24, с. 196].

Первоначально колония содержала всего 25 воспитанников, со временем их количество достигло 50. Однако в колонию попадала лишь пятая часть арестантов. За 1894–1896 гг. в тюрьмах Закавказского края содержались всего 245 несовершеннолетних (приблизительно по 82 человека в год). Принимая во внимание эти данные, а также необходимость пребывания каждого воспитанника в колонии как минимум два года, Кавказское общество исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний пришло к выводу о том, что колония должна быть рассчитана, по крайней мере, на 120 человек, чтобы отвечать насущным требованиям края [24, с. 197].

Весьма остро стояла проблема кадрового обеспечения колонии. Найти людей, готовых работать с трудными подростками за небольшую плату и без гарантий государственной службы, было непросто. Воспитатели часто менялись, что в свою очередь негативно сказывалось на стабильности и эффективности воспитательного процесса. Несмотря на эти

трудности, колония продолжала работать и выполнять поставленные задачи.

По причине продолжительных трудностей с подбором квалифицированного директора управление колонией осуществлялось непосредственно Правлением общества во главе с Ф. А. Быковым. Фактическое руководство было возложено на К. К. Чконию, который одновременно выполнял множество функций: осуществлял хозяйственную деятельность, занимался воспитательной работой и преподавал общеобразовательные дисциплины.

Согласно отчету общества за 1898 г., положение К. К. Чконию осложнялось отсутствием эффективной поддержки со стороны персонала. Квалификация воспитателей и надзирателей (именуемых «дядьками») была крайне неудовлетворительной. Однако данная ситуация имела свои объективные причины: условия службы не позволяли привлечь компетентных специалистов. Персонал колонии работал круглосуточно при минимальном материальном вознаграждении, не пользуясь преимуществами государственной службы. Это приводило к тому, что должности воспитателей занимали люди, не обладающие альтернативными возможностями трудоустройства. Как правило, сотрудники рассматривали работу в колонии как временное занятие и покидали учреждение при первой возможности, едва освоив необходимые навыки [24, с. 197]. П. Гумберт в своих наблюдениях отмечал, что подобная кадровая проблема была большим местом для большинства исправительных учреждений для несовершеннолетних того времени.

13 июня 1897 г. Правление общества приобрело в селе Земо-Авчалы Тифлисского уезда 39 десятин (примерно 39 гектар) земли за 7778 руб. 85 коп. Приобретенный участок располагался вблизи платформы Закавказской железной дороги у реки Куры и представлял собой ровное место с небольшим родником. К сожалению, воды было недостаточно для полива и сельскохозяйственного возделывания всего участка. Попытки использовать с этой целью воду из реки Кура оказались чрезмерно затратными.

С целью экономии при возведении жилых и хозяйственных помещений колонии была избрана барачная или павильонная система, обладавшая рядом преимуществ. При этом каждый барак представлял собой вполне самостоятельный, пригодный для жилья дом. Их количество зависело лишь от финансовых возможностей администрации колонии [24, с. 197–198]. Барачная система позволяла разделять воспитанников на специализированные группы в зависимости от тех педагогических приемов, которые применялись для их исправления; была сравнительно дешевой (стоимость одного барака около 6 тыс. руб.). При этом отсутствовал «дух казармы, который не хорошо влияет на детей» [24, с. 198].

7 июня 1898 г. в присутствии правления, некоторых членов общества и лиц из числа местной интеллигенции и крестьян на новом участке в селе Земо-Авчалы была произведена закладка зданий Кавказской колонии. Одним из них явилось большое трехэтажное здание, возведенное на благотворительные средства А. И. Манташева. Это архитектурное сооружение располагалось напротив центрального входа в колонию.

Верхний его ярус был отведен под жилые помещения для административного персонала, а именно директора учреждения, его заместителя и двух педагогов-воспитателей.

На первом этаже разместились общая столовая, медицинский блок, комната для приема посетителей и отдельные апартаменты для одного из воспитателей. Подвальное пространство было использовано для размещения кухонного комплекса, пекарни для выпечки хлеба, складских помещений и специализированного погреба для хранения вина, поскольку на территории колонии был заложен виноградник с целью обучения воспитанников основам виноделия [26, с. 195].

Инфраструктура участка отличалась вполне современным по тому времени техническим оснащением. Там функционировала система водоснабжения, и была создана канализационная сеть. Воспитанники распределялись по четырем отдельным корпусам с учетом их возрастных особенностей и индивидуальных склонностей. В этих же зданиях были оборудованы различные производственные мастерские: для деревообработки, изготовления обуви, металлообработки и пошива одежды. Как это следовало из публикации в газете «Каспий», при надлежащем финансировании руководство в перспективе планировало построить отдельные здания для расширения производственной базы и внедрения дополнительных ремесленных производств.

Благодаря введению в эксплуатацию нового здания появилась возможность увеличить количество воспитанников с 61 до 100 человек [27, с. 352]. Однако масштабные строительные работы, приобретение земельного участка, затраты на адаптацию территории к сельскохозяйственному использованию, а также расходы, связанные с переездом Кавказской колонии из Окрокан в Земо-Авчалы, привели к значительному истощению финансовых ресурсов общества.

К 1 января 1898 г. число воспитанников колонии достигло 32. Год спустя их было уже 50. За исключением одного мальчика, принятого по распоряжению правления колонии, все остальные поступили по судебным приговорам. Среди воспитанников было 4 рецидивиста. «По степени грамотности» содержащиеся в 1898 г. дети распределялись следующим образом: 4 неграмотных, 26 малограмотных, 18 умеющих читать и писать. Лишь у двух воспитанников были свидетельства об окончании начальной школы [24, с. 199].

В колонии воспитанники получали образование, обучались ремеслам, занимались сельским хозяйством. Особое внимание уделялось нравственному воспитанию и формированию у детей чувства ответственности и долга. В колонии применялся комплексный подход к воспитанию и обучению несовершеннолетних преступников. С одной стороны, детям давали общее образование: учили читать, писать, считать, знакомили с основами истории, географии и естествознания, с другой – их обучали ремеслам, которые могли пригодиться в дальнейшей жизни.

В системе образования колонии воспитанники распределялись по четырем возрастным группам. Учебная программа была дифференцированной. В трех старших группах преподавались Закон Бо-

жий, русский язык, славянское чтение, арифметика, история, география, естествознание в форме бесед и черчение. В младшей группе обучение включало Закон Божий, русское чтение и письмо, черчение по клеткам. Гимнастика с маршировкой и хоровое пение проводились совместно для всех групп. Пением руководил исполняющий обязанности директора. Гимнастикой занимался один из воспитателей. Особое внимание уделялось обучению ремеслам и земледелию.

Обучение ремеслам было организовано таким образом, чтобы дети могли получить практические навыки и почувствовать себя полезными. В столярной мастерской, которая существовала всего год, обучались 11 мальчиков. Несмотря на короткий срок, воспитанники достигли значительных успехов в деревообработке. Они изготовили библиотечный шкаф, конторку, киот для икон, парты, верстаки и другие изделия. Все ученики проявляли интерес к ремеслу.

С 1896 г. действовала сапожная мастерская. В ней трудились до 14 воспитанников, которые шили обувь для себя и других ребят. Два мальчика обучались портняжному делу, 20 учеников занимались садоводством и огородничеством.

После переезда колонии в Авчалы в октябре 1898 г. все силы администрации, наставников и воспитанников были направлены на обустройство сада и огорода. В непогоду садовник проводил теоретические занятия по основам садоводства. Выращенный урожай использовался для нужд колонии.

Здоровью воспитанников уделялось особое внимание. Все поступающие проходили медицинский осмотр. Дети еженедельно посещали баню. Белье регулярно менялось, а матрасы проветривались.

Питание было трехразовым и горячим. Проводилась работа по искоренению привычки курения без применения наказаний. Заболевания в легкой форме лечились в специальной комнате для больных. В серьезных случаях обращались к врачам-специалистам в Тифлисе или помещали больных или травмированных воспитанников в Тифлисскую Михайловскую больницу. Бесплатную медицинскую помощь оказывали доктора Т. М. Тарсаидзе, Д. В. Кикодзе, С. В. Войно и зубной врач П. Д. Майсурианц.

Наряду с укреплением физического здоровья воспитанников большое внимание уделялось их нравственному развитию. Каждую неделю проводились два урока Закона Божьего. Священник вел с детьми духовные беседы. Воспитатели относились к своим подопечным тепло. В работе воспитанникам предоставлялась определенная самостоятельность, в частности право самостоятельно разрешать мелкие товарищеские конфликты.

Со временем у воспитанников сформировались навыки личной гигиены и бережного отношения к одежде и постельному белью. В свою очередь, это свидетельствовало о результативности воспитательной работы. Руководство колонии понимало, что успешное исправление несовершеннолетних преступников невозможно без участия их родителей. Поэтому большое внимание уделялось поддержанию связи с семьями воспитанников. Детям разрешалось переписываться с родителями. Колония обеспечивала детей необходимой бумагой и почтовыми марками. Родителям также позволялось посещать своих

детей. Однако в начале пребывания ребенка в приюте подобные встречи проходили под надзором воспитателей, поскольку личности новоприбывшего и его родителей администрации и воспитателям известны еще не были [25, с. 1915].

Если воспитанник проявлял себя с положительной стороны и заслуживал доверие педагогов, в общении с родными ему предоставлялось больше свободы. Хорошо зарекомендовавшим себя детям даже разрешались короткие каникулы с выездом домой, если их родители проживали в Тифлисе.

В письмах к родителям воспитанники обычно делали акцент на своем профессиональном обучении, сообщая о том, какому ремеслу они учатся. Дети регулярно информировали родителей о своих успехах и описывали изделия, которые им удалось изготовить. Такие сообщения производили на родителей положительное впечатление. В своих ответных письмах они хвалили детей и советовали им трудиться еще усерднее, слушаться руководителей, чтобы вырасти порядочными людьми и обеспечить себе честный заработок. Наполненная теплыми чувствами, надеждами и благодарностью к руководству колонии переписка между родителями и детьми была эффективным фактором воспитательного процесса. Признавая благотворное воспитательное значение такой связи, администрация колонии всеми возможными способами стремилась поддерживать и укреплять подобные отношения.

Что касается наказаний за проступки, то администрация колонии избегала строгих мер. О применении телесных наказаний не было и речи. Наиболее частыми наказаниями служили выговоры и запрет провинившимся воспитанникам участвовать в играх со сверстниками. Лишение права на свидания с родителями применялось лишь дважды.

Несмотря на все трудности, в исправлении несовершеннолетних преступников Кавказское общество исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний добились определенных успехов. Многие воспитанники колонии смогли получить образование, освоить профессию и вернуться к нормальной жизни. Вместе с тем необходимо признать, что система исправления несовершеннолетних преступников на Кавказе в конце XIX в. была далека от совершенства [28, с. 41].

Нехватка финансирования, квалифицированных кадров, эффективных методов работы – все это существенно ограничивало возможности исправительных учреждений [29, с. 71]. Тем не менее опыт Кавказского общества исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний представляет собой ценный вклад в развитие системы исправления несовершеннолетних преступников. Он показывает, что даже в сложных и неблагоприятных условиях можно добиться положительных результатов, если применять гуманный и комплексный подход к работе с трудными подростками.

Выводы

Несмотря на благие намерения и огромные усилия, Кавказское общество исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний столкнулось с рядом серьезных проблем, которые пагубно повлияли на его эффективность. Одной из них яви-

лась финансовая нестабильность, поскольку общество зависело от нерегулярных и зачастую скудных пожертвований и государственных субсидий. Нехватка средств напрямую сказывалась на качестве питания, одежды, обучения и содержания воспитанников. Существенно осложнял деятельность общества и его исправительных учреждений кадровый голод. Так, низкая оплата труда и отсутствие социальных гарантий отпугивали квалифицированных педагогов и воспитателей. Частая смена персонала негативно влияла на стабильность и эффективность воспитательного процесса.

Кроме этого, общество сталкивалось и с проблемой недостаточно развитой инфраструктуры. Нехватка земли, тесные и ветхие помещения, отсутствие необходимого оборудования – все это создавало неблагоприятные условия для жизни и обучения воспитанников. Такие социальные факторы, как бедность, безработица, отсутствие образования и поддержки со стороны семьи – все это способствовало росту детской преступности и затрудняло процесс исправления несовершеннолетних злоумышленников.

Деятельность Кавказского общества исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний в конце XIX – начале XX в. представляет собой важный опыт борьбы с детской преступностью в сложном социально-экономическом контексте. Несмотря на ограниченные ресурсы и многочисленные трудности, общество сумело создать систему исправительных учреждений, направленных не только на изоляцию, но и реабилитацию несовершеннолетних

правонарушителей. Созданная обществом колония для несовершеннолетних стала местом, где дети получали образование, осваивали ремесла и приобретали навыки, необходимые для возвращения к нормальной жизни.

Особое внимание при рассмотренных обстоятельствах уделялось нравственному воспитанию и укреплению связей оказавшихся в колонии детей с семьями, что способствовало формированию у них чувства ответственности и долга. Хотя система исправления несовершеннолетних преступников на Кавказе в тот период была далека от совершенства, она заложила основу для дальнейшего развития более эффективных и гуманных методов работы с трудными подростками.

Опыт Кавказского общества показывает, что даже в сложных условиях можно добиться положительных результатов, если применять комплексный подход, сочетающий образование, профессиональную подготовку, нравственное воспитание и социальную поддержку.

Изучение деятельности Кавказского общества исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний представляет интерес не только для историков, но и для современных специалистов, занимающихся проблемами детской преступности и социальной реабилитации. Анализ успехов и неудач общества позволяет извлечь ценные уроки и использовать их для совершенствования действующих систем исправления несовершеннолетних правонарушителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Красовский М. И. Вопросы устройства русских исправительных заведений для несовершеннолетних. С приложением узаконений и распоряжений правительства, относящихся к малолетним и несовершеннолетним преступникам. Саратов, 1900. 219 с.
2. Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880. СПб., 1880. 674 с.
3. Курс русского уголовного судопроизводства, составленный по лекциям профессора Санкт-Петербургского университета И. Я. Фойницкого и изданный в руководство слушателям 1883–1884 года. Т. 2. СПб., 1884. 664 с.
4. Таганцев Н. С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе. СПб., 1871. 146 с.
5. Кистяковский А. Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления с обозрением русских учреждений. Киев, 1878. 213 с.
6. Толберг Д. Г. Исправительные приюты и колонии в России. СПб., 1882. 63 с.
7. Миклашевский А. Н. Об исправительных приютах для малолетних преступников. Чернигов, 1889. 25 с.
8. Бать А. Г. К вопросу о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних. Казань, 1900. 16 с.
9. Куфаев В. И. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. М., 1927. 167 с.
10. Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: социально-правовые очерки. М., 1923. 302 с.
11. Гербеев Ю. В. Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей: историко-педагогическое исследование : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1969. 34 с.
12. Беляева Л. И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 49 с.
13. Ельчанинов А. П. Исправительные заведения принудительного воспитания несовершеннолетних сельскохозяйственной специализации в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: к вопросу о целях создания и эффективности функционирования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 12–18.
14. Пушилин Р. В. Специфика деятельности воспитательно-исправительных приютов для несовершеннолетних до начала XX века // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 2. С. 59–65.
15. Катцина Т. А., Пашина Н. В., Мезит Л. Э. Организация и принципы педагогического воздействия на несовершеннолетних в Иркутском исправительно-воспитательном приюте (конец XIX – начало XX вв.) // Перспективы науки и образования. 2019. № 5. С. 386–399.

16. Кара И. С. История создания специальных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в царской России // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 197–201.
17. Кара С. В. Начало создания исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в России // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 216–219.
18. Лаврентьев М. В. А. И. Манташев и его деятельность по устройству Кавказской исправительной земледельческо-ремесленной колонии для несовершеннолетних правонарушителей в начале XX в. // Педагогика, психология, общество: актуальные исследования : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 19 марта 2021 г.). Чебоксары, 2021. С. 71–74.
19. Полякова Я. Н. Дореволюционный этап становления процесса исправления малолетних преступников (XVII–XIX вв.) // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 27 марта 2019 г. М., 2019. С. 162–167.
20. Епифанов А. Е. Становление и развитие системы воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в Российской империи конца XIX века // Право и практика. 2024. № 3. С. 6–9.
21. Курас С. Л. Система организации исправительных учреждений для несовершеннолетних в дореволюционной России // Власть. 2015. № 1. С. 185–189.
22. Игнатенко В. И. Появление и развитие воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних осужденных в России // Человек, преступление и наказание. 2013. № 3. С. 92–95.
23. Бикчурина Э. З. Организация пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков (на примере Казанского воспитательно-исправительного ремесленного приюта) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 3 (53). С. 8–17.
24. Гумберт П. Кавказское общество исправительных земледельческо-ремесленных приютов и колоний за 1898 г. // Тюремный вестник. 1901. № 4. С. 195–200.
25. Епифанов А. Е., Павленко Е. М. Из истории обеспечения прав заключенных в тюрьмах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии) // Былые годы. 2021. № 16 (4). С. 1910–1921.
26. Исправительные заведения для несовершеннолетних преступников // Тюремный вестник. 1901. № 1. С. 195–201.
27. Исправительные заведения для несовершеннолетних и приюты для арестантских детей // Тюремный вестник. 1895. № 7. С. 350–358.
28. Епифанов А. Е., Панченко А. В. Правовая природа механизма обеспечения личной безопасности граждан // Новая правовая мысль. 2010. № 4 (41). С. 39–46.
29. Епифанов А. Е., Симон А. Л. Ограничение прав и свобод человека: сравнительно-правовой анализ норм российской правовой системы и международного права // Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы : материалы междунар. науч.-практ. конф., 15 дек. 2016 г. Волгоград, 2017. С. 70–74.

REFERENCES

1. Krasovskii M.I. *Voprosy ustroystva russkikh ispravitel'nykh zavedenii dlya nesovershennoletnikh. S prilozheniem uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, otnosyashchikhsya k maloletnim i nesovershennoletnim prestupnikam* [Issues of the establishment of Russian correctional institutions for minors. With the application of laws and government orders related to juvenile and juvenile delinquents]. Saratov. 1900. 219 p.
2. Nikitin V.N. *Tyur'ma i ssylka. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoie polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobozhdennykh iz-pod strazhi, so vremeni vozniknoveniya russkoi tyur'my do nashikh dnei. 1560–1880* [Prison and exile. Historical, legislative, administrative and living conditions of prisoners, prisoners in transit, their children and those released from custody, from the time of the Russian prison to the present day. 1560–1880]. Saint Petersburg, 1880. 674 p.
3. *Kurs russkogo ugolovnogo sudoproizvodstva, sostavlennyy po lektsiyam professora Sankt-Peterburgskogo universiteta I.Ya. Foinitskogo i izdannyy v rukovodstvo slushatelyam 1883–1884 goda. T. 2* [Course of Russian criminal justice compiled from lectures by Professor I.Ya. Foinitskii of the University of Saint Petersburg and published as a guide for students in 1883–1884. Vol. 2]. Saint Petersburg, 1884. 664 p.
4. Tagantsev N.S. *Issledovaniya ob otvetstvennosti maloletnikh prestupnikov po russkomu pravu i proekt zakonopolozhenii ob ehtom voprose* [Studies on the responsibility of juvenile offenders under Russian law and draft legislation on this issue]. Saint Petersburg, 1871. 146 p.
5. Kistyakovskii A.F. *Molodye prestupniki i uchrezhdeniya dlya ikh ispravleniya s obozreniem russkikh uchrezhdenii* [Young criminals and institutions for their correction with a review of Russian institutions]. Kiev, 1878. 213 p.
6. Tolberg D.G. *Ispravitel'nye priyuty i kolonii v Rossii* [Correctional shelters and colonies in Russia]. Saint Petersburg, 1882. 63 p.
7. Miklashevskii A.N. *Ob ispravitel'nykh priyutakh dlya maloletnikh prestupnikov* [On correctional shelters for juvenile delinquents]. Chernigov, 1889. 25 p.
8. Bat' A.G. *K voprosu o merakh bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnikh* [On the issue of measures to combat juvenile delinquency]. Kazan, 1900. 16 p.
9. Kufaev V.I. *Pedagogicheskie mery bor'by s pravonarusheniyami nesovershennoletnikh* [Pedagogical measures to combat juvenile delinquency]. Moskva, 1927. 167 p.
10. Lyublinskii P.I. *Bor'ba s prestupnost'yu v detskom i yunosheskom vozraste: sotsial'no-pravovye ocherki* [The fight against crime in childhood and adolescence: socio-legal essays]. Moscow, 1923. 302 p.
11. Gerbeev Yu.V. *Ispravitel'nye uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei: istoriko-pedagogicheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Correctional institutions for juvenile offenders: historical and pedagogical research: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 1969. 34 p.
12. Belyaeva L.I. *Pravovye, organizatsionnye i pedagogicheskie osnovy deyatelnosti ispravitel'nykh zavedenii dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei v Rossii (seredina XIX - nachalo XX v.): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal,

- organizational and pedagogical foundations of correctional institutions for juvenile offenders in Russia (mid-19th – early 20th centuries): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1995. 49 p.
13. El'chaninov A.P. Correctional institutions of compulsory education of minors of agricultural specialization in the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries: on the issue of the goals of creation and efficiency of functioning. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia*, 2022, no. 2 (96), pp. 12–18. (In Russ.).
14. Pushilin R.V. The specifics of the activities of educational and correctional shelters for minors before the beginning of the XX century. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii = Bulletin of the Tomsk Institute of Advance Training of employees the FPS of Russia*, 2021, no. 2, pp. 59–65. (In Russ.).
15. Kattsina T.A., Pashina N.V., Mezit L.E. Organization and principles of pedagogical influence on minors in the Irkutsk correctional-educational shelter (late 19th – early 20th centuries). *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2019, no. 5, pp. 386–399. (In Russ.).
16. Kara I.S. The history of creation of the special institutions for juvenile delinquents in tsarist Russia. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University*, 2014, no. 3, pp. 197–201. (In Russ.).
17. Kara S.V. The beginning of the creation of correctional and educational institutions for juvenile offenders in Russia. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University*, 2015, no. 2, pp. 216–219. (In Russ.).
18. Lavrent'ev M.V. Mantashev and his activities on the establishment of the Caucasian correctional agricultural and handicraft colony for juvenile offenders in the early 20th century. In: *Pedagogika, psikhologiya, obshchestvo: aktual'nye issledovaniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchast. (Cheboksary, 19 mart 2021 g.)* [Pedagogy, psychology, society: current research: materials of the All-Russian scientific and practical conference with International participation (Cheboksary, March 19, 2021)]. Cheboksary, 2021. Pp. 71–74. (In Russ.).
19. Polyakova YA.N. The pre-revolutionary stage of the formation of the process of correcting juvenile offenders (XVII–XIX centuries). In: *Perspektivnye napravleniya nauchnykh issledovaniy po istorii ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii: Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 27 marta 2019 goda* [Promising areas of scientific research on the history of the penal system of the Russian Federation: materials of the II All-Russian scientific and practical conference, Moscow, March 27, 2019]. Moscow, 2019. Pp. 162–167. (In Russ.).
20. Epifanov A.E. Formation and development of the system of educational and correctional institutions for juvenile criminals in the Russian Empire of the late XIX century. *Pravo i praktika = Law and Practice*, 2024, no. 3, pp. 6–9. (In Russ.).
21. Kuras S.L. Organization of correctional institutions for juveniles in pre-revolutionary Russia. *Vlast' = Power*, 2015, no. 1, pp. 185–189. (In Russ.).
22. Ignatenko V.I. The emergence and development of educational and correctional institutions for juvenile convicts in Russia. *Chelovek, prestuplenie i nakazanie = Man, Crime and Punishment*, 2013, no. 3, pp. 92–95. (In Russ.).
23. Bikchurina E.Z. Organization of penitentiary institutions for minors in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the Kazan educational and correctional handicraft shelter). *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, vol. 14, no. 3 (53), pp. 8–17. (In Russ.).
24. Gumbert P. The Caucasian Society of Agricultural Correctional Facilities for Juvenile Criminals for 1898. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1901, no. 4, pp. 195–200. (In Russ.).
25. Epifanov A.E., Pavlenko E.M. From the history of ensuring the rights of prisoners in prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov province). *Bylye gody = Former Years*, 2021, no. 16 (4), pp. 1910–1921. (In Russ.).
26. Correctional institutions for juvenile offenders. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1901, no. 1, pp. 195–201. (In Russ.).
27. Correctional institutions for minors and shelters for convict children. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1895, no. 7, pp. 350–358. (In Russ.).
28. Epifanov A.E., Panchenko A.V. The legal nature of the mechanism for ensuring the personal safety of citizens. *Novaya pravovaya mysl' = New Legal Thought*, 2010, no. 4 (41), pp. 39–46. (In Russ.).
29. Epifanov A.E., Simon A.L. Restriction of human rights and freedoms: a comparative legal analysis of the norms of the Russian legal system and international law. In: *Kontseptual'nye podkhody k sovershenstvovaniyu rossiiskoi pravovoi sistemy: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 15 dekabrya 2016 g.* [Conceptual approaches to improving the Russian legal system: materials of the international scientific and practical conference, December 15, 2016]. Volgograd, 2017. Pp. 70–74. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, Москва, Россия, профессор кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского университета «Синергия», Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Public Law and Legal Management of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Moscow, Russia, professor at the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines of the Moscow University «Synergy», Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Статья поступила 01.04.2025

Передача осужденных как инструмент международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Реферат

Введение: статья исследует институт передачи осужденных в контексте уголовного и уголовно-исполнительного права. Актуальность обусловлена ростом транснациональной преступности и необходимостью гармонизации международных стандартов. Рассматриваются правовые основы процедуры передачи осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в государство их гражданства, исполнения наказания без лишения свободы, применения условного осуждения или отсрочки, а также соблюдения прав осужденных. Особое внимание уделено роли международных договоров, российского законодательства, обмену информацией и практике уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. *Цель* – анализ передачи осужденных как инструмента международного сотрудничества – достигается посредством решения задач, связанных с изучением правовых основ, процедур и проблем передачи. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, наблюдения и описания эффективности норм международного права, договоров Российской Федерации, уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Применены формальная и диалектическая логика, юридико-технический анализ и толкование норм. *Результаты:* анализ российского законодательства и практики показывает, что регламентация передачи осужденных повышает эффективность деятельности органов юстиции, прокуратуры и УИС на основе гуманизма и сотрудничества. Это обеспечивает защиту прав российских граждан за рубежом и иностранцев в Российской Федерации, а также оптимизацию исполнения наказаний с учетом интересов осужденных и государств. *Выводы:* необходимо совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство для исключения подмены механизмов передачи, повышения гарантий прав потерпевших (участие в суде, обжалование решений) и адаптации к международным стандартам. Правовое регулирование должно обеспечивать законность, прозрачность, учет прав осужденных и сглаживание различий национальных законов, способствуя равным возможностям отбывания наказания в государстве гражданства.

Ключевые слова: исполнение приговора; международное сотрудничество; передача осужденных; уголовно-исполнительная система; уголовный процесс; экстрадиция.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шаталов А. С. Передача осужденных как инструмент международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 12–22. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.002.

Original article

Transfer of Convicts as an Instrument of Global Cooperation in Criminal Justice

ALEKSANDR S. SHATALOV

Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Abstract

Introduction: The article considers the institution of transfer of convicts in the context of criminal and penal law. The relevance is due to the growth of transnational crime and the need to harmonize international standards. The legal framework, procedures for transferring persons sentenced to imprisonment to serve their sentences in their state of citizenship, execution of sentences without imprisonment, application of suspended sentences or postponement, as well as respect for the rights of convicted persons are considered. Special attention is paid to the role of international treaties, Russian legislation, information exchange and the practice of the penal system of the Russian Federation. *Purpose:* to analyze the transfer of convicts as a tool of international cooperation by determining legal foundations, procedures and problems of transfer. *Methods:* historical, comparative legal, observations and descriptions of the effectiveness of the norms of international law, treaties of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation. Formal and dialectical logic, legal and technical analysis and interpretation of norms are applied. *Results:* the analysis of Russian legislation and practice shows that the regulation of the transfer of convicts boosts the effectiveness of justice, prosecutor's offices and criminal justice on the basis of humanism and cooperation. This ensures protection of the rights of Russian citizens abroad and foreigners in the Russian Federation, as well as optimization of the execution of sentences, taking into account the interests of convicts and states. *Conclusions:* it is necessary to improve the criminal procedure legislation in order to exclude substitution of transfer mechanisms, increase guarantees of victims' rights (participation in court, appeal of decisions) and adapt to international standards. Legal regulation should ensure legality, transparency, consideration of the rights of convicted persons and smoothing out differences in national laws, promoting equal opportunities to serve sentences in the state of citizenship.

Key words: execution of sentence; international cooperation; transfer of convicts; penal system; criminal procedure; criminal proceedings; extradition.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shatalov A.S. Transfer of convicts as an instrument of global cooperation in criminal justice. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 12–22. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.002.

Введение

В последние годы активно обсуждаются вопросы, так или иначе связанные с процессуальной деятельностью сотрудников органов и учреждений ФСИН России. В. В. Николюком, А. А. Крымовым, В. И. Качаловым, Л. А. Пупышевой и некоторыми другими процессуалистами защищены довольно глубокие диссертационные исследования, в которых проводится мысль о том, что в основе уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы лежат те же теоретико-методологические положения, которые свойственны уголовно-процессуальной деятельности как таковой. При этом имеется ряд специфических особенностей, суть которых довольно призрачно просматривается в различных стадиях уголовного судопроизводства, отдельных нормах УПК РФ и ведомственных нормативных правовых актах. Все это, по мнению исследователей, свидетельствует о наличии системных изъянов в законодательной регламентации целого ряда процессуальных процедур, предопределяя необходимость поиска и разработки соответствующих концептуальных подходов, отвечающих постоянно возрастающим потребностям следственной и судебной практики. Представляется, что совершенствование регулирования механизма процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России в рамках отечественного права перспективно в плане оптимизации его уголовно-процессуального компонента с акцентом на осуществление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, требующего последовательного и постоянного совершенствования процессуальных процедур, приве-

дения их в соответствие с современным реалиями, в том числе с учетом изменений смежного отраслевого законодательства.

Понятием «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» в науке уголовного процесса принято обозначать согласованную деятельность компетентных органов и должностных лиц двух и более государств либо действующих в них международных организаций, реализуемую в целях получения либо оказания правовой помощи по уголовным делам, выдачи лиц для осуществления уголовного преследования и передачи осужденных для исполнения наказаний или принудительного лечения в государства их гражданства или постоянного места жительства. Таким образом, передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государство, гражданином которого оно является, исполнение наказания, не связанного с лишением свободы, а также применение условного осуждения или отсрочки отбывания (исполнения) наказания в государстве, гражданином которого является осужденный, законом признается одним из ключевых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Относящиеся к нему положения действующего уголовно-процессуального законодательства призваны прежде всего способствовать поддержанию социальных связей осужденных и их последующей ресоциализации, но кроме этого они обладают значительным экономическим потенциалом, позволяя государству, гражданством которого обладает осужденный, взять на себя бремя финансирования его содержания [1, с. 204]. Следовательно, речь идет не только об укреплении

социальных связей, но и об оптимизации экономических затрат, что делает указанные положения важным инструментом международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства.

Передача осужденных как ключевое направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства

Международное сотрудничество в сфере уголовного правосудия имеет глубокие исторические корни. Осуществляя его, российское государство нередко сталкивалось с определенными трудностями, связанными как с правовыми, так и с политическими аспектами. До начала XX века такое сотрудничество было крайне редким из-за неразвитости международных правовых норм, средств транспорта и способов связи. Ситуация начала меняться после создания в 1948 г. Организации Объединенных Наций, в работе которой активно участвовал Советский Союз. Однако даже после распада СССР международное взаимодействие в сфере уголовного правосудия вплоть до начала XXI века продолжало оставаться эпизодическим и довольно политизированным. В тот период соответствующие вопросы регулировались лишь одним нормативным актом, причем в весьма общих чертах, что исключало прямые контакты между сотрудниками российских правоохранительных органов и их зарубежными коллегами [2]. В 2002 г., когда вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), ситуация кардинально изменилась, поскольку появилась правовая основа для осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, что стало важным стимулом к его дальнейшему развитию. Постепенно пришло понимание, что эффективность такого сотрудничества зависит не только от наличия или отсутствия тех или иных международных норм, но и от возможностей их практической реализации на национальном уровне. Таким образом, с появлением УПК РФ международное сотрудничество получило необходимую правовую регламентацию, а за годы его существования стало ясно, что успешное взаимодействие государств в этой области требует не только соблюдения установленного процессуального порядка, но и учета положений как национального, так и иностранного законодательства.

Понятие «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» почти четверть века активно используется в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Однако его содержание нигде не раскрыто, что порождает дискуссии среди процессуалистов в части формулирования точного определения. Некоторые исследователи считают, что данное понятие охватывает собой деятельность, направленную на получение и оказание правовой помощи на досудебных стадиях уголовного процесса [3; 4]. Другие утверждают, что оно применимо исключительно к вопросам экстрадиции и оперативно-розыскного взаимодействия [5]. Третьи расширяют его содержание, включая осуществление уголовного преследования, передачу лиц для отбывания наказания в государство их гражданства, а также для принудительного лечения [6]. Суммируя

точки зрения процессуалистов, можно сделать вывод, что международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства представляет собой согласованную деятельность компетентных органов и должностных лиц двух и более государств либо международных организаций, направленную:

- на получение или оказание правовой помощи по уголовным делам;
- выдачу лиц для осуществления уголовного преследования;
- передачу осужденных для исполнения наказания или принудительного лечения в государства их гражданства или постоянного места жительства;
- признание и принудительное исполнение приговора суда иностранного государства в части конфискации доходов, полученных преступным путем, находящихся на территории Российской Федерации [7–9].

Передача осужденных может быть осуществлена исключительно в отношении лиц, подвергнутых уголовному наказанию, включая лишение свободы и альтернативные меры, не связанные с лишением свободы. Кроме того, данная процедура может применяться в контексте условного осуждения или отсрочки исполнения наказания. Передача, как правило, осуществляется в государство, гражданство которого имеет осужденный, и в силу данного обстоятельства распространяется в основном на иностранцев, совершивших преступления в странах своего пребывания, включая Российскую Федерацию. Это связано с различными факторами, такими как нежелание соблюдать законы чужой страны, культурный контекст, экономические трудности, сложности социальной адаптации и т. д. Как и многие другие страны, Российская Федерация принимает меры по борьбе с преступностью иностранных граждан, к которым судами могут применяться все виды уголовных наказаний. Важно отметить, что, как и в отношении других субъектов уголовной ответственности, их применение направлено на защиту правопорядка и обеспечение безопасности всех граждан вне зависимости от их расы, национальности или гражданства.

Официальная уголовная статистика свидетельствует о том, что количество преступлений, совершаемых иностранцами в России, сохраняет тенденцию к росту и исчисляется десятками тысяч. Глава Следственного комитета России А. И. Бастрыкин, выступая на XIII Петербургском международном юридическом форуме, заявил, что число преступлений, совершенных иностранцами в 2025 г., увеличилось на 15 % по сравнению с предыдущим годом. Раскрытие особо тяжких преступлений среди мигрантов выросло на 65 % и достигло 4309 случаев, в то время как количество тяжких преступлений снизилось на 4 % и составило 2211 единиц. Он подчеркнул, что наиболее серьезной проблемой были и остаются преступления, совершаемые мигрантами. В 2024 г. их количество сократилось на 0,9 %. Если в 2023 г. было зафиксировано 38,9 тыс. преступлений, то в 2024 г. – 38,6 тыс. Однако в первые месяцы 2025 г. стал наблюдаться их рост – с 10,8 до 12,4 тыс. [10]. Судя по этим цифрам, абсолютное большинство преступников с

иностранным гражданством благодаря слаженной и последовательной работе сотрудников российских правоохранительных органов привлекается к уголовной ответственности. После осуждения и назначения судами уголовного наказания многие из них изъявляют желание отбывать его в стране своего гражданства или постоянного проживания. Ходатайства, поступившие от них по этому поводу, порождают необходимость производства комплекса процессуальных действий, выполняемых в рамках осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Как указывалось выше, одним из ключевых направлений действующим уголовно-процессуальным законодательством признана передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государство, гражданином которого оно является. Сравнительно недавно возможности этого направления расширились за счет появившейся в УПК РФ законодательной регламентации передачи компетентным органам иностранного государства исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, а также применения условного осуждения или отсрочки отбывания (исполнения) наказания.

Решение вопросов об исполнении приговора на территории Российской Федерации и о передаче таких полномочий компетентным органам другого государства

Предусмотренная российским законодательством возможность отбывания осужденными наказания в государствах их гражданства является важным элементом пенитенциарной политики, направленной на достижение целей исправления. Одним из ключевых условий передачи является минимальный срок наказания, оставшийся к отбытию, который определяется либо международным договором Российской Федерации, либо соглашением между компетентными органами Российской Федерации и иностранного государства. В случаях, когда передача осуществляется на основе принципа взаимности, это условие приобретает особое значение [11]. Действующими нормативными правовыми актами учитывается возможность передачи лица для отбывания наказания в государство, на территории которого оно постоянно проживает, не являясь при этом его гражданином [12]. Помимо иностранных граждан, осужденных к лишению свободы и к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, акты передачи могут применяться в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами. Их целью является осуществление принудительного лечения в государстве гражданства. В связи с тем что передача таких лиц в УПК РФ не оговаривается, она осуществляется по решению Генерального прокурора Российской Федерации с учетом положений Конвенции о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами [13], и федерального закона, регулирующего вопросы передачи и принятия Российской Федерацией лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера [14].

По общему правилу, исполнение вступившего в законную силу приговора возлагается на компетент-

ные органы государства, осудившего преступника. Соответственно, только они вправе решать вопрос об исполнении приговора на своей территории либо передаче таких полномочий компетентным органам другого государства. В рамках своей процессуальной деятельности национальные суды в каждом конкретном случае рассматривают данный вопрос, определяя, имеются ли основания для передачи осужденного лица иностранному государству. Российский суд при этом должен учитывать, что передача лица иному государству для исполнения наказания не допускается в случае, если запрашивается гражданин Российской Федерации, совершивший преступление на территории иностранного государства и признанный российским судом виновным в его совершении. Также не допускается выдача лиц, преследуемых за политические убеждения в запрашивающем государстве и не являющихся при этом гражданами Российской Федерации (ст. 61 и 63 Конституции Российской Федерации и ч. 1 ст. 13 УК РФ).

В соответствии с международными договорами Российской Федерации и письменными соглашениями, заключенными с компетентными органами зарубежных стран на основе принципа взаимности, полномочиями по вопросам передачи лиц, осужденных к лишению свободы, в государства их гражданства или постоянного проживания наделено Министерство юстиции Российской Федерации. Также оно осуществляет функции по признанию приговоров в отношении осужденных, скрывшихся от исполнения наказания на территории государства их гражданства, по передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и применению мер уголовно-правового характера. Данные полномочия основаны на нормах международного права и положениях национального законодательства. Реализуя их, Минюст России вправе направлять соответствующие запросы и документы в компетентные органы иностранных государств для рассмотрения [15]. Соответственно, именно этот орган исполнительной власти призван обеспечивать реализацию принципов международного сотрудничества в области уголовного правосудия на территории Российской Федерации. Его взаимодействие с компетентными органами иностранных государств в контексте передачи осужденных осуществляется в рамках, определенных международными договорами или договоренностями, основанными на принципе взаимности, в соответствии с законодательством Российской Федерации и с учетом оговорок (заявлений), сделанных в отношении международных договоров.

Обращение осужденного, его адвоката или близкого родственника (если такое предусмотрено международным договором), поступившее в Минюст России, а также запрос компетентного органа иностранного государства о передаче для отбывания наказания в страну гражданства (или постоянного проживания, если речь идет о лицах без гражданства и это предусмотрено международным договором) проверяются на соответствие действующему международному праву, принципу взаимности, а также уголовно-процессуальному и другому законодательству

Российской Федерации. После регистрации полученные документы передаются в Федеральную службу исполнения наказаний с поручением предоставить материалы, касающиеся осужденного, для рассмотрения вопроса по существу. Материалы, собранные сотрудниками этой службы, после их проверки орган иностранного государства для рассмотрения и вынесения решения о возможности исполнения приговора российского суда на территории данного государства в отношении лица, осужденного к лишению свободы. В случаях, когда Минюст России получает соответствующее решение суда иностранного государства или другого компетентного органа по данному вопросу, а также запрошенные документы, то они пересылаются во ФСИН России с предложением обратиться в компетентный российский суд с представлением о передаче осужденного для отбывания наказания в страну его гражданства в порядке ст. 470 УПК РФ. В соответствии со ст. 396, 397, 399 и 471 УПК РФ ФСИН России обязана не только направить полученные документы в компетентный суд для рассмотрения, но и обеспечить участие своего представителя в судебном заседании. Копия вынесенного по его результатам и вступившего в законную силу постановления о согласии на передачу осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в государство его гражданства направляется Минюстом России в компетентный орган иностранного государства. Уполномоченный орган, осуществляющий функции в сфере исполнения наказаний совместно с ФСИН России, обязан согласовать время, место и процедуру фактической передачи лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы. После достижения договоренности по указанным вопросам передача осужденного в государство его гражданства осуществляется в соответствии с заранее согласованными между государствами процедурами и сроками. В случае принятия российским судом решения об отказе в передаче осужденного обжалование осуществляется в порядке, установленном УПК РФ.

Одним из наиболее часто используемых судами оснований для отказа в передаче лица, осужденного к лишению свободы, является несопоставимость условий и порядка отбывания осужденным наказания, определенных судом или иным компетентным органом иностранного государства (п. 2. ст. 471 УПК РФ). Правовую конкретизацию оно получило спустя годы после вступления УПК РФ в силу. Его более или менее понятное толкование появилось вскоре после того, как по одному из уголовных дел прокурор попросил суд отменить постановление о передаче лица, осужденного в Российской Федерации, в государство его гражданства по причине несовпадения длительности ежедневных прогулок, предоставляемых в этом иностранном государстве осужденным, а также размеров сумм, которые они вправе тратить в течение месяца на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации посчитала эти доводы несостоятельными [16], разъяснив, что под несопоставимостью условий и порядка отбыва-

ния осужденным наказания в виде лишения свободы понимаются такие различия в законодательстве государства исполнения приговора и Российской Федерации, которые не позволяют достичь цели наказания, сформулированной в ст. 43 УК РФ, то есть восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений [17]. Такими различиями могут, в частности, являться неполнота исполнения приговора и назначенного осужденному наказания или, например, ситуация, когда уголовное законодательство запрашивающей передачу стороны предусматривает те или иные квалифицирующие признаки состава преступления, а в законодательстве запрашиваемой стороны они отсутствуют [18].

Поступившее в Минюст России обращение осужденного к лишению свободы судом иностранного государства российского гражданина (или его законного представителя, адвоката, близкого родственника, если это предусмотрено соответствующим международным договором) о передаче для отбывания наказания в Российской Федерации либо соответствующий запрос компетентного органа иностранного государства проверяются на соответствие действующему международному договору, договоренностям, достигнутым на основе принципа взаимности, а также уголовно-процессуальному и иному законодательству Российской Федерации. При необходимости Минюст России направляет в Министерство внутренних дел Российской Федерации запрос о проведении проверки наличия у осужденного российского гражданства либо факта его постоянного проживания на территории Российской Федерации (при рассмотрении вопроса передачи лица без гражданства в соответствии с международным договором). Аналогичный запрос может направляться в Министерство иностранных дел Российской Федерации, однако лишь тогда, когда имеется информация об оформлении осужденным гражданства Российской Федерации в его дипломатическом учреждении, расположенном на территории иностранного государства. В соответствии с результатами проведенной проверки на основании информации о гражданстве осужденного, предоставленной МВД РФ и (или) МИД РФ, компетентному органу иностранного государства направляется официальный запрос о предоставлении документов, которые необходимы для рассмотрения российским судом вопроса о признании и исполнении приговора иностранного суда в отношении данного лица на территории Российской Федерации. Документы, полученные по запросу Минюста России, после их проверки передаются ФСИН России с поручением внести в компетентный российский суд в порядке, предусмотренном ст. 470 УПК РФ, представление о признании и исполнении приговора иностранного суда в отношении гражданина Российской Федерации на ее территории. По итогам судебного заседания заверенная копия вступившего в законную силу решения российского суда о признании и исполнении приговора иностранного суда и передаче осужденного для отбывания наказания в Российской Федерации направляется Минюстом России

компетентному органу иностранного государства для принятия окончательного решения по вопросу передачи. Одновременно уполномоченному органу иностранного государства, ответственному за исполнение наказаний, предлагается согласовать с ФСИН России время, место и порядок фактической передачи осужденного в Российскую Федерацию. Как указывалось выше, фактическая передача осужденного в Российскую Федерацию должна осуществляться в заранее согласованном порядке и в предварительно оговоренные сроки.

Таков действующий в Российской Федерации общий порядок передачи осужденных. Однако, прежде чем продолжить его рассмотрение, необходимо упомянуть, что в своих публикациях на эту тему мы отмечали, что процессуальный институт передачи лиц, осужденных за преступления, представляет собой уникальный феномен в правовой системе, который отличается от института выдачи преступников. В отличие от подходов, принятых в законодательстве многих зарубежных стран, российское уголовное процессуальное право четко разграничивает эти два института, рассматривая их как самостоятельные виды правовой помощи по уголовным делам. Такое позиционирование предусмотрено как национальным законодательством, так и международными нормативными правовыми актами, что подчеркивает их значимость в контексте межгосударственного сотрудничества в сфере уголовного правосудия. Следует отметить, что данное разграничение является ключевым аспектом российской правовой доктрины. Оно позволяет более эффективно регулировать процессы передачи осужденных и экстрадиции преступников, а само различие способствует более четкому определению правовых механизмов и процедур, применяемых в каждом конкретном случае, что, в свою очередь, направлено на повышение уровня правовой определенности и снижение риска возникновения юридических коллизий [19].

Передача осужденных представляет собой специализированную процедуру, применяемую к лицам, подвергнутым различным видам уголовного наказания, включая те, что не предполагают лишения свободы, а также в случаях условного осуждения или отсрочки исполнения наказания. Основанием для осуществления передачи является добровольное согласие осужденного, выраженное в форме соответствующего ходатайства. В отличие от процедуры выдачи, которая предполагает наличие оснований, обусловленных мерами государственного принуждения, передача осуществляется на основе волеизъявления субъекта. Передача, как правило, осуществляется в отношении граждан конкретной страны, что исключает возможность ее применения к лицам, не обладающим гражданством запрашивающего государства, в то время как гражданство лица, в отношении которого принимается решение о выдаче, не является определяющим фактором. В Российской Федерации решение о передаче лица принимается исключительно судом, что подчеркивает его исключительную компетенцию в данном вопросе, а все, что связано с выдачей, находится в ведении Генераль-

ного прокурора Российской Федерации или его заместителя, что обеспечивает комплексный подход к регулированию данного процесса. Таким образом, передача осужденных и выдача лиц, находящихся на территории Российской Федерации, представляют собой сложные юридические процедуры, требующие тщательного анализа и неукоснительного соблюдения нормативно-правовых актов, действующих в запрашивающем и запрашиваемом государствах. Эти процессы осуществляются на основе индивидуальных правовых оснований и регулируются различными органами государственной власти, что обеспечивает их эффективность и соответствие международным стандартам [20, с. 803–804].

Решение вопросов, связанных с признанием, порядком и условиями исполнения приговора суда иностранного государства, которым к лишению свободы осужден российский гражданин, передаваемый в Российскую Федерацию для отбывания наказания

Итак, основанием для передачи лица, осужденного судом Российской Федерации, для отбывания наказания в государство, гражданином которого оно является, как и для передачи гражданина Российской Федерации, осужденного судом иностранного государства, для отбывания наказания на территории Российской Федерации, является решение суда. Оно принимается по результатам рассмотрения представления федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области исполнения наказаний, обращения осужденного или его представителя либо компетентных органов иностранного государства в соответствии с международным договором (письменным соглашением), компетентных органов Российской Федерации и иностранного государства на основе принципа взаимности. Передача исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, и применения условного осуждения или отсрочки отбывания наказания в государство, гражданином которого является осужденный, также может осуществляться только на основании судебного решения. При этом не могут быть переданы в государство своего гражданства осужденные, которым было назначено уголовное наказание в виде штрафа.

Вопросы, непосредственно связанные с признанием, порядком и условиями исполнения приговора суда иностранного государства, которым к лишению свободы осужден российский гражданин, передаваемый в Российскую Федерацию для отбывания наказания, рассматриваются судом, к подсудности которого отнесено совершенное осужденным преступление, с учетом его квалификации по Уголовному кодексу Российской Федерации и места последнего проживания осужденного в Российской Федерации. При рассмотрении материалов такого рода суд, руководствуясь ст. 471 и 472 УПК РФ, а также соответствующими международными договорами, должен убедиться в наличии письменного согласия осужденного на свою передачу, а также согласия на это государства, в котором был вынесен или будет исполняться приговор. Органы, уполномоченные давать такое согласие, определяются национальным законодательством. Это могут быть суды, органы юстиции, прокурату-

ры, безопасности и др., если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации [11, п. 35]. Судебное заседание, в котором решается вопрос о передаче, начинается с доклада представителя федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области исполнения наказаний, либо с объяснений осужденного или его представителя. Далее исследуются представленные в суд материалы, заслушиваются показания лиц, явившихся в судебное заседание, мнения потерпевшего и прокурора, после чего судья выносит свое постановление. В судебном заседании суд вправе исследовать не только показания свидетелей и лица, в отношении которого принимается решение о выдаче, но и документы, в которых содержатся гарантии запрашивающего государства; сопоставимость размера, условий и порядка отбывания осужденным того или иного уголовного наказания в запрашиваемом и запрашивающем государствах; заключение МИД России о ситуации с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве и иные официальные документы, принятые международными организациями (в том числе Генеральной Ассамблеей ООН, Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и др.), отражающие реальную обстановку в запрашивающем государстве. Также суд обязан удостовериться в том, что осужденный не является фигурантом иных уголовных дел на территории Российской Федерации и что в отношении него отсутствуют другие неисполненные приговоры. В случае если рассмотрение судом вопроса о передаче невозможно ввиду неполноты либо отсутствия необходимых сведений, судья вправе отложить его обсуждение и запросить недостающие сведения или без рассмотрения направить обращение осужденного в компетентный орган Российской Федерации. Принятие решений такого рода обычно требуется для сбора необходимой информации во исполнение условий международного договора Российской Федерацией и (или) для предварительного согласования вопроса о передаче осужденного с компетентными органами иностранного государства.

В передаче осужденного для отбывания наказания в государство, гражданином которого он является, российским судом может быть отказано по основаниям, предусмотренным ст. 471 УПК РФ. Перечень этот носит исчерпывающий характер. Вместе с тем иные основания, не фигурирующие в данной статье, для отказа в передаче могут быть предусмотрены международным договором. Например, в ст. 12 международного договора, заключенного Российской Федерацией с Турецкой Республикой, указано, что «в передаче лица может быть отказано: если лицо, содержащееся под стражей, не дает письменного согласия на это; если необходимо присутствие этого лица в судопроизводстве, осуществляемом на территории запрашиваемой Стороны; если передача продлит срок его содержания под стражей; если имеются иные веские основания не передавать лицо на территорию запрашивающей Стороны» [21]. Рассмотрев практические аспекты применения российскими судами данных оснований, высшая судебная инстан-

ция пришла к выводу о том, что «не может являться основанием для отказа в передаче то обстоятельство, что по законодательству государства исполнения приговора за деяния, совершенные осужденным, предельный срок лишения свободы меньше, чем назначенный по приговору российского суда. Вместе с тем предельный срок лишения свободы, предусмотренный законодательством государства исполнения приговора, не должен быть явно несопоставим со сроком наказания, назначенным по приговору суда Российской Федерации» [11, п. 37].

При рассмотрении вопроса о передаче осужденного в иностранное государство суд обязан провести тщательное исследование всех аспектов, связанных с процедурой и условиями исполнения наказания в стране, где будет отбываться наказание. В частности, отсутствие в иностранном государстве исправительного учреждения конкретного типа, назначенного осужденному в соответствии с приговором российского суда, не является основанием для отказа в передаче. Это допустимо при условии, что общий порядок и условия отбывания наказания в указанной стране соответствуют аналогичным требованиям, установленным в Российской Федерации. В судебной практике под несопоставимостью условий и порядка отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы принято понимать наличие существенных различий в условиях и порядке отбывания наказания между страной исполнения приговора и Российской Федерацией, создающее препятствия для достижения целей наказания [11, п. 36].

Таким образом, условия передачи лица в иностранное государство, а также основания для отказа в такой передаче определяются правилами, содержащимися как в УПК РФ, так и в международных договорах, подписанных с участием Российской Федерации. Поэтому соблюдение условий передачи, определенных в ст. 3 Конвенции о передаче осужденных лиц [22], не исключает возможность отказать в ней иностранным государствам – участникам данных международных договоров по основаниям, предусмотренным ст. 471 и 471.1 УПК РФ, например когда от осужденного лица либо государства, где должен исполняться приговор, не получены гарантии исполнения приговора в части гражданского иска (в том числе поручительство, банковская гарантия или залог). В свою очередь, разрешение судом вопросов, связанных с исполнением приговора иностранного государства, также обладает рядом особенностей. Его порядок регламентирован ст. 472 УПК РФ и не предполагает обязательного участия осужденного в рассмотрении соответствующих материалов, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. В соответствии с данной статьей, если суд приходит к выводу, что деяние, за которое осужден российский гражданин, не является преступлением по российскому законодательству или приговор иностранного государства не может быть исполнен в силу истечения сроков давности либо по иному основанию, он выносит постановление об отказе в признании приговора суда иностранного государства. В остальных случаях им выносится постановление о его исполнении. В случае если

осужденный согласен на передачу, а компетентный орган иностранного государства не имеет решения о признании и исполнении приговора, постановленного судом Российской Федерации, то это не является основанием для отказа в передаче [11, п. 35]. Если по УК РФ за то или иное преступление предусмотрен меньший срок лишения свободы, чем назначенный по приговору суда иностранного государства, то суд определяет максимальный срок лишения свободы за данное преступление, предусмотренный российским уголовным законом. Если лишение свободы не предусмотрено в качестве наказания за совершенное лицом преступление, то суд определяет ему иное наказание, наиболее соответствующее наказанию, назначенному по приговору суда иностранного государства, но в пределах, установленных УК РФ за данное преступление. Если по УК РФ максимальный срок или размер наказания, не связанного с лишением свободы, меньше, чем назначенный по приговору суда иностранного государства, то суд Российской Федерации определяет максимальный срок или размер для данного вида наказания, предусмотренный российским уголовным законом. Если же он не предусматривает вида наказания, не связанного с лишением свободы, назначенного по приговору суда иностранного государства, то назначается более мягкий вид наказания, не связанный с лишением свободы, но предусмотренный УК РФ. При этом важно, чтобы данное наказание, назначаемое судом Российской Федерации, не было более строгим, чем предусмотренное приговором суда иностранного государства, и не ухудшало положение осужденного.

Часть наказания, не связанная с лишением свободы и исполненная на территории иностранного государства, должна учитываться судом Российской Федерации при определении меры уголовной ответственности осужденного. Если его осуждение в иностранном государстве было условным, то таким оно будет и в России с установлением испытательного срока и возложением на него дополнительных обязанностей, которые не могут ухудшить его положение по сравнению с периодом отбывания наказания в иностранном государстве. Срок отсрочки отбывания наказания определяется судом Российской Федерации в соответствии со сроком, установленным судом иностранного государства. В случае если приговор суда иностранного государства касается нескольких деяний, не все из которых являются преступлениями по уголовному законодательству Российской Федерации, то суд решает, какая часть наказания, назначенного судом иностранного государства, применима к деянию, являющемуся преступлением. Если приговор суда иностранного государства был отменен или изменен либо если в отношении лица, отбывающего наказание в Российской Федерации, был применен акт амнистии или помилования, изданный в иностранном государстве, то вопросы исполнения пересмотренного приговора суда иностранного государства и применения акта амнистии или помилования решаются в порядке, установленном ст. 472 УПК РФ. В тех случаях когда суд при рассмотрении материалов о передаче лица иностранному государ-

ству или признании приговора суда иностранного государства выявил факты нарушения прав и свобод человека, а также иные нарушения закона, он вправе вынести частное постановление с целью обратить внимание соответствующих организаций и должностных лиц на факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер [23, с. 37].

Заключение и выводы

Передача осужденных представляет собой ключевой инструмент в борьбе с транснациональной преступностью, позволяя обеспечить привлечение к ответственности лиц, совершивших противоправные деяния за пределами своей юрисдикции. Данный механизм не только служит реализации принципа неотвратимости наказания, но и играет важную роль в гармонизации национальных законодательств и судебных практик, приближении их к международным стандартам. В рамках этого процесса осуществляется эффективное взаимодействие между правоохранительными органами различных государств, что способствует укреплению международного правопорядка и повышению уровня доверия между странами в вопросах правосудия. Сама передача осужденных справедливо считается ключевым элементом международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Процедура эта регулируется международными договорами и национальным законодательством, а ее основные аспекты включают в себя:

- определение правового основания передачи;
- соблюдение процессуальных требований и гарантий соблюдения прав и законных интересов осужденных;
- взаимное признание состоявшихся судебных решений;
- согласование особенностей конкретного случая передачи в рамках осуществления взаимодействия российских компетентных органов и компетентных органов иностранного государства.

Процессуалисты в своих трудах часто обращают внимание на то, что процессуальная процедура передачи осужденных в государство их гражданства является весьма сложной, длительной и трудоемкой [24–26]. Ей предшествует подписание соответствующих международных договоров двумя или несколькими государствами. Получив признание в органах государственной власти договаривающихся сторон, они вступают в законную силу, а на их ратификацию нередко уходят годы. Руководствуясь их положениями, суды запрашиваемой и запрашивающей стороны определяют наличие возможности для передачи осужденного в государство, гражданином которого он является, а также устанавливают отсутствие оснований для отказа в такой передаче, в том числе тех, которые не учитывает национальное уголовно-процессуальное законодательство. Такая ситуация не лучшим образом характеризует нынешнее состояние правового регулирования передачи осужденных и требует скорейшего совершенствования, необходимым условием которого должно стать полное устранение двойных стандартов, которые в российской уголовно-процессуальной доктрине справедливо признаются основным негативным фактором.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сантасова Л. Л. Организационно-правовые проблемы передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государство их гражданства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4 (38). С. 203–207.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г. «О порядке сношений государственных учреждений СССР и их должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. Отд. 5. Ст. 2.
3. Волеводз А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 462 с.
4. Перепелкина Ю. Г. Проблемы международного сотрудничества при расследовании преступлений // Теоретические и прикладные проблемы предварительного следствия и дознания : сб. тр. науч.-практ. конф. Саратов, 2009. С. 184–188.
5. Михайлов В. И. Противодействие легализации доходов от преступной деятельности = Counteraction against legalisation of revenues acquired by criminal activity. СПб., 2002. 425 с.
6. Феоктистова Е. Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 158 с.
7. Баркалова Е. В. Международное сотрудничество органов прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства : учеб. пособие. СПб., 2022. 107 с.
8. Смирнов П. А. Понятие и содержание международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства как одно из направлений международной борьбы с преступностью // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 1. С. 21–25.
9. Фролова М. А. Правовые и гуманитарные проблемы передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в странах СНГ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 29 с.
10. Штурма Я. Во всех тяжких: число совершенных иностранцами преступлений выросло на 15 %. URL: <https://iz.ru/1889529/iana-shturma/chislo-sovershennyh-inostrancami-prestuplenij-vyroslo-na-15> (дата обращения: 10.11.2025).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 г. № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131317/ (дата обращения: 10.11.2025).
12. Конвенция от 06.03.1998 (г. Москва) «Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания». URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=01674&all=all> (дата обращения: 10.11.2025).
13. Конвенция о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения (Москва, 28 марта 1997 г.). Ратифицирована Федеральным законом РФ от 6 декабря 2000 года № 142-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902144> (дата обращения: 10.11.2025).
14. Федеральный закон «О передаче и принятии Российской Федерацией лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера» от 23.07.2013 № 191-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149638/5eecab591621db41c019417078f5c05761759888/ (дата обращения: 10.11.2025).
15. Указ Президента Российской Федерации от 13.01.2023 № 10 (ред. от 17.09.2025) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437426/ (дата обращения: 10.11.2025).
16. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 марта 2011 г. № 47-011-20. URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/Кассационное%20определение%20Судебной%20коллегии%20по%20уголовным%20делам%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%2018%20марта%202011%20г.%20№%2047-011-20:0> (дата обращения: 10.11.2025).
17. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12 июля 2011 г. № 53-011-38. URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/Кассационное%20определение%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%2012%20июля%202011%20г.%20№%2053-011-38:0> (дата обращения: 10.11.2025).
18. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.07.2014 №1-АПУ14-14. URL: <https://base.garant.ru/70690988/> (дата обращения: 10.11.2025).
19. Шаталов А. С. Правовой механизм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Право. Журнал Высшей школы экономики. М., 2015. № 1. С. 126–149.
20. Шаталов А. С., Крымов А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 803–804.
21. Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче. Ратифицирован Федеральным законом от 07.03.2017 № 24-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420248222> (дата обращения: 10.11.2025).
22. Конвенция о передаче осужденных лиц ETS N 112 (Страсбург, 21 марта 1983 г.). URL: <https://base.garant.ru/12112878/> (дата обращения: 10.11.2025).
23. Сантасова Л. Л. Институт передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государство их гражданства. Вологда, 2015. 224 с.
24. Баркалова Е. В. Экстрадиция. Передача лица для отбывания наказания. Признание и исполнение приговоров судов иностранных государств : учеб. пособие. СПб., 2023. 87 с.
25. Зайцев О. А., Смирнов П. А., Тлехуч З. А. Новые правовые возможности участия России в международном сотрудничестве по уголовным делам на европейском континенте и перспективы их применения // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 4. С. 7–11.

26. Тлехуч З. А. Международные договоры Российской Федерации как нормативная основа собирания доказательств по уголовным делам // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 1 (63). С. 116–123.

REFERENCES

1. Santashova L.L. Organizational and legal problems of the transfer of persons sentenced to deprivation of liberty for serving sentence in the state of their citizenship. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2016, no. 4 (38), pp. 203–207. (In Russ.).
2. On the procedure for relations between state institutions of the USSR and their officials with institutions and officials of foreign states: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 16, 1947. In: *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR [Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR]*. 1948. No. 5. Art. 2. (In Russ.).
3. Volevodz A.G. *Pravovye osnovy novykh napravlenii mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovnogo protsesssa: diss. ... d-ra yurid. nauk [Legal foundations of new directions of international cooperation in the field of criminal procedure: Doctor of Sciences (Law) dissertation]*. Moscow, 2002. 462 p.
4. Perepelkina Yu.G. Problems of international cooperation in the investigation of crimes. In: *Teoreticheskie i prikladnye problemy predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya: sbornik trudov nauchno-prakticheskoi konferentsii [Theoretical and applied problems of preliminary investigation and inquiry: proceedings of the scientific and practical conference]*. Saratov, 2009. Pp. 184–188. (In Russ.).
5. Mikhailov V. I. *Protivodeistvie legalizatsii dokhodov ot prestupnoi deyatel'nosti [Counteraction against legalization of revenues acquired by criminal activity]*. Saint Petersburg, 2002. 425 p.
6. Feoktistova E.E. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo organov predvaritel'nogo rassledovaniya po ugovnym delam: protsessual'no-pravovye i kriminalisticheskie aspekty: diss. ... kand. yurid. nauk [International cooperation of the bodies of preliminary investigation in criminal cases: procedural, legal and criminalistic aspects: Candidate of Sciences (Law) dissertation]*. Moscow, 2006. 158 p.
7. Barkalova E.V. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo organov prokuratury v sfere ugovnogo sudoproizvodstva: ucheb. posobie [International cooperation of prosecutor's offices in the field of criminal proceedings: study guide]*. Saint Petersburg, 2022. 107 p.
8. Smirnov P.A. The concept and content of international cooperation in the field of criminal justice as one of the directions of the international fight against crime. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2011, no. 1, pp. 21–25. (In Russ.).
9. Frolova M.A. *Pravovye i gumanitarnye problemy peredachi lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroistvami, dlya provedeniya prinuditel'nogo lecheniya v stranakh SNG: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal and humanitarian problems of the transfer of persons suffering from mental disorders for compulsory treatment in the CIS countries: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]*. Moscow, 2010. Pp. 8–9. (In Russ.).
10. Shturma Ya. *Vo vsekh tyazhkih: chislo sovershennykh inostrantsami prestuplenii vyroslo na 15% [In all serious cases: the number of crimes committed by foreigners increased by 15%]*. Available at: <https://iz.ru/1889529/iana-shturma/chislo-sovershennykh-inostrantsami-prestuplenij-vyroslo-na-15> (accessed November 10, 2025).
11. *O praktike rassmotreniya sudami voprosov, svyazannykh s vydachei lits dlya ugovnogo presledovaniya ili ispolneniya prigovora, a takzhe peredachei lits dlya otbyvaniya nakazaniya: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 14.06.2012 g. No. 11 (red. ot 03.03.2015) [On the practice of consideration by courts of issues related to the extradition of persons for criminal prosecution or execution of a sentence, as well as the transfer of persons to serve their sentences: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of June 14, 2012 (as amended on March 3, 2015)]*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131317/ (accessed November 10, 2025).
12. *Konventsia o peredache osuzhdennykh k lisheniyu svobody dlya dal'neishego otbyvaniya nakazaniya ot 6 marta 1998 g. [Convention on the Transfer of Convicts to Imprisonment for Further Serving Sentence of March 6, 1998]*. Available at: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=01674&all=all> (accessed November 10, 2025).
13. *Konventsia o peredache lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroistvami, dlya provedeniya prinuditel'nogo lecheniya (Moskva, 28 marta 1997 g.): ratifitsirovana Federal'nym zakonom RF ot 6 dekabrya 2000 goda No. 142-FZ [Convention on the Transfer of Persons Suffering from Mental Disorders for Compulsory Treatment (Moscow, March 28, 1997): ratified by the Federal law of the Russian Federation No. 142-FZ of December 6, 2000]*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1902144> (accessed November 10, 2025).
14. *O peredache i prinyatii Rossiiskoi Federatsiei lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroistvami, v otnoshenii kotorykh imeetsya reshenie suda o primenenii prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera: Federal'nyi zakon ot 23.07.2013 g. No. 191-FZ [On the transfer and acceptance by the Russian Federation of persons suffering from mental disorders, in respect of whom there is a court decision on the application of compulsory medical measures: Federal Law No. 191-FZ of July 23, 2013]*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149638/5eecab591621db41c019417078f5c05761759888/ (accessed November 10, 2025).
15. *Voprosy Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 13.01.2023 No. 10 (red. ot 09.10.2023) [Issues of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 10 of January 13, 2023 (as amended on October 9, 2023)]*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437426/ (accessed November 10, 2025).
16. *Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po ugovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 18 marta 2011 g. No. 47-011-20 [Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 47-011-20 of March 18, 2011]*. Available at: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/Kassatsionnoe%20opredelenie%20Sudebnoi%20kollegii%20po%20ugolovnym%20delam%20Verkhovnogo%20Suda%20RF%20ot%2018%20marta%202011%20g.%20No.%2047-011-20:0> (accessed November 10, 2025).

17. *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 12 iyulya 2011 g. No. 53-011-38* [Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53-011-38 of July 12, 2011]. Available at: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/Kassatsionnoe%20opredelenie%20Verkhovnogo%20Suda%20RF%20ot%2012%20iyulya%202011%20g.%20No.%2053-011-38:0>. (accessed November 10, 2025).
18. *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 01 iyulya 2014 No. 1-APU14-14* [Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1-APU14-14 of July 1, 2014]. Available at: <https://base.garant.ru/70690988/> (accessed November 10, 2025).
19. Shatalov A.S. Legal mechanism of international cooperation in the field of criminal justice. *Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2015, no. 1, pp. 126–149.
20. Shatalov A.S., Krymov A.A. *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii: akademicheskii kurs po napravleniyu "Yurisprudentsiya"* [Criminal Procedure Law of the Russian Federation: academic course in the field of Jurisprudence]. Moscow, 2023. Pp. 803–804. (In Russ.).
21. *Dogovor mezhdru Rossiiskoi Federatsiei i Turetskoi Respublikoi o vzaimnoi pravovoi pomoshchi po ugolovnym delam i vydache: ratifitsirovan Federal'nym zakonom ot 07.03.2017 No. 24-FZ* [Treaty between the Russian Federation and the Republic of Turkey on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters and Extradition: ratified by federal law No. 24-FZ of March 7, 2017]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420248222> (accessed November 10, 2025).
22. *Konventsia o peredache osuzhdennykh lits (ETS N 112). (Strasburg 21.03.1983)* ([Convention on the Transfer of Sentenced Persons (ETS N 112)]. (Strasbourg, March 21, 1983)]. Available at: <https://base.garant.ru/12112878/> (accessed November 10, 2025).
23. Santashova L.L. *Institut peredachi lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody dlya otbyvaniya nakazaniya v gosudarstvo ikh grazhdanstva* [Institution of transfer of persons sentenced to imprisonment to serve their sentence in their state of citizenship]. Vologda, 2015. 224 p.
24. Barkalova E.V. *Ekstraditsiya. Peredacha litsa dlya otbyvaniya nakazaniya. Priznanie i ispolnenie prigovorov sudov inostrannykh gosudarstv: ucheb. posob.* [Transfer of a person to serve a sentence. Recognition and execution of sentences of courts of foreign states: study guide]. 2023. 87 p.
25. Zaitsev O.A., Smirnov P.A., Tlekhuch Z.A. New legal opportunities for the involvement of Russia in the international cooperation for criminal cases in the European continent and application prospects. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2020, no. 4, pp. 7–11. (In Russ.).
26. Tlekhuch Z.A. International agreements of The Russian Federation as a legal framework for collecting criminal evidence. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2018, no. 1 (63), pp. 116–123. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

ALEKSANDR S. SHATALOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Procedure of the Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Статья поступила 15.10.2025

Научная статья

УДК 343.9

doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.003

Теоретико-прикладные основы минимизации системных криминогенных рисков, связанных с освобождением осужденных иностранных граждан из учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия
rumyantsev.n.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ МАРКОВ

Университет ФСИН России, Пушкин, Санкт-Петербург, Россия,
markov.a.y@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8034-7066>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу системных криминогенных рисков, связанных с освобождением осужденных иностранных граждан из учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, и разработке мер по их минимизации. *Цель:* выявить ключевые проблемы и предложить комплекс практических мер для оптимизации процесса освобождения осужденных иностранных граждан, снижения рецидивной преступности и усиления пенитенциарной безопасности. *Методы:* методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Системный подход позволил рассмотреть пенитенциарную безопасность как целостный феномен, формирующийся под влиянием взаимосвязанных угрозообразующих факторов. Сбор и анализ эмпирических данных осуществлялся с применением методов статистического анализа ведомственной отчетности и метода социологического анкетирования. Обработка и интерпретация полученных данных производились с использованием сравнительно-правового и формально-юридического методов. Теоретический анализ базировался на методах индукции, дедукции и синтеза, что обеспечило переход от констатации конкретных проблем к формулированию системных рекомендаций. *Результаты:* выявлены устойчивые проблемы: этнорелигиозная консолидация осужденных, распространение радикальных идеологий, высокий уровень рецидивной преступности и слабое межведомственное взаимодействие. Установлено, что освобождение осужденных иностранных граждан характеризуется слабой социальной интеграцией, экономической дезадаптацией и отсутствием отработанных процедур депортации. Опрос представителей духовенства показал недостаточность их вовлеченности в воспитательный процесс и нехватку ресурсов для работы с иностранными осужденными. *Выводы:* для минимизации рисков необходим проактивный межведомственный подход. Предлагаемый комплекс мер включает: стандартизацию и раннее планирование освобождения; цифровизацию взаимодействия ведомств; упрощение миграционных процедур; создание системы постпенитенциарного сопровождения; развитие международного сотрудничества. Особое значение придается интеграции духовно-воспитательного потенциала через законодательное закрепление статуса священнослужителей, включение их в рабочие группы по подготовке к освобождению и создание фонда религиозной литературы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; места лишения свободы; осужденные иностранные граждане; криминогенные риски; рецидивная преступность; радикальная идеология; пенитенциарная безопасность; депортация; экстремизм; терроризм.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Румянцев Н. В., Марков А. Ю. Теоретико-прикладные основы минимизации системных криминогенных рисков, связанных с освобождением осужденных иностранных граждан из учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 23–32. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.003.

Theoretical and Applied Foundations of Minimizing Systemic Criminogenic Risks Associated with Release of Convicted Foreign Citizens from Russian Penitentiary Institutions

NIKOLAI V. RUMYANTSEV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

rumyantsev.n.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

ALEKSANDR Yu. MARKOV

University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pushkin, Saint Petersburg, Russia, markov.a.y@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8034-7066>

Abstract

Introduction: the article analyzes systemic criminogenic risks associated with the release of convicted foreign citizens from Russian penitentiary institutions and proposes measures for their minimization. *Purpose:* to identify key problems and propose a set of practical measures to optimize the process of releasing convicted foreign citizens, reduce recidivism and strengthen prison security. *Methods:* general and private scientific. The systematic approach allowed us to consider penitentiary security as an integral phenomenon formed under the influence of interrelated threat-forming factors. Empirical data was collected and analyzed using the methods of statistical analysis of departmental reporting and the method of sociological questioning. The data obtained were processed and interpreted using comparative legal and formal legal methods. The theoretical analysis was based on the methods of induction, deduction and synthesis, which ensured the transition from stating specific problems to formulating systemic recommendations. *Results:* we identified persistent problems, such as ethno-religious consolidation of convicts, spread of radical ideologies, high recidivism rates and weak interagency cooperation. The release of convicted foreign citizens is characterized by weak social integration, economic maladaptation and a lack of well-established deportation procedures. A survey of the clergy showed a lack of their involvement in the educational process and a lack of resources to work with foreign convicts. *Conclusions:* a proactive interagency approach is needed to minimize risks. The proposed package of measures includes standardization and early release planning; digitalization of agency interaction; simplification of migration procedures; creation of a system of post-retirement support; development of international cooperation. Special importance is attached to the integration of spiritual and educational capacities through legislative consolidation of the status of the clergy, creation of a religious literature fund and inclusion of clergymen in working groups to prepare for release.

Keywords: penal system; places of imprisonment; convicted foreign citizens; criminogenic risks; recidivism; radical ideology; penitentiary security; deportation; extremism; terrorism.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Rumyantsev N.V., Markov A.Yu. Theoretical and applied foundations of minimizing systemic criminogenic risks associated with release of convicted foreign citizens from Russian penitentiary institutions. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 23–32. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.003.

Введение

Анализ современной ситуации в уголовно-исполнительной системе России, основанный на статистических данных ФСИН России [1], МВД России [2], Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [3], Росстата [4], результатах опросов практических работников, осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства [5], выявляет системные угрозы, связанные с концентрацией иностранных граждан в местах лишения свободы и их последующей ресоциализацией. Актуальность

исследования обусловлена устойчивой тенденцией к консолидации по национально-государственному и религиозному признакам осужденных иностранных граждан, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, что может создавать благоприятную среду для распространения радикальных идеологий, а также негативным образом повлиять на криминогенную ситуацию в исправительных учреждениях и создать предпосылки рецидивной преступности после освобождения от отбывания наказания.

Целью настоящего исследования является разработка и теоретическое обоснование концепции проактивного межведомственного управления процессом освобождения осужденных иностранных граждан, направленной на минимизацию криминальных и идеологических рисков посредством интеграции административных, цифровых и духовно-воспитательных инструментов.

Методологическую основу работы составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования и статистический анализ) методы.

Основная часть

В соответствии со статистическими данными осужденные иностранные граждане составляют в общей массе осужденных в пенитенциарных учреждениях от 9 до 10 %, в следственных изоляторах и тюрьмах – 17–25 %, при этом большинство из них это граждане стран Средней Азии (60–65 %), что указывает на устойчивость миграционных потоков и осложнение оперативной криминальной обстановки.

Особую тревогу вызывает концентрация осужденных иностранных граждан в колониях строгого режима, где содержится наиболее опасная категория спецконтингента. Именно в таких условиях формируется идеологическая основа для последующих преступлений экстремистской направленности. Примером стали события 2024 г., когда в ФКУ ИК-19 УФСИН России по Волгоградской области четверо осужденных, в том числе иностранные граждане, заявившие о принадлежности к запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство», захватили заложников и совершили убийство сотрудников исправительного учреждения [6]. Аналогичное происшествие произошло в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Ростовской области, где шестеро заключенных, осужденных за участие в террористической деятельности и подготовку терактов, захватили заложников [7]. Данные факты демонстрируют определенный уровень самоорганизации и идеологической мотивации осужденных, самоопределения преступного контингента, а также свидетельствуют об имеющихся упущениях не только в организации служебной деятельности, но и в системе межведомственного взаимодействия между ФСИН и МВД России. Это подтверждает и статистика, указывающая, в частности, на неравномерность процедуры передачи осужденных для отбывания наказания в государства, гражданами которых они являются (в 2021 г. – 35 чел., в 2023 г. – 17 чел.). При этом отмечается рост числа освобождений от отбывания наказания в связи с отказами в экстрадиции (в 2020 г. – 11 чел., за первое полугодие 2024 г. – 8 чел.), что свидетельствует о проблемах в процедурных вопросах. На этом фоне наблюдается экспоненциальный рост объемов конвоирования (с 448 чел. в 2020 г. до 915 в 2023 г.), что создает дополнительную нагрузку на российскую пенитенциарную систему.

Следует отметить, что отсутствие отработанного механизма передачи освобожденных иностранных

граждан сотрудникам МВД России для последующей депортации свидетельствует о проблеме нарушения этой процедуры и приводит к тому, что значительное количество освобожденных остается на территории России, создавая почву для рецидивной преступности. Опасность представляет и практика возвращения ранее отбывавших наказание иностранных граждан в Россию по поддельным документам, что позволяет им продолжать преступную деятельность.

Наиболее серьезную угрозу национальной безопасности и безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы представляет процесс идеологического заражения как осужденных иностранных граждан, так и других осужденных в местах лишения свободы, что выражено в презрительном отношении исследуемой категории не только к правоохранительным органам, но и к государству в целом, и напоминает мировоззренческие установки радикал-исламов [8, с. 90].

Несмотря на то что в настоящее время прилагается немало усилий со стороны служб и подразделений ФСИН России (особенно оперативных сотрудников) по противодействию преступлениям экстремистского характера и террористической направленности и нарушениям режима содержания, сложившаяся ситуация требует коренного пересмотра подхода к работе с осужденными иностранными гражданами – от организации их содержания до процедуры освобождения и депортации. В связи с этим необходима разработка комплексной системы мер, включающей усиление контроля за идеологической обстановкой в учреждениях уголовно-исполнительной системы, совершенствование межведомственного взаимодействия и создание эффективного механизма постпенитенциарного контроля за освобожденными иностранными гражданами.

В Российской Федерации принят ряд законодательных актов и нормативных документов по противодействию идеологии экстремизма и терроризма, среди которых Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы, утвержденный указом Президентом Российской Федерации от 30.12.2023 № Пр-2610, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124, рекомендовавшие силовым структурам и правоохранительным органам, государственным и общественным организациям принятие решительных мер по исполнению мероприятий, стабилизирующих обстановку.

С. С. Оганесян, С. Х. Шамсунов [9], Н. В. Румянцев [10] и другие ученые указывают на необходимость особого внимания со стороны личного состава соответствующих пенитенциарных учреждений к лицам, отбывающим наказание и подверженным криминальным субкультурам, идеям движений и сообществ, деструктивным идеологиям и склонности к насильственному поведению, как наиболее опасной категории спецконтингента. Данная эксперт-

ная позиция особенно ценна в части предупреждения вовлечения других осужденных в деятельность террористического и экстремистского характера и пресечения правонарушений. Авторы справедливо указывают на необходимость принятия сотрудниками мер профилактического характера и обладания специальными знаниями в религиозной и социально-правовой сферах. Комплексный подход к решению проблемы представляется наиболее важным направлением для разработки эффективной системы мер, направленных на противодействие радикализации в учреждениях уголовно-исполнительной системы и предотвращение распространения террористической идеологии после освобождения осужденных иностранных граждан.

По состоянию на 01.04.2025 в учреждениях ФСИН России содержалось свыше 30 тыс. осужденных, наибольшее количество из которых составляли граждане республик Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Высокая концентрация спецконтингента отмечается в учреждениях Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (свыше 2300 чел.), что создает дополнительную нагрузку на региональные пенитенциарные структуры.

Указанные факты свидетельствуют об ослаблении безопасности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, которая представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, состояние которого определяется динамическим равновесием между мерами контроля и воздействия со стороны администрации учреждений и деструктивной активностью лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях. Современная оперативная обстановка характеризуется наличием устойчивых угрожающих факторов, ключевыми среди которых являются этно-религиозная консолидация противоправной направленности, распространение радикальной идеологии и организованное противодействие установленному порядку отбывания наказания.

Социологический опрос 478 осужденных иностранных граждан подтвердил данные факты [5]. С. А. Бажановой и И. Н. Медведевой был проведен анализ ключевых особенностей, влияющих на освобождение таких осужденных из мест лишения свободы. Рассмотрены социально-демографические характеристики, криминальная история, мотивация преступной деятельности и постпенитенциарные планы респондентов. Полученные результаты свидетельствуют о высокой доле рецидивной преступности среди данной категории лиц после прибытия в Российскую Федерацию и их слабой социальной адаптации.

Освобождение от отбывания наказания осужденных иностранных граждан сопряжено с рядом специфических проблем, которые связаны с административным выдворением, депортацией, передачей для отбывания наказания в страну гражданства, а также с рисками рецидивной преступности на территории России.

Проведенное исследование позволило выявить ряд особенностей портрета осужденного иностранного гражданина, что следует учитывать в процессе

освобождения от отбывания наказания исследуемой категории лиц.

С целью определения социально-демографической характеристики осужденных иностранных граждан установлено, что большинство опрошенных (85,14 %) являлись гражданами стран СНГ (Узбекистан – 17,57 %, Азербайджан и Таджикистан – по 14,02 %, Украина – 12,13 %). Значительная часть осужденных (64,44 %) отбывала наказание в исправительных колониях строгого режима, что указывает на совершение ими тяжких и особо тяжких преступлений. Наиболее криминально активной была возрастная группа 30–39 лет (36,19 %).

Известно, что для успешной ресоциализации после освобождения необходимо наличие социальных связей. Однако данные опроса показывают их неустойчивость: 39,75 % респондентов не успели создать семью, у 11,3 % семья распалась после осуждения. Только 30,75 % смогли сохранить семью. Отсутствие прочных семейных уз на территории Российской Федерации снижает вероятность успешной интеграции и увеличивает риск возврата к преступной деятельности после освобождения.

Не менее важной составляющей является уровень образования исследуемой категории лиц: только 12,76 % имели высшее или незаконченное высшее образование, что сужает легальные возможности для трудоустройства и адаптации после освобождения.

Основной мотив совершения преступления – «естественный», то есть преступное приобретение средств к дальнейшему существованию (43,72 %). При этом 69,04 % респондентов изначально прибыли в Россию как трудовые мигранты, однако 21,34 % не смогли найти источник заработка, что указывает на проблемы легальной экономической адаптации.

Наиболее тревожной является динамика рецидивной преступности: более 76 % опрошенных до прибытия в Российскую Федерацию не имели проблем с законом, тогда как по прибытию доля лиц, осужденных от 1 до 3 раз, составила 97,28 %. Резкий рост криминальной активности свидетельствует о том, что для значительной части осужденных иностранных граждан пребывание в России связано с криминальным поведением и напрямую влияет на решение вопроса об их дальнейшем пребывании после освобождения в стране.

Особый интерес вызвали результаты исследования, выявившие планы исследуемой категории лиц после освобождения от отбывания наказания: 46,65 % респондентов планируют остаться в России, а 38,08 % – вернуться на родину. При этом 12,55 % не имели никаких планов, что является индикатором социальной дезадаптации и 1,3 % прямо заявили о намерении продолжать преступную деятельность.

Данные планы связаны с высокой рецидивной опасностью, что подтверждает необходимость применения жестких административных мер после отбытия уголовного наказания, что повлияет на разрыв социально опасного явления «миграция – преступление – освобождение – рецидив».

Проведенный анализ данных социологического опроса выявил особенности, обуславливающие

специфику освобождения осужденных иностранных граждан, позволив сформулировать комплекс практических рекомендаций, направленных на системную оптимизацию процесса освобождения осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства:

1. Стандартизация и раннее планирование. Необходимо внедрить обязательную юридическую категоризацию осужденного иностранца сразу после поступления в исправительное учреждение и разработать для каждой категории индивидуальные дорожные карты подготовки к освобождению с четким перечнем действий и сроков. Целесообразно увеличить срок начала комплексной подготовки к освобождению от отбывания наказания.

2. Цифровизация и оптимизация межведомственного взаимодействия. Ключевой мерой является создание единой межведомственной электронной платформы (ФСИН, МВД, МИД, ГУВМ МВД) для обмена информацией и документами, что позволит автоматизировать уведомления, исключить дублирование и сократить сроки оформления. Считаю целесообразным законодательно закрепить регламент безвозвратного электронного обмена с сокращением сроков направления решений до 24 часов.

3. Упрощение и унификация миграционных процедур. Рекомендуется исключить дублирующий институт нежелательности пребывания в пользу унифицированного применения неразрешения въезда. Считаю целесообразным законодательно закрепить невозможность установления административного надзора в отношении освобождаемых осужденных иностранных граждан, подлежащих выдворению.

4. Создание системы постпенитенциарного сопровождения и контроля. Для обеспечения непрерывного контроля предлагается организовать систему постадийного сопровождения, предусматривающую передачу освобождаемого сотруднику миграционной службы непосредственно в день освобождения и использование центров временного содержания как пунктов оказания комплексной помощи. Целесообразно инициировать внесение дополнений в Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», отдельно выделив его действие и на законно находящиеся в России иностранцев.

5. Развитие международного сотрудничества. Необходимо активизация работы по заключению двусторонних соглашений со странами СНГ, регулирующих упрощенные процедуры передачи осужденных, а также порядок предоставления краткосрочных выездов для решения вопросов трудового и бытового устройства на родине.

Следует отметить, что освобождение осужденных иностранных граждан не должно ограничиваться лишь прекращением уголовно-исполнительных правоотношений. Для обеспечения общественной безопасности, снижения рецидивной преступности и соблюдения прав человека необходим комплексный, межведомственный и проактивный подход. Реализация предложенных рекомендаций позволит трансформировать существующую систему из реактивной, замыкающейся на решении сиюминутных проблем

при освобождении, в стратегическую, работающую на опережение и обеспечивающую правовую определенность, эффективность административных процедур и успешную реинтеграцию или контролируемое выдворение данной категории лиц.

При осуществлении комплексного анализа были выявлены системные криминогенные риски, связанные с освобождением осужденных иностранных граждан из учреждений ФСИН России. Выявлены ключевые проблемы: устойчивая этнорелигиозная консолидация, распространение радикальных идеологий, высокий уровень рецидивной преступности и недостатки в межведомственном взаимодействии. Для их решения предлагается комплекс мер, включающий стандартизацию процедур, цифровизацию взаимодействия, упрощение миграционных процедур и законодательное закрепление наказания в виде принудительного выдворения.

Данный вывод служит отправной точкой более детального изучения проблемы, в связи с чем полагаю целесообразным сместить акцент с макроуровня – системных недостатков и общих направлений оптимизации, на микроуровень – углубление в конкретные практические механизмы реализации этих предложений с учетом этнорелигиозного фактора. Считаю необходимым сфокусироваться на двух взаимосвязанных аспектах по исследуемой проблеме:

– роль и потенциал духовно-воспитательной работы как инструмента превентивного воздействия на осужденных иностранных граждан на этапе подготовки к освобождению;

– оптимизация профессиональных компетенций и межведомственных коммуникаций как ключевое условие для минимизации рисков на этапе освобождения и постпенитенциарного сопровождения.

В соответствии с положениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, развитие сотрудничества Федеральной службы исполнения наказаний с институтами гражданского общества предполагает укрепление сотрудничества и расширение участия религиозных организаций, относящихся к основным традиционным религиям, в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Согласно Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809, христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан.

В соответствии с положениями ст. 14 УИК РФ ФСИН России заключены соглашения о взаимодействии с Русской православной церковью, Федерацией еврейских общин России, Конгрессом еврейских

религиозных организаций и объединений в России, духовными управлениями мусульман.

На основании федеральных соглашений о взаимодействии в 2024 г. заключено 196 соглашений о взаимодействии между территориальными органами ФСИН России и централизованными религиозными организациями. Вместе с тем в 2024 г. в представлениях органов прокуратуры указывалось на отсутствие в отдельных территориальных органах ФСИН России соглашений о взаимодействии с мусульманскими религиозными организациями.

Наличие закрепленных священнослужителей из числа мусульманского духовенства положительно влияет на реализацию права подозреваемых, обвиняемых и осужденных, исповедующих ислам, на свободу вероисповедания, качество проведения духовно-нравственной работы, а также на профилактическую работу с лицами, придерживающимися радикальной идеологии.

В контексте указанных задач настоящей работы проведены анкетирование и социологический опрос священнослужителей митрополий Русской православной церкви из числа помощников начальников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы по работе с верующими. Выборка респондентов была сформирована из числа лиц, прошедших повышение квалификации в Университете ФСИН России в рамках ежегодного образовательного семинара по программе «Особенности религиозно-просветительской деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Данная методология позволила получить репрезентативную информацию от ключевых субъектов духовно-просветительской деятельности, непосредственно взаимодействующих с целевой группой и обладающих уникальным опытом работы в специфических условиях пенитенциарной системы. Эти материалы позволяют перейти от констатации проблем к оценке реальных возможностей и барьеров, существующих в деятельности пенитенциарных учреждений.

В соответствии с письмом ФСИН России от 22.02.2025 № исх-04-14310 следует отметить, что в учреждениях созданы необходимые условия для реализации права осужденных и лиц, содержащихся под стражей, на свободу совести и вероисповедания. В настоящее время в пенитенциарных учреждениях функционируют 1673 объекта (здания, сооружения, помещения) для проведения религиозных обрядов и церемоний, в том числе 1160 зданий и помещений для лиц, исповедующих православие (отдельно стоящие и домовые храмы, часовни, молитвенные комнаты), 444 – для лиц, исповедующих ислам (мечети, молитвенные комнаты), 12 – для лиц, исповедующих иудаизм (синагоги, молитвенные комнаты), 36 – для лиц, исповедующих буддизм (дуганы, хурулы, дацаны, молитвенные комнаты), а также 21 религиозный объект для лиц, представляющих иные религиозные течения. Численность верующих осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в 2024 г. составила 212 206 чел., из них: причисляющих себя к православным – 175 391 чел. (82,7 % от общего числа верую-

щих), к мусульманам – 32 293 чел. (15,2 %), к буддистам – 2676 чел. (1,2 %), к иудеям – 432 чел. (0,2 %), к представителям иных религиозных течений – 1414 чел. (0,7 %).

Как справедливо отмечается, освобождение осужденных иностранных граждан не должно ограничиваться формальным прекращением уголовно-исполнительных правоотношений. Этот процесс должен включать в себя элементы ресоциализации, направленные на формирование установок на законопослушное поведение. В условиях культурной и языковой обособленности иностранных осужденных традиционные воспитательные методы могут быть менее эффективны. В этой связи духовно-нравственное воздействие, осуществляемое через институт тюремного духовенства, приобретает особое значение.

Данные анкетирования священнослужителей демонстрируют, что их потенциальный вклад в профилактику рецидива и радикализации среди иностранных осужденных системно ограничен. Анализ ответов респондентов позволяет конкретизировать выявленные системные проблемы применительно к данному направлению работы.

Ключевым препятствием священнослужители считают сложности в получении аутентичных религиозных текстов и предметов культа на родных языках осужденных (73 %). Этот вывод напрямую коррелирует с тезисом об экономической и социальной дезадаптации данной категории лиц. Отсутствие легальных каналов для удовлетворения духовных потребностей не только провоцирует недовольство, но и создает вакуум, который активно заполняется неформальными лидерами, часто с радикальными взглядами. Таким образом, дефицит легитимных религиозных ресурсов становится фактором, усиливающим криминогенные риски, способствует консолидации вокруг деструктивных идеологов и снижает возможность позитивного влияния со стороны официальных конфессий. Количество литературы религиозного содержания в библиотечных фондах учреждений в 2024 г. составило 686 975 экземпляров. В то же время в ходе выездов в территориальные органы сотрудниками УВСПР ФСИН России в отдельных учреждениях выявлялись нарушения указания ФСИН России по порядку проведения проверок книжного фонда, такие как наличие у подозреваемых, обвиняемых и осужденных религиозной литературы на иностранном языке без печати религиозной организации и штампа соответствующей комиссии. Аналогичные нарушения в 2024 г. находили свое отражение в представлениях Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Священнослужители отмечают нехватку углубленных культурологических и религиозоведческих знаний по конкретным регионам (Кавказ, Средняя Азия), а также недостаток методических пособий от ФСИН России для работы с иностранными осужденными (66 %). Данная проблема перекликается с выводом о недостаточной компетентности персонала в конфессиональных вопросах. В контексте подготовки к освобождению этот разрыв приобретает критическое

значение. Сотрудник, не понимающий культурного кода и религиозных особенностей осужденного, не способен выстроить эффективную коммуникацию, оценить истинные мотивы его поведения или выявить признаки идеологической индоктринации. Как следствие, профилактическая работа теряет адресность и превращается в формальность, что снижает общую эффективность системы подготовки к освобождению.

Большинство опрошенных священнослужителей указали, что их взаимодействие с оперативными и воспитательными службами носит эпизодический характер и инициируется по запросу администрации (65 %). Этот факт подтверждает тезис о пассивно-разрешительном характере привлечения духовенства, закрепленном в ст. 14 УИК РФ. Такая модель противоречит идее раннего планирования и стандартизации. Если подготовка к освобождению должна начинаться за 12 месяцев и включать индивидуальную дорожную карту, то участие священнослужителя в ее составлении и реализации должно быть не ситуативным, а системным и плановым. Его наблюдения за динамикой духовного состояния осужденного, изменениями в поведении и круге общения могут служить ценным источником информации для воспитателей и психологов, работающих над постпенитенциарными планами.

Результаты анкетирования показывают неоднозначную оценку священнослужителями роли религии. Половина респондентов считает ее доминирующей, но часто инструментальным фактором (54 %), другая половина видит ее важной, но переплетенной с культурными и бытовыми причинами (46 %). Эта амбивалентность указывает на сложность явления. С одной стороны, этнорелигиозная консолидация создает среду для распространения радикальных идеологий, с другой – сама по себе религиозность не является криминогенным фактором, она становится таковым лишь при определенных условиях: при наличии активных идеологов экстремизма, слабой интеграции, отсутствии легитимного духовного руководства. Следовательно, задача системы заключается не в ограничении свободы вероисповедания, а в создании условий для реализации этого права через легальные, конструктивные каналы, что одновременно лишит почвы для деятельности радикальных поведенников.

Результаты ситуационных вопросов в анкете священнослужителей позволяют оценить не только состояние дел, но и сформировавшиеся у практиков поведенческие алгоритмы, что крайне важно для разработки конкретных рекомендаций по совершенствованию их подготовки.

В ситуации обнаружения закрытой группы под руководством самоназначенного лидера абсолютное большинство священнослужителей (первым шагом) выбирает уведомление руководства исправительного учреждения (73 %). Это отражает понимание ими собственного статуса и границ компетенции в условиях отсутствия четких законодательных полномочий. Данный алгоритм является корректным с точки зрения режимной безопасности, однако он носит

исключительно сигнальный характер. Он не предполагает собственных превентивных действий священнослужителя (например, попытки установить контакт с группой для выяснения характера ее деятельности с духовных позиций). Это подтверждает вывод о том, что священнослужитель сегодня воспринимается, скорее, как внешний информатор, а не как субъект профилактики, интегрированный в процесс исправления.

При возникновении межнациональной напряженности священнослужители в первую очередь рассматривают возможность обращения к внешним религиозным общинам (диаспорам) за советом (76 %). Этот выбор свидетельствует о понимании ограниченности внутренних ресурсов исправительных учреждений и поиске внешних экспертных и медиативных возможностей. Данная практика, однако, не имеет должной нормативной регламентации и зависит от личной инициативы и связей конкретного священнослужителя. Ее институционализация могла бы стать практичным воплощением предложения о развитии международного сотрудничества и привлечения внешних ресурсов, но на микроуровне – уровне конкретного исправительного учреждения и конкретного конфликта.

В структуре пенитенциарного социума присутствуют осужденные за преступления экстремистского и террористического характера. Они обладают идеологической мотивацией, навыками конспирации и нередко рассматривают тюрьму как площадку для продолжения борьбы и вербовки новых сторонников [11, с. 43]. Значительную угрозу представляют осужденные иностранные граждане, преимущественно из стран СНГ, которые часто отбывают наказание за тяжкие общеуголовные преступления. Их концентрация в исправительных учреждениях, языковая и культурная обособленность способствуют созданию закрытых этнических групп, восприимчивых к радикальным нарративам [12, с. 125; 13, с. 147]. Как отмечает М. М. Постников, именно среди данной категории активно происходит «террористский рекрутинг» – снабжение радикальных формирований человеческим ресурсом [14, с. 123].

В случае резкого изменения поведения осужденного (отказ от обрядов, апатия) мнения священнослужителей разделились: часть считает это личным делом (36 %), часть – признаком личностного кризиса, требующего установления контакта (52 %). Такое расхождение отражает отсутствие единых методических ориентиров. Между тем подобные поведенческие сдвиги могут быть маркером давления со стороны радикальной группы, вербовки или внутреннего конфликта. Нейтральная или пассивная позиция священнослужителя в такой ситуации упускает возможность раннего вмешательства. Это подчеркивает необходимость включения в программы подготовки духовенства модулей по пенитенциарной психологии и основам выявления признаков деструктивного влияния.

Именно на этапе карантина необходимо максимально эффективно собрать информацию о новых осужденных, особенно исповедующих ислам. Оперативному работнику предписано проводить бесе-

ды, выявляя зараженность радикальными взглядами, изучая социальные связи и планы осужденного. На основе этой информации принимается решение о размещении: в основную массу, под усиленное наблюдение или в условия строгой изоляции. Однако эффективность этой работы напрямую зависит от компетенции сотрудника, его умения задавать правильные вопросы, основываясь на знании религии, что, как уже отмечалось, вызывает ряд сложностей [14, с. 148].

На основе проведенного анализа и в развитие идей, изложенных в настоящей работе, а также с учетом данных анкетирования и выводов исследования по радикализации можно сформулировать ряд конкретных предложений по интеграции потенциала духовно-воспитательной работы в единый процесс минимизации криминогенных рисков при освобождении.

В развитие предложения о стандартизации необходимо законодательно закрепить статус священнослужителя как полноправного субъекта воспитательного процесса в уголовно-исполнительной системе. Это должно включать право на плановые профилактические беседы (не только по заявке), участие в комиссиях по вопросам подготовки к освобождению, подачу мотивированных ходатайств о поощрении или изменении условий отбывания наказания для осужденных, демонстрирующих положительную динамику.

Для преодоления ключевого барьера, выявленного анкетированием, ФСИН России совместно с централизованными религиозными организациями следует создать экспертный совет и централизованный фонд проверенных и одобренных религиозных текстов на основных языках осужденных иностранных граждан. Это станет практической мерой по контролю за идеологической обстановкой и лишит неформальных лидеров монополии на интерпретацию священных текстов.

Опыт священнослужителей по привлечению внешних общин должен быть институционализирован. В дорожные карты подготовки к освобождению для иностранных граждан следует включить пункт о возможном привлечении (с согласия осужденного) представителей легитимных национально-культурных автономий или консульских работников для консультаций по вопросам реинтеграции на родине, подтверждения документов, поиска легальной работы.

Необходимы разработка и внедрение специализированных учебных модулей. Для сотрудников уголовно-исполнительной системы (воспитателей, оперативников, психологов), а также священнослужителей целесообразны совместные программы повышения квалификации. Их содержание должно включать: основы религиоведения и этнокультурологии (регионы Средней Азии, Кавказа), прикладную конфликтологию в полиэтничной среде, психологические признаки радикализации и вербовки, основы межкультурной коммуникации. Это напрямую ответит на запрос практиков о недостатке знаний.

В рамках подготовки к освобождению конкретного иностранного осужденного должна создаваться

рабочая группа, в которую обязательно следует включать священнослужителя соответствующей конфессии (при ее наличии). Его задача – дать характеристику духовно-нравственному развитию осужденного, оценить степень его вовлеченности в религиозную жизнь учреждения, высказать рекомендации по потенциальным рискам или ресурсам для ресоциализации, связанным с его вероисповеданием.

Предложенная единая межведомственная электронная платформа должна содержать модуль для духовно-воспитательной работы. В нем священнослужители могли бы в установленном порядке вносить свои наблюдения за осужденными иностранцами (без нарушения тайны исповеди, в обобщенном виде), которые становились бы частью их электронного дела и учитывались при принятии решений об условиях отбывания наказания и подготовке к освобождению.

На основе социологических данных и экспертных оценок священнослужителей можно создать типовые модели поведения и факторы риска для осужденных иностранцев из разных регионов. Это позволит заинтересованным сотрудникам, не обладающим глубокими специальными знаниями, более осознанно подходить к оценке ситуации и своевременно передавать информацию специалистам.

Заключение

Проведенный комплексный анализ позволяет сформулировать основополагающий тезис: эффективная нейтрализация криминогенных угроз, имманентно связанных с либерацией осужденных иностранных граждан, представляет собой комплексную управленческую задачу. Ее решение лежит не в плоскости единичных мер, а требует синхронизированной реализации стратегических инициатив, включающих трансформацию системы в проактивную модель, глубинную цифровизацию межведомственного взаимодействия, законодательное закрепление упреждающих процедур, а также полномасштабную институционализацию и оперативное использование духовно-воспитательного ресурса как ключевого элемента ценностно-мотивационной коррекции и раннего предупреждения деструктивных процессов.

Проведенный анализ позволил установить, что процесс освобождения осужденных иностранных граждан из учреждений уголовно-исполнительной системы сопряжен со значительными системными рисками, создающими угрозу национальной и пенитенциарной безопасности. Ключевыми из них являются: устойчивая этнорелигиозная консолидация спецконтингента, способствующая распространению радикальных идеологий; высокий уровень рецидивной преступности, приобретенный данной категорией лиц после прибытия в Россию; недостатки в межведомственном взаимодействии ФСИН России, МВД России и иных структур, ведущие к сбоям в процедурах депортации и постпенитенциарного контроля.

Эмпирические данные подтверждают, что существующая реактивная модель, фокусирующаяся на решении сиюминутных задач в момент освобождения, неэффективна. Установленный социально-демографический профиль типичного осужденного

иностранца характеризующийся слабой социальной интеграцией, экономической дезадаптацией и неустойчивыми постпенитенциарными планами, указывает на необходимость упреждающего и индивидуального подхода, начинающегося на ранних этапах отбывания наказания.

В качестве стратегического решения предлагается трансформация системы в проактивную, основанную на принципах стандартизации, цифровизации и глубокой межведомственной интеграции. Критически важным элементом данной трансформации является полномасштабное вовлечение духовно-воспитательного ресурса, в частности института тюремного духовенства. Его переход от эпизодической роли к статусу полноправного субъекта воспитательного процесса и члена междисциплинарных рабочих

групп позволит осуществлять более адресное воздействие на ценностно-мотивационную сферу осужденных и создаст дополнительный канал мониторинга идеологической обстановки.

В настоящей работе предпринята попытка концептуального осмысления комплексного проактивного механизма межведомственного управления процессом освобождения осужденных иностранных граждан, интегрирующего административно-правовые, цифровые и духовно-воспитательные инструменты, который направлен на системную минимизацию криминогенных и идеологических рисков за счет трансформации существующей реактивной модели в стратегическую, работающую на опережение и обеспечивающую либо контролируруемую ресоциализацию, либо выдворение данной категории лиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России // Информационно-аналитический сборник ФКУ НИИИТ ФСИН России. URL: <https://niiit.fsin.gov.ru/niiit> (дата обращения: 10.12.2025).
2. Состояние преступности в России // Аналитический сборник МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 10.12.2025).
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.12.2025).
4. Численность и миграция населения Российской Федерации // Статистический бюллетень Росстата URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 10.12.2025).
5. Бажанов С. А., Медведева И. Н. О некоторых результатах опроса осужденных иностранных граждан (по материалам социологического опроса) // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание). М., 2023. С. 29–33.
6. Заключенные захватили заложников в колонии под Волгоградом. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/08/2024/66c863c39a7947429216b0fe> (дата обращения: 10.12.2025).
7. Преступники уничтожены. Главное о захвате заложников в ростовском СИЗО // Российская газета. 2024. 16 июня. URL: <https://rg.ru/2024/06/16/reg-ufo/trevozhnoe-voskresene.html> (дата обращения: 10.12.2025).
8. Ципилев С. Н. К вопросу о распространении экстремизма в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 87–92.
9. Оганесян С. С., Шамсунов С. Х. О некоторых актуальных проблемах профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 11–18.
10. Румянцев Н. В. Противодействие идеологии терроризма в учреждениях уголовно-исполнительной системы: задачи и пути их решения // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание). М., 2024. С. 214–219.
11. Артемьев Н. С., Багнычев М. Ю. Оперативно-розыскная профилактика террористической и экстремистской деятельности в учреждениях УИС // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 2 (37). С. 10–13.
12. Морозов А. С. О реализации раздельного содержания лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, а также лиц, оказывающих негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 3 (17). С. 40–48.
13. Постников М. М. Противодействие терроризму и экстремистской деятельности оперативными подразделениями в условиях исправительных учреждений УИС // International Law Journal. 2023. Т. 6, № 7. С. 147–151.
14. Постников М. М. Религиозный экстремизм на территории исправительных учреждений: к вопросу о структуре тюремных джамаатов // International Law Journal. 2024. Т. 7, № 3. С. 122–128.

REFERENCES

1. Andryushchenko M.S., Golik A.M., Sakhnov S.A., Tereshin S.N. Methodology for assessing the likelihood of completing a given task by an unmanned aerial vehicle. *Robototekhnika i tekhnicheskaya kibernetika = Robotics and Technical Cybernetics*, 2024, vol. 12, no. 2, pp. 94–98. (In Russ.).
2. Rumyantsev N.V., Kolotushkin S.M. Modern methods and means of countering the use of unmanned aerial vehicles for the delivery of prohibited items to institutions of the penitentiary system of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4, pp. 224–227. (In Russ.).
3. *Troe grazhdan zaderzhany pri popytke dostavit' zapreshchennye predmety s pomoshch'yu kvadroptera* [Three citizens were detained while trying to deliver prohibited items using a quadcopter]. Available at: https://32.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=487943 (accessed September 4, 2025).
4. *Na kvadroptere popytalsya dostavit' tomich v koloniyu rodstvenniku* [Tomic tried to take a relative to the colony on a quadcopter]. Available at: <https://www.tomsk.kp.ru/online/news/3481445/> (accessed September 4, 2025).

5. *Sotrudniki IK-19 presekli popytku dostavki zapreshchennykh predmetov pri pomoshchi kvadroptera* [Employees of the correctional facility No. 19 stopped an attempt to deliver prohibited items using a quadcopter]. Available at: https://34.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=514303 (accessed September 1, 2025).
6. *Na Kamchatke popytalis' peredat' "zapreshchenku" v koloniyu na BPLA* [In Kamchatka, they tried to transfer the "forbidden" to the correctional facility on a UAV]. Available at: <https://kamchatka.aif.ru/society/na-kamchatke-popytalis-peredat-zapreshchenku-v-koloniyu-na-bpla> (accessed September 1, 2025).
7. *VIK-14 GUF SIN Rossii po Novosibirskoi oblasti pytalis' dostavit' zapreshchennye predmety pomoshch'yu kvadroptera* [An attempt was made to deliver prohibited items using a quadcopter to the correctional facility No. 14 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novosibirsk Oblast]. Available at: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=367467 (accessed December 3, 2025).
8. *Popytka dostavki zapreshchennykh predmetov v koloniyu sorvana sotrudnikami FSIN* [An attempt to deliver prohibited items to the correctional facility was thwarted by FSIN officers]. Available at: <https://tregion.info/74region/popytka-dostavki-zapreshchennykh-predmetov-v-koloniyu-sorvana-sotrudnikami-fsin/> (accessed December 3, 2025).
9. Lubentsov A.V. Application of polynomial splines to optimize video images transmitted from an unmanned aerial vehicle. In: *Radiolokatsiya, navigatsiya, svyaz': sb. tr. XXIX Mezhdunar. nauch.-tekhn. konf., posvyashch. pamyati B.Ya. Osipova: v 6 t. T. 1* [Radar, navigation, communications: proceedings of the XXIX International scientific and technical conference dedicated to the memory of B.Ya. Osipov: in 6 volumes. Volume 1]. Voronezh, 2023. Pp. 328–337. (In Russ.).
10. Kolotushkin S.M. On the issue of the effectiveness of countering the use of unmanned aerial vehicles for the delivery of prohibited items to the territory of institutions of the penitentiary system of the Russian Federation. *Dialog = Dialogue*, 2021, no. 1 (17), pp. 23–28. (In Russ.).
11. Rostopchin V.V. *Udarnye bespilotnye letatel'nye apparaty i protivovozdushnaya oborona – problemy i perspektivy protivostoyaniya* [Attack unmanned aerial vehicles and air defense – problems and prospects of confrontation]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331772628_Udarnye_bespilotnye_letatelnye_apparaty_i_protivovozdusnaa_oborona_-_problemy_i_perspektivy_protivostoania (accessed December 1, 2025).
12. Klimenko Yu.A., Preobrazhenskii A.P. Development of a passive positioning system for an unmanned aerial vehicle. *Sovremennyye problemy radioelektroniki i telekommunikatsii = Modern Problems of Radio Electronics and Telecommunications*, 2024, no. 7, p. 32. (In Russ.).
13. *Patent No. 2849094 C1 Rossiiskaya Federatsiya, MPK F41H 11/02, G01S 13/86, G01S 3/80. Sistema protivodeistviya gruppam mal'kh bespilotnykh letatel'nykh apparatov* [Patent No. 2849094 C1 Russian Federation, IPC F41H 11/02, G01S 13/86, G01S 3/80. System for countering groups of small unmanned aerial vehicles].
14. Makarenko S.I., Timoshenko A.V., Vasil'chenko A.S. Counter unmanned aerial vehicles. Part 1. Unmanned aerial vehicle as an object of detection and destruction. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti = Systems of Control, Communication and Security*, 2020, no. 1, pp. 109–146. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, rumyantsevn.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ МАРКОВ – старший преподаватель кафедры организации режима юридического факультета Университета ФСИН России, Пушкин, Санкт-Петербург, Россия, markov.a.y@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8034-7066>

NIKOLAI V. RUMYANTSEV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Administrative Law of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, rumyantsevn.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

ALEKSANDR Yu. MARKOV – Senior Lecturer at the Regime Organization Department of the Law Faculty of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pushkin, Saint Petersburg, Russia, markov.a.y@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8034-7066>

Статья поступила 23.01.2026

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.004

Актуальные проблемы противодействия незаконным полетам беспилотных воздушных судов со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ КОСТАРЕВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, kostarev.d.f@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2009-4860>

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ СУББОТИН

Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия, wildcadet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7423-2371>

Реферат

Введение: в статье анализируются современные вызовы, связанные с угрозой применения гражданами беспилотных воздушных судов в противоправных целях: доставка запрещенных предметов осужденным к лишению свободы и осуществление контроля за службой личным составом по надзору и охране на объекте уголовно-исполнительной системы. Это становится особенно актуальным для исправительных учреждений, подведомственных ФСИН России. Авторы акцентируют внимание на необходимости разработки и оптимизации механизмов противодействия возможным угрозам. *Целями* данного исследования являются выявление проблем, которые возникают при пресечении полетов беспилотных воздушных судов на территории учреждений ФСИН России, и разработка мер по повышению эффективности защиты. В работе используются аналитический, правовой, статистический, экспертный, прогностический *методы*. *Результаты:* исследование показало, что существуют проблемы, связанные с правовыми, техническими и организационными аспектами противодействия угрозам, которые представляют беспилотные воздушные суда для обеспечения надлежащей деятельности уголовно-исполнительной системы. Установлено, что приведенная динамика пресечения незаконных полетов сотрудниками демонстрирует формирование устойчивой негативной тенденции, а подходы к защите исправительных учреждений не в полной мере учитывают потенциальные риски. *Выводы:* для повышения эффективности защиты исправительных учреждений ФСИН России необходим комплексный подход, включающий правовую базу, обучение и своевременное повышение квалификации персонала исправительных учреждений и внедрение современных технологий отслеживания и блокировки (пресечения) полетов беспилотных воздушных судов.

Ключевые слова: беспилотное воздушное судно; безопасность исправительных учреждений; защитные системы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Костарев Д. Ф., Субботин С. П. Актуальные проблемы противодействия незаконным полетам беспилотных воздушных судов со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 33–39. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.004.

On Challenges for Penal System Employees when Countering Illegal Unmanned Aircraft Flights

DMITRII F. KOSTAREV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, kostarev.d.f@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2009-4860>

SERGEI P. SUBBOTIN

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, wildcadet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7423-2371>

Abstract

Introduction: the article analyzes modern challenges related to the threat of the use of unmanned aircraft for illegal purposes: delivery of prohibited items to convicts and monitoring of the service by the personnel for supervision and protection at penitentiary facilities. This is becoming especially relevant for correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia. The authors emphasize the need to develop and optimize mechanisms to counter possible threats. *Purpose:* to identify problems that arise when intercepting flights of unmanned aircraft on the territory of penitentiary, and to develop measures for boosting security. *Methods:* analytical, legal, statistical, expert, and forecasting. *Results:* the study shows that there are problems related to legal, technical and organizational aspects of countering the threats posed by unmanned aircraft to ensure proper functioning of the penal system. The dynamics of the illegal flight suppression demonstrates the formation of a stable negative trend, while the approaches to protecting correctional facilities do not fully take into account potential risks. *Conclusions:* to ensure security of penitentiary institutions, one needs an integrated approach that includes a legal framework, training and timely professional development of correctional personnel, and introduction of modern technologies for tracking and blocking (suppressing) flights of unmanned aircraft.

Key words: unmanned aircraft; security of correctional institutions; protective systems.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kostarev D.F., Subbotin S.P. On challenges for penal system employees when countering illegal unmanned aircraft flights. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 33–39. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.004.

Введение

ФСИН России, являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, обязана обеспечить правопорядок и законность в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторах, безопасности осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов. Выполнению указанных задач способствует использование сил и средств, имеющихся в распоряжении и состоящих на вооружении ведомства, а в некоторых случаях и взаимодействующих органов. Кроме того, важнейшим элементом укрепления правопорядка и законности в исправительных учреждениях является внедрение современных технических средств. Этот момент особо отмечается в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Рос-

сийской Федерации на период до 2030 г. Использование технических средств повышает эффективность противодействия создаваемым как внешним, так и внутренним угрозам на подведомственных объектах.

Основная часть

Использование беспилотных воздушных судов для транспортировки запрещенных предметов на территорию пенитенциарных учреждений – новый вызов для деятельности уголовно-исполнительной системы. Также существует потенциальная вероятность использования данных устройств для доставки взрывчатых веществ и совершения терактов. В связи с этим вопросы противодействия данным угрозам становятся особенно актуальными.

Противодействие незаконным полетам беспилотных воздушных судов – это принятие мер при угрозе вторжения беспилотных воздушных судов на территорию охраняемого объекта либо непосредственной атаке. Меры противодействия разделяются на два основных этапа: обнаружение (распознавание, классификация) атакующего средства и применение мер противодействия [1, с. 95]. Однако в деятельности пе-

нитенциарных учреждений применение данных мер не всегда представляется возможным.

При этом необходимо отметить, что количество использования беспилотных воздушных судов для противоправной деятельности растет, что подтверждается статистикой региональных подразделений ФСИН России: в 2015 г. – 8 случаев, в 2017 г. – уже 26. Рост количества инцидентов в 3,25 раза за три года наглядно демонстрирует формирование устойчивой негативной тенденции и свидетельствует о растущей привлекательности данной технологии для правонарушителей.

По мнению некоторых авторов, отсутствие серьезных правовых ограничений в приобретении и осуществлении полетов беспилотных воздушных судов также создает криминогенные риски увеличения контрабанды через государственную границу Российской Федерации [2, с. 225].

При повышении активности использования гражданами рассматриваемых аппаратов необходима разработка дополнительных мер по обеспечению безопасности и предотвращению доставки запрещенных предметов в исправительные учреждения. В рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г. предусмотрены следующие меры:

- внедрение технологий для обнаружения и нейтрализации беспилотных воздушных судов над исправительными учреждениями;

- совершенствование средств охраны и мониторинга, что позволит оперативно выявлять нарушения и принимать меры для их пресечения;

- подготовка персонала к противодействию новым технологиям, которые могут быть использованы для нарушения режима и распространения запрещенных предметов.

Случаи конфискации беспилотных воздушных судов в Брянской, Томской, Волгоградской областях, на Камчатке и других регионах России свидетельствуют о значительной географической распространенности проблемы. Использование беспилотников для доставки запрещенных предметов показывает, что учреждения уголовно-исполнительной системы сталкиваются с вызовами, которые требуют комплексного подхода к обеспечению безопасности, а также расширения технических возможностей и профессиональной подготовки сотрудников [3–8].

Для правового пресечения незаконного полета беспилотных воздушных судов и использования воздушного пространства на территориях исправительных учреждений, следственных изоляторов и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, Минюстом России был принят приказ от 11.12.2023 № 370 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов на территориях исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, а также

перечня должностных лиц уголовно-исполнительной системы, уполномоченных на принятие такого решения».

Основные требования данного приказа можно охарактеризовать как определение должностных лиц, уполномоченных принимать решение о пресечении полетов беспилотных воздушных судов, действий сотрудников, непосредственно осуществляющих его выполнение, и порядка регистрации соответствующей информации.

В частности, в перечень должностных лиц, уполномоченных на принятие решений о пресечении полетов беспилотных воздушных судов, входят:

- начальник учреждения;

- дежурный помощник начальника учреждения;

- начальник территориального органа или его заместители (в период действия режима особых условий).

На наш взгляд, наделение данных должностных лиц правом принятия соответствующих решений обусловлено их следующими служебно-личностными характеристиками:

- ответственность за обеспечение охраны, безопасности, режима и организацию надзора в соответствующих учреждениях;

- знания и навыки поэтапного применения мер реагирования в случае осложнения оперативной обстановки (экстренных случаях);

- наделение правами на принятие управленческих решений, имеющих комплексный характер (объявление сбора личного состава и прибытия на службу, перестановка личного состава, управление силами и средствами, имеющимися в распоряжении, и т. п.);

- компетентное взаимодействие с другими правоохранительными органами и учреждениями по вопросам служебной деятельности;

- право на введение режима особых условий для управления сложившейся ситуацией (в том числе введение ограничений).

Вместе с тем определение ограниченного числа должностных лиц, уполномоченных на принятие решений по уничтожению беспилотных воздушных судов, в практической деятельности может существенно замедлить действия сотрудников учреждений, обнаруживших незаконный полет над учреждением и прилегающими к ним территориям, на которых установлены режимные требования. К данной категории в первую очередь относятся сотрудники, осуществляющие охрану объектов и надзор за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными. Кроме того, есть особая категория сотрудников, чьи действия не могут быть реализованы без принятия решения уполномоченных лиц о нейтрализации беспилотных воздушных судов. Это сотрудники, осуществляющие охрану и надзор на отдаленных от учреждений объектах либо временных объектах, то есть на удалении от места постоянной дислокации учреждения. Такое промедление принятия решения о пресечении полета беспилотных воздушных судов уполномоченным лицом может быть обусловлено объективными причинами: отсутствие радио и (или) телефонной связи, вызванное техническими неполадками, повреждени-

ем коммуникаций из-за неблагоприятных погодных условий, противоправных действий и т. п. Также на удаленных объектах ФСИН России не всегда существуют альтернативные средства (способы) связи.

Таким образом, с момента выявления незаконного полета беспилотного воздушного судна, доклада соответствующему уполномоченному должностному лицу и до получения приказа на пресечение полета беспилотного воздушного судна может пройти несколько минут. При этом стремительная динамика полета современных беспилотных воздушных судов, их скорость и способность к изменению траектории полета оставляют дежурному персоналу мало времени для принятия ответных мер [9, с. 327]. Указанные обстоятельства облегчают правонарушителям незаконную доставку запрещенных предметов на территорию пенитенциарных учреждений, способствуют избеганию установленной законом ответственности и дальнейшему совершению противоправных действий.

Для совершенствования деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы и улучшения уже действующих мер по противодействию незаконным полетам беспилотных воздушных судов необходимо принятие комплексных правовых, организационных и технических решений:

Для совершенствования нормативных правовых актов, в частности указанного выше приказа № 370, предлагаем исключить конкретный перечень должностных лиц, уполномоченных принимать решение о пресечении полетов беспилотников. По нашему мнению, данным правом в соответствии со ст. 12, 13, 15 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы”» должен обладать любой сотрудник уголовно-исполнительной системы.

Рассмотрим ситуацию, когда сотрудник, убывающий (пребывающий) со службы или по иным причинам находящийся рядом с местом дислокации учреждения, обнаруживает полет беспилотного воздушного судна. Чтобы пресечь полет, он обязан получить соответствующий приказ от уполномоченного должностного лица. При этом по объективным причинам у него отсутствуют специальные средства связи (радиостанция и иные средства связи), позволяющие оперативно доложить соответствующему лицу и получить необходимое разрешение. Вследствие этого законное пресечение данных полетов доступными способами, но при отсутствии связи с уполномоченными должностными лицами на принятие решений становится невозможным. Внесение изменений в приказ № 370 позволило бы устранить существующие правовые недостатки и повысить эффективность противодействия незаконным полетам над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы, в том числе на временных объектах.

Для выбора оптимальных путей противодействия полетам беспилотных воздушных судов над территориями учреждений ФСИН России был проведен

анализ данных устройств и выделены следующие их виды:

- беспилотные воздушные судна самолетного типа. Эти аппараты, как правило, характеризуются продолжительностью полета, высокой максимальной высотой и большой скоростью. Они способны к длительным перелетам на значительные расстояния и обычно используются для мониторинга больших территорий или выполнения задач, требующих скоростного перемещения;

- беспилотные воздушные судна вертолетного типа. Основное преимущество этих аппаратов заключается в их способности зависать в одной точке и высокой маневренности. Это делает их идеальными для задач, где необходима точная стабилизация в воздухе, например при съемке видео или фотографий из воздуха, а также при проведении различных измерений в фиксированной точке;

- многовинтовые беспилотные воздушные судна. К этой категории относятся беспилотные аппараты с несколькими несущими винтами. Например, квадрокоптеры оснащены четырьмя винтами, а мультикоптеры могут иметь и большее количество. Основная особенность данных аппаратов – способность уравнивать реактивные моменты за счет вращения винтов попарно в разные стороны или наклона вектора тяги каждого винта для изменения направления или стабилизации полета.

Для обнаружения и нейтрализации беспилотников в воздушном пространстве могут применяться универсальные обнаружители (мобильные, стационарные), подавители радиосигналов, специальные технические средства и лазерные установки.

На территории учреждений уголовно-исполнительной системы во всех зафиксированных случаях были использованы многовинтовые беспилотные воздушные судна. Пресечение полетов осуществлялось техническими средствами (только в отдельных субъектах Российской Федерации) и механическим способом. В качестве технических средств применялись такие приборы, как мобильный обнаружитель «Булат» и мобильный подавитель радиосигнала «Гарпия». Механический способ заключается в прицельном и точном применении подручных средств сотрудниками учреждений. Кроме того, для пресечения полетов беспилотных воздушных судов осуществлялось задержание операторов (правонарушителей). Также отмечались случаи потери управления полетом с дальнейшим падением устройства (погодные условия, касание винтами за воздушные коммуникации и т. п.).

На основе анализа средних показателей тактико-технических характеристик можно сделать вывод, что в расчете наиболее распространенные многовинтовые беспилотные воздушные суда могут развивать скорость от 40 до 80 км/ч и иметь дальность действия до 10–20 км и более. Если точка запуска находится в радиусе 5 км от объекта, то время полета составит примерно 4–8 мин. Примерное время определения точки сброса и сброс занимают 0,5–2 мин. С учетом разворачивания, запуска и завершения полета общее время может занять от 10 до 20 мин. Кроме

того, установлено, что около 90 % случаев доставки запрещенных предметов осуществлялось в ночное время, когда беспилотник в воздушном пространстве не виден. В свою очередь, территория учреждения имеет охранное освещение по периметру, что позволяет оператору (правонарушителю) точно вывести судно в нужную точку [10, с. 26]. В дополнение отметим точность сброса запрещенных предметов на территорию учреждения ФСИН России. Так, расстояние отклонения от обозначенного места сброса компактного груза (свертка из пяти средств связи размером 120x70x54 мм, массой 480 г) при его сбросе с высоты 80 м составило 0,6 м, с высоты 200 м – 2,7 м. Таким образом, доставка запрещенных предметов с использованием беспилотных воздушных судов на территорию учреждения, как правило, безопасна для оператора с учетом его удаленности от объекта и эффективна (быстрая и точная доставка в обозначенное место). Поэтому важно разрабатывать современные механизмы противодействия незаконным полетам беспилотных воздушных судов над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы, в том числе для доставки запрещенных предметов.

Такие механизмы должны включать: организационную подготовку сотрудников учреждений (особенно подразделений охраны, режима и надзора), приобретение специального технического вооружения, проведение совместных учений с взаимодействующими правоохранительными органами и т. п.

Помимо традиционных мер противодействия (ограждений, видеонаблюдения) должны использоваться другие превентивные меры. Например, можно выделить физическую защиту отдельных поднадзорных объектов, наиболее подверженных доставке запрещенных предметов, в частности оборудование их сетчатыми навесами (козырьками), создающими препятствие для сброса с воздуха грузов.

Среди мер технического противодействия незаконным полетам беспилотных воздушных судов отметим использование технических средств, основанных на акустическом контроле воздушного пространства, позволяющих обнаруживать и предупреждать о приближении беспилотника за счет шума его винтов. Данный способ в настоящее время в пенитенциарной системе не применяется, хотя подобные технические средства хорошо зарекомендовали себя при обнаружении беспилотных воздушных судов [11; 12, с. 32; 13, с. 1; 14, с. 131].

Средства акустического контроля воздушного пространства должны использоваться вместе с другими механизмами, образующими целую систему противодействия. В частности, необходимо укомплектовать учреждения беспилотными воздушными судами и внести соответствующие изменения в организационно-штатную структуру учреждений. В данном случае предлагаем перераспределить штатную структуру подразделений охраны, создав отделение (отдел) применения беспилотных воздушных судов, в котором должны проходить службу сотрудники, знающие правовые основы применения беспилотников, систему и особенности обеспечения охраны объектов, умеющие правильно квалифицировать склады-

вающую обстановку в учреждении и на прилегающей территории, на которой установлены режимные требования. Сотрудники должны обладать навыками безопасного управления устройствами, мониторинга воздушного пространства и иметь соответствующее подтверждение данной квалификации.

Создание специализированного отделения (отдела) применения беспилотных воздушных судов будет способствовать обеспечению наиболее надежной охраны объектов уголовно-исполнительной системы, обнаружению и сопровождению правонарушителей для задержания сотрудниками, снижению рисков причинения ущерба в гражданско-правовой сфере и другим мерам обеспечения законности и правопорядка.

Заключение

Необходимо отметить, что противодействие незаконным полетам беспилотных воздушных судов сотрудниками ФСИН России в пределах территорий учреждений и соответствующих подведомственных объектов имеет как практическое, так научно-исследовательское значение в области реализации функций, возложенных на пенитенциарную службу.

Важное значение имеет внедрение четких, обоснованных механизмов для эффективного и комплексного реагирования на потенциальные угрозы (доставка различных предметов, представляющих опасность (в том числе взрывоопасных), осуществление контроля за организацией служебной деятельности учреждения, идентификации персонала и т. д.) для сотрудников, обеспечивающих административные функции, лиц, содержащихся в учреждениях, и других лиц, связанных с применением беспилотных воздушных судов правонарушителями.

Кроме того, необходимо следить за технологическим развитием комплексов беспилотных воздушных судов, которые могут потенциально быть использованы против деятельности уголовно-исполнительной системы, своевременно принимать организационно-управленческие решения, направленные на противодействие возникающим угрозам, для надлежащего исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы либо меры пресечения в виде заключения под стражей.

С целью обучения личного состава уголовно-исполнительной системы противодействию незаконным полетам беспилотных воздушных судов в пределах соответствующих территорий учреждений необходимо действующие учебные планы образовательных организаций ФСИН России дополнить дисциплиной, направленной на изучение применения беспилотных воздушных судов и механизмов противодействия им. Изучение указанной дисциплины требуется не только для обучающихся по программам высшего образования, но и для лиц, поступающих на службу, и сотрудников, повышающих квалификацию.

Таким образом, только комплексный подход, выработанный на основе четкой регламентации нормативных правовых актов, применения в служебной деятельности современных технических средств противодействия незаконным полетам беспилотных воздушных судов, повышения физической защищенности поднадзорных объектов, организации службы,

позволяющей более эффективно распределять силы, образовательного процесса обучающихся в образовательных организациях ФСИН России, позволит объективно повысить служебную деятельность по противодействию незаконным полетам беспилот-

ных воздушных судов, законность и правопорядок в учреждениях уголовно-исполнительной системы. По нашему мнению, данное направление деятельности является перспективным и требует дальнейшего научного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Методика оценки вероятности выполнения поставленной задачи беспилотным летательным аппаратом / М. С. Андриященко, А. М. Голик, С. А. Сахнов, С. Н. Терешин // Робототехника и техническая кибернетика. 2024. Т. 12, № 2. С. 94–98.
2. Румянцев Н. В., Колотушкин С. М. Современные методы и средства противодействия использованию беспилотных летательных аппаратов для доставки запрещенных предметов в учреждения УИС России // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 224–227.
3. Трое граждан задержаны при попытке доставить запрещенные предметы с помощью квадрокоптера. URL: https://32.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=487943 (дата обращения: 04.09.2025).
4. Шприцы на квадрокоптере попытался доставить томич в колонию родственнику. URL: <https://www.tomsk.kp.ru/online/news/3481445/> (дата обращения: 04.09.2025).
5. Сотрудники ИК-19 пресекли попытку доставки запрещенных предметов при помощи квадрокоптера. URL: https://34.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=514303 (дата обращения: 01.09.2025).
6. На Камчатке попытались передать «запрещенку» в колонию на БПЛА. URL: <https://kamchatka.aif.ru/society/na-kamchatke-popytalis-peredat-zapreshchenku-v-koloniyu-na-bpla> (дата обращения: 01.09.2025).
7. В ИК-14 ГУФСИН России по Новосибирской области пытались доставить запрещенные предметы с помощью квадрокоптера. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=367467 (дата обращения: 03.12.2025).
8. Попытка доставки запрещенных предметов в колонию сорвана сотрудниками ФСИН. URL: <https://tregion.info/74region/popytka-dostavki-zapreshhennykh-predmetov-v-koloniyu-sorvana-sotrudnikami-fsin/> (дата обращения: 03.12.2025).
9. Лубенцов А. В. Применение полиномиальных сплайнов для оптимизации видеоизображения, передаваемого с беспилотного летательного аппарата // Радиолокация, навигация, связь : сб. тр. XXIX Междунар. науч.-техн. конф., посвящ. памяти Б. Я. Осипова : в 6 т. Воронеж, 2023. Т. 1. С. 328–337.
10. Колотушкин С. М. К вопросу об эффективности противодействия использованию беспилотных летательных аппаратов для доставки запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Диалог. 2021. № 1(17). С. 23–28.
11. Ростопчин В. В. Ударные беспилотные летательные аппараты и противовоздушная оборона – проблемы и перспективы противостояния. URL: https://www.researchgate.net/publication/331772628_Udarnye_bespilotnye_letatelnye_apparaty_i_protivovozdusnaa_oborona_-_problemy_i_perspektivy_protivostoania (дата обращения: 01.12.2025).
12. Клименко Ю. А., Преображенский А. П. Разработка пассивной системы определения позиционирования беспилотного летательного аппарата // Современные проблемы радиоэлектроники и телекоммуникаций. 2024. № 7. С. 32.
13. Патент № 2849094 С1 Российская Федерация, МПК F41H 11/02, G01S 13/86, G01S 3/80. Система противодействия группам малых беспилотных летательных аппаратов : заявл. 13.03.2025 : опубл. 22.10.2025 / И. М. Шмелев, В. Ю. Галаев, М. С. Андриященко [и др.] ; заявитель ФГК ВОУ ВО «Военная Ордена Жукова Академия войск национальной гвардии Российской Федерации».
14. Макаренко С. И., Тимошенко А. В., Васильченко А. С. Анализ средств и способов противодействия беспилотным летательным аппаратам. Часть 1. Беспилотный летательный аппарат как объект обнаружения и поражения // Системы управления, связи и безопасности. 2020. № 1. С. 109–146.

REFERENCES

1. Andryushchenko M.S., Golik A.M., Sakhnov S.A., Tereshin S.N. Methodology for assessing the likelihood of completing a given task by an unmanned aerial vehicle. *Robototekhnika i tekhnicheskaya kibernetika = Robotics and Technical Cybernetics*, 2024, vol. 12, no. 2, pp. 94–98. (In Russ.).
2. Rumyantsev N.V., Kolotushkin S.M. Modern methods and means of countering the use of unmanned aerial vehicles for the delivery of prohibited items to institutions of the penitentiary system of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4, pp. 224–227. (In Russ.).
3. *Troe grazhdan zaderzhany pri popytke dostavit' zapreshchennye predmety s pomoshch'yu kvadrokoptera* [Three citizens were detained while trying to deliver prohibited items using a quadcopter]. Available at: https://32.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=487943 (accessed September 4, 2025).
4. *Shpitsy na kvadrokoptere popytalsya dostavit' tomich v koloniyu rodstvenniku* [A Tomsk resident has tried to deliver syringes to a relative in the correctional facility on a quadcopter]. Available at: <https://www.tomsk.kp.ru/online/news/3481445/> (accessed September 4, 2025).
5. *Sotrudniki IK-19 presekli popytku dostavki zapreshchennykh predmetov pri pomoshchi kvadrokoptera* [Employees of the correctional facility No. 19 stopped an attempt to deliver prohibited items using a quadcopter]. Available at: https://34.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=514303 (accessed September 1, 2025).
6. *Na Kamchatke popytalis' peredat' "zapreshchenku" v koloniyu na BPLA* [In Kamchatka, they tried to transfer the "forbidden" to the correctional facility on a UAV]. Available at: <https://kamchatka.aif.ru/society/na-kamchatke-popytalis-peredat-zapreshchenku-v-koloniyu-na-bpla> (accessed September 1, 2025).

7. *VIK-14 GUF SIN Rossii po Novosibirskoi oblasti pytalis' dostavit' zapreshchennye predmety s pomoshch'yu kvadrokoptera* [An attempt was made to deliver prohibited items using a quadcopter to the correctional facility No. 14 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novosibirsk Oblast]. Available at: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=367467 (accessed December 3, 2025).
8. *Popytka dostavki zapreshchennykh predmetov v koloniyu sorvana sotrudnikami FSIN* [An attempt to deliver prohibited items to the correctional facility was thwarted by FSIN officers]. Available at: <https://region.info/74region/popytka-dostavki-zapreshchennykh-predmetov-v-koloniyu-sorvana-sotrudnikami-fsin/> (accessed December 3, 2025).
9. Lubentsov A.V. Application of polynomial splines to optimize video images transmitted from an unmanned aerial vehicle. In: *Radiolokatsiya, navigatsiya, svyaz': sb. tr. XXIX Mezhdunar. nauch.-tekhn. konf., posvyashch. pamyati B.Ya. Osipova: v 6 t. T. 1* [Radar, navigation, communications: proceedings of the XXIX International scientific and technical conference dedicated to the memory of B.Ya. Osipov: in 6 volumes. Volume 1]. Voronezh, 2023. Pp. 328–337. (In Russ.).
10. Kolotushkin S.M. On the issue of the effectiveness of countering the use of unmanned aerial vehicles for the delivery of prohibited items to the territory of institutions of the penitentiary system of the Russian Federation. *Dialog = Dialogue*, 2021, no. 1 (17), pp. 23–28. (In Russ.).
11. Rostopchin V.V. *Udarnye bespilotnye letatel'nye apparaty i protivovozdushnaya oborona – problemy i perspektivy protivostoyaniya* [Attack unmanned aerial vehicles and air defense – problems and prospects of confrontation]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331772628_Udarnye_bespilotnye_letatelnye_apparaty_i_protivovozdusnaa_oborona_-_problemy_i_perspektivy_protivostoania (accessed December 1, 2025).
12. Klimenko Yu.A., Preobrazhenskii A.P. Development of a passive positioning system for an unmanned aerial vehicle. *Sovremennyye problemy radioelektroniki i telekommunikatsii = Modern Problems of Radio Electronics and Telecommunications*, 2024, no. 7, p. 32. (In Russ.).
13. Patent No. 2849094 C1 Rossiiskaya Federatsiya, MPK F41H 11/02, G01S 13/86, G01S 3/80. *Sistema protivodeistviya gruppam mal'kh bespilotnykh letatel'nykh apparatov* [Patent No. 2849094 C1 Russian Federation, IPC F41H 11/02, G01S 13/86, G01S 3/80. System for countering groups of small unmanned aerial vehicles].
14. Makarenko S.I., Timoshenko A.V., Vasil'chenko A.S. Counter unmanned aerial vehicles. Part 1. Unmanned aerial vehicle as an object of detection and destruction. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti = Systems of Control, Communication and Security*, 2020, no. 1, pp. 109–146. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ КОСТАРЕВ – начальник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, kostarev.d.f@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2009-4860>

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ СУББОТИН – старший преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования Самарского юридического института ФСИН России, Самара, Россия, wildcadet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7423-2371>

DMITRII F. KOSTAREV – Head of the Center for Security Research in Penitentiary Institutions of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, kostarev.d.f@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2009-4860>

SERGEI P. SUBBOTIN – Senior Lecturer at the Department for the Organization of Regime, Security and Escort of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, wildcadet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7423-2371>

Статья поступила 22.10.2025

Восстановление, укрепление и развитие социально полезных связей и контактов осужденных к лишению свободы женщин с семьей как одно из направлений пенитенциарной probation

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАТЫШЕВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Реферат

Введение: одним из негативных явлений действительности выступает женская преступность. Особую озабоченность вызывает рецидивная преступность. Как известно, ежегодно из стен исправительных учреждений освобождаются тысячи осужденных. К сожалению, многие из них вновь становятся на преступный путь. Подобное положение дел свидетельствует о недостаточно эффективной работе, проводимой как в период отбывания наказания в условиях исправительного учреждения, так и после освобождения из него. Одним из первых шагов к решению назревшей проблемы выступает принятие на федеральном уровне закона, регламентирующего осуществление probation в нашей стране. Как известно, probation подразделяется на исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную. Одним из основных направлений пенитенциарной probation является социальная реабилитация. В настоящей статье сделан акцент на укреплении, развитии и восстановлении социально полезных связей осужденных к лишению свободы женщин с семьей как важном аспекте социальной реабилитации осужденных к лишению свободы женщин. *Целью* исследования является рассмотрение процесса восстановления, укрепления и развития социально полезных связей осужденных к лишению свободы женщин с семьей как неотъемлемого компонента социальной реабилитации в контексте пенитенциарной probation, а также подготовка предложений по совершенствованию действующего уголовно-исполнительного законодательства в рассматриваемой сфере. *Методы:* формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический методы, методы правового моделирования, опроса. *Результаты* проведенного исследования подтверждают необходимость повышения эффективности работы по укреплению социально полезных контактов осужденных к лишению свободы женщин с семьей, прежде всего с детьми, как важного компонента социальной реабилитации, выступающей одним из приоритетных направлений пенитенциарной probation. Сформулированные по итогам исследования выводы и предложения могут быть использованы в научной деятельности в сфере дальнейшего совершенствования института probation в отношении осужденных к лишению свободы женщин, а также в правоприменительной практике по повышению эффективности ресоциализации рассматриваемой категории лиц. *Выводы:* автором разработаны предложения законодательного плана по оптимизации процесса реабилитации и укрепления социальных связей осужденных женщин, отбывающих лишение свободы, с семьей, в частности предлагается в уголовно-исполнительном законодательстве закрепить наряду с выездами возможность выходов осужденными к лишению свободы женщинами за пределы пенитенциарного учреждения. Предложения и умозаключения в статье подтверждены данными эмпирического исследования, проведенного на базе исправительной колонии № 5 УФСИН России по Тверской области.

Ключевые слова: пенитенциарная probation; социальная реабилитация; осужденная к лишению свободы женщина; социально полезные связи осужденных; выходы осужденных за пределы исправительного учреждения.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Латышева Л. А. Восстановление, укрепление и развитие социально полезных связей и контактов осужденных к лишению свободы женщин с семьей как одно из направлений пенитенциарной probation // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 40–45. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.005.

Original article

Restoration, Strengthening and Development of Socially Useful Ties between Female Convicts and Their Families as a Direction of Penitentiary Probation

LYUDMILA A. LATYSHEVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Abstract

Introduction: female crime is one of the negative phenomena of reality, with recidivism being of particular concern. Thousands of convicts are released from correctional institutions annually; many of them once again embark on a criminal path. This state of affairs indicates the insufficiently effective work carried out both during the period of serving a sentence in a correctional institution and after release from it. One of the first steps in solving the urgent problem is the adoption of a federal law regulating the implementation of probation in our country. Probation is divided into executive, penitentiary and post-penitentiary. Social rehabilitation is one of the main directions of penitentiary probation. This article focuses on strengthening, developing and restoring socially useful ties between female convicts and their families as an important aspect of social rehabilitation of women sentenced to imprisonment. *Purpose:* to study the process of restoring, strengthening and developing socially useful ties of female convicts and their families as an integral component of social rehabilitation in the context of penitentiary probation, as well as to prepare proposals for improving current penal legislation in this area. *Methods:* formal legal, comparative legal, statistical methods, methods of legal modeling, survey. *The results* of the study confirm the need to strengthen socially useful contacts of female convicts and their families, especially children, as an important component of social rehabilitation, which is one of the priorities of penitentiary probation. The conclusions and suggestions formulated based on the results of the study can be used in scientific activities in the field of further improving the institution of probation in relation to women sentenced to imprisonment, as well as in law enforcement practice to boost effectiveness of resocialization of this category of persons. *Conclusions:* the author has developed proposals for strengthening social ties between female convicts and their families. Along with visits, possible leave of a correctional facility should be fixed in penal legislation. The suggestions and conclusions in the article are confirmed by data from the empirical study conducted at the correctional facility No. 5 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Tver Oblast.

Keywords: penitentiary probation; social rehabilitation; female convict; socially useful connections of convicts; leave of a correctional institution.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Latysheva L.A. Restoration, strengthening and development of socially useful ties between female convicts and their families as a direction of penitentiary probation. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 40–45. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.005.

Введение

Феномену женской преступности посвящены труды многих ученых, среди которых Ю. М. Антонян, Е. В. Кунц, М. В. Минстер, И. С. Онищенко, Т. Н. Радочина, А. Л. Репецкая и др. Не утихают научные дискуссии относительно предупреждения и профилактики данной преступности. Обусловлено это как негативным влиянием рассматриваемого вида преступности на социум, так и стабильно не меняющейся долей женской преступности в общей структуре. Например, на протяжении последних ста лет удельный вес женской преступности продолжает оставаться устойчивым и составляет от 12,3 до 16 % [1, с. 70]. Наряду с этим в некоторых регионах России данный показатель приближается к 20 % [2, с. 87]. Однако указанные цифры не всегда отражают реальное положение дел, нельзя забывать, что женская преступность обладает и высокой степенью латентности.

Вместе с тем отмечается незначительный рост отдельных показателей женской преступности. Например, К. А. Финк указывает, что в последние годы обращает на себя внимание увеличение числа преступлений, совершенных женщинами в состоянии алкогольного опьянения [3, с. 120].

Как известно, основной вектор уголовной политики государства направлен на приоритетное применение к женщинам наказаний, не предусматривающих изоляцию от общества. Тем не менее одним из распространенных видов наказаний, назначаемых женщинам, продолжает оставаться лишение свободы.

В данном контексте опасения вызывают показатели повторной преступности. С 2017 по 2023 г. почти до 6 % увеличился показатель рецидивной преступности женщин (наличие двух и более судимостей) [4, с. 204].

По мнению М. Ф. Гайсин, одним из факторов, способствующих повторному совершению преступле-

ний, выступает неэффективность предыдущих мер реабилитации [5, с. 49].

Первым шагом к решению обозначенной проблемы является принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», которым закреплены виды пробации.

В контексте нашего исследования интерес представляет пенитенциарная пробация. В этой связи в статье предпринята попытка выявить важный аспект, который будет положен в основу реализации в отношении осужденных к лишению свободы женщин такого направления пенитенциарной пробации, как социальная реабилитация.

Уголовно-исполнительная система должна реагировать на наиболее острые проблемы, с которыми сталкивается женщина в период отбывания наказания. Кроме того, в настоящее время распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., в которой одним из вызовов, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, указывается тот факт, что лица, освободившиеся из мест лишения свободы, не адаптированы к жизни в гражданском обществе. Раздел XVI концепции посвящен созданию и развитию системы пробации. Подтверждается тезис о том, что отбывание уголовного наказания в условиях изоляции от общества влечет за собой ослабление, а нередко полный разрыв социальных связей, потерю навыков жизни в обществе, что влияет на формирование дезадаптивной направленности в поведении и, как следствие, на совершение повторных преступлений. В связи с этим необходимо создание системы ресоциализации и социальной адаптации, предполагающей внедрение единых принципов оказания всесторонней помощи подозреваемым, обвиняемым, осужденным и лицам, освободившимся от отбывания наказания, а также преемственности при ведении социальной, воспитательной и психологической работы на различных этапах пребывания подозреваемого, обвиняемого и осужденного в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Основная часть

Понятие социальной реабилитации, согласно федеральному закону «О пробации в Российской Федерации», обозначает комплекс мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, в отношении которых применяется пробация [7]. В этой связи целесообразно определить наиболее приоритетные меры по возобновлению утраченных социально полезных связей и контактов осужденной с внешним миром.

На наш взгляд, важным ориентиром деятельности исправительного учреждения в отношении осужденных к лишению свободы женщин в рамках социальной реабилитации как одного из направлений пенитенциарной пробации должно стать восстановление, укрепление и развитие социально полезных связей.

Попробуем обосновать высказанную позицию.

Детерминанты женской преступности кроются в различных обстоятельствах. В первую очередь речь

идет об ослаблении социальных ценностей и отдельных институтов общества, которые во все времена определяли поведение женщин. Прежде всего, это касается обесценивания института семьи, который выступает мощным антикриминогенным фактором. В исследовании К. В. Шапкина, И. Ю. Никодимова среди общих причин рецидива указывается отсутствие у осужденных женщин моральной поддержки после возвращения из мест лишения свободы [6, с. 59]. В контексте этого М. С. Шаманюк отмечает, что после освобождения из мест лишения свободы женщина сталкивается с проблемами трудоустройства, а условия изоляции полностью разрушают социально полезные связи [7].

Нельзя исключать и влияние иных факторов, таких как неустроенность в бытовом и трудовом плане, социальная незащищенность. Сегодня, к сожалению, наблюдается наличие гендерного неравенства в различных областях жизнедеятельности человека, что порою обуславливает невозможность женщиной решать проблемы, опираясь только на законные способы.

Нередко сами места лишения свободы, созданные в них условия выступают источником трудностей, с которыми сталкивается женщина во время отбывания наказания и в постпенитенциарный период. Это касается в целом влияния условий изоляции на женщину. В предыдущих исследованиях мы неоднократно обращались к проблеме того, что женщина по сравнению с мужчиной намного труднее переносит условия изоляции [8]. Во-первых, страдает психологическое состояние осужденной, во-вторых, ставятся под угрозу социально полезные связи с близкими, родными, прежде всего с детьми. Нельзя не согласиться с мнением Г. Б. Магомедова, А. Г. Таиловой, З. Г. Абдуловой, которые отмечают, что женщина в условиях мест лишения свободы не может в полном объеме воспользоваться своими правами, испытывает отсутствие социальной поддержки [9, с. 267].

Положение усугубляется и уголовно-исполнительными характеристиками осужденных к лишению свободы женщин. Например, в рамках проведенного исследования в исправительной колонии № 5 УФСИН России по Тверской области установлено, что на октябрь 2024 г. в учреждении содержалось 397 осужденных, из них на профилактическом учете состояло 115 человек (почти 29 %). Таким образом, фактически треть осужденных женщин состоит на профилактическом учете. Вместе с тем следует отметить, что некоторые осужденные состоят на двух и более учетах одновременно.

В целях практического исследования индивидуальных причин рецидива среди женщин нами был проведен опрос в форме анкетирования среди сотрудников ИК-5 УФСИН России по Тверской области. Так, 73 % сотрудников одной из таких причин называют отсутствие поддержки со стороны близких и общества.

К сожалению, сегодня мы вынуждены констатировать и тот факт, что многие женщины отбывают длительные сроки. Средний возраст осужденных за последние десятилетия фактически не изменился. Так, средний возраст осужденных к лишению сво-

боды женщин в 1989 г. составил 36,3 года, в 2009 г. – 32,4 года, в 2022 г. – 38,7 лет [10, с. 167]. По данным исследования, проводимого в ИК-5 УФСИН России по Тверской области, средний возраст осужденных к лишению свободы женщин составляет 38 лет. Таким образом, наиболее социально важные годы своей жизни женщина проводит в исправительном учреждении, в значительной степени утрачивает социально значимые умения и навыки, в частности профессиональные, трудовые, коммуникативные, навыки по уходу и воспитанию детей. Как следствие, освободившись из пенитенциарного учреждения, она не всегда может вернуться в общество в качестве полноценного и законопослушного гражданина.

Положение усугубляется негативными тенденциями в семейном положении осужденных. Согласно исследованию Е. В. Кунц увеличивается количество женщин, не состоящих в браке, разведенных и не сохранивших семьи в период отбывания наказания, а число осужденных, вступивших в брак, наоборот, незначительно [11, с. 315]. Как справедливо отмечается в работе Е. Сысоевой и Н. Б. Кирсановой, кризис в семье является одним из криминогенных факторов женской преступности [12, с. 63]. Согласно нашему исследованию в официальном браке состояли только 26 % осужденных, разведены – 33 %, почти две трети осужденных имеют ребенка, у более трети (35 %) женщин дети отсутствуют. Наглядность негативных тенденций в семейном положении женщин показывают результаты случайной выборки осужденных. Нами были выбраны 40 осужденных к лишению свободы, из них 38 % разведены, 36 % не замужем, 8 % пребывают в статусе вдов, 5 % состоят в сожительстве с мужчинами, лишь 13 % замужем.

Среди ответов на вопрос «С кем чаще осужденные стараются поддерживать социально полезные связи» преобладают следующие: «с мамой», «с родителями», «с родителями, детьми», «с близкими родственниками», «с сестрами» и т. д.

Уголовно-исполнительным законодательством закреплены различные формы поддержания социально полезных связей осужденных к лишению свободы с внешним миром. К их числу относятся свидания (ст. 89 УИК РФ), получение посылок передач, бандеролей (ст. 90 УИК РФ), переписка осужденных (ст. 91 УИК РФ), телефонные разговоры (ст. 92 УИК РФ), выезды за пределы исправительного учреждения (ст. 97 УИК РФ). Следует отметить, что осужденным предоставляются краткосрочные и длительные свидания, в том числе с проживанием вне исправительного учреждения. Женщинам, имеющим детей до 14 лет, могут быть предоставлены дополнительные длительные свидания, а также разрешены дополнительные выезды для устройства ребенка, свидания с детьми, оставленными на свободе.

Анализ материалов девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенной в 2022 г., указывает на ряд негативных аспектов при реализации указанных форм. В частности, отмечается, что утрата социально полезных связей остается большой проблемой для осужденных женщин, о чем свидетельствуют следующие цифры:

треть не получает посылок или передач, 68,4 % женщин ни разу не пользовались правом на краткосрочное свидание, 78,4 % – на длительное свидание, лишь 0,2 % женщин воспользовались правом краткосрочного выезда из исправительного учреждения, притом что исключительные личные обстоятельства были у 19,7 % женщин, также редко женщины выезжали для свидания с ребенком, в том числе ребенком-инвалидом [13, с. 144–145].

Принимая во внимание указанные данные, считаем, что главным вектором работы с рассматриваемой категорией лиц, который должен быть положен в основу пенитенциарной probation, должны стать восстановление, укрепление и развитие социально полезных связей.

Вместе с тем следует отметить, что большинство осужденных женщин стремится сохранить семейные отношения. Так, согласно нашему исследованию, отвечая на вопрос «Каковы планы после освобождения?», 60 % осужденных отмечали создание семьи или восстановление отношений с семьей и родственниками.

Таким образом, семья для женщины является важным антикриминогенным и сдерживающим фактором. Работа должна вестись по трем основным направлениям:

1. Восстановление, укрепление и поддержание связи осужденной с детьми, содержащимися вместе с ней в условиях пенитенциарного учреждения. В этом контексте в соответствии со ст. 100 УИК РФ предусмотрено функционирование при исправительном учреждении дома-ребенка, в котором находятся дети осужденных до четырехлетнего возраста. В части первой данной статьи имеется указание на возможность совместного содержания осужденной матери с ребенком. Необходимость совместного проживания осужденной с детьми в рамках исправительного учреждения с условием грудного вскармливания как важный фактор укрепления социально полезных связей рассматривалась в предыдущих исследованиях автора [14, с. 69–73].

2. Восстановление, укрепление и поддержание связи осужденной с несовершеннолетними детьми, оставленными на свободе.

3. Восстановление, укрепление и поддержание связи осужденной с семьей (с родителями, супругом, близкими родственниками).

В рамках первого и второго направлений целесообразно формировать уважение осужденной к материнству, повышать ее психолого-педагогическую компетентность и культуру, прививать навыки общения с детьми и воспитывать чувство ответственности за ребенка, формировать навыки и умения по уходу за детьми, поддерживать устойчивые социальные контакты с ними.

В рамках третьего направления также целесообразно расширять взаимодействие осужденных женщин с семьями. В этом контексте следует предусмотреть возможность иметь дополнительные свидания или выходы за пределы пенитенциарного учреждения.

Согласно правилу 58 Минимальных стандартных правил в отношении обращения с заключенными

(Правила Нельсона Манделы), заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с семьями или друзьями посредством письменной переписки и с использованием, если есть такая возможность, телекоммуникационных, электронных, цифровых и иных средств, а также в ходе свиданий. В правиле 106 указано, что особое внимание нужно уделять поддержанию и укреплению связей между заключенными и его семьей, которые представляются желательными и служат интересам обеих сторон. Наряду с этим в правиле 107 отмечается, что следует поощрять, а также поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, находящимися за стенами тюрьмы, которые способны содействовать включению заключенного в жизнь общества и защищать наилучшие интересы его семьи.

На основе международно-правового опыта и имеющихся проблем в сфере семейных отношений, трудностей в аспекте поддержания, восстановления, укрепления и развития социально полезных связей осужденных женщин с семьей, прежде всего с детьми, рекомендуется в УИК РФ наряду с выездами предусмотреть возможность выходов.

Вывод

Предлагается дополнить ст. 97 УИК РФ пунктом 13 и изложить его следующим образом: «Осужденным женщинам по их просьбе могут быть разрешены выходы за пределы исправительного учреждения продолжительностью до восьми часов в пределах муниципального образования, на территории которого расположено исправительное учреждение, для

свидания с близкими родственниками, решения социальных и семейных проблем, а также в целях социальной адаптации».

Решение о предоставлении выхода принимается начальником исправительного учреждения с учетом характеристики личности осужденной, совершенного ею преступления, поведения в период отбывания наказания, наличия мотивированного основания.

Вносимое предложение обосновывается и тем, что на женщину в большей степени возложена ответственность за судьбу своих детей, у осужденных к лишению свободы женщин быстрее происходит процесс распада социально полезных связей.

Оказание помощи внукам, посещение различным культурных и развивающих мероприятий с детьми, находящимися на свободе, свидание с ребенком, содержащимся в детском доме, – это не полный перечень событий, которые женщина может осуществить во время выхода из исправительного учреждения.

Вместе с тем реализация положений представленной нормы будет иметь положительный эффект не только для осужденной, но и для ее близких.

Результаты проведенного нами опроса в форме анкетирования среди осужденных к лишению свободы женщин в ИК-5 УФСИН России по Тверской области показывают, что 95 % осужденных выступают за необходимость практиковать выходы из исправительных учреждений. На вопрос «Для чего необходимы подобные выходы?» 76 % респонденток указали, что это нужно для общения с родными, 55 % – для адаптации в обществе, 32% – для решения социальных проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Окутина Н. Н., Мишина С. С., Прохорова Е. А. Женская преступность в России: состояние и меры предупреждения // Сибирский научный вестник. 2023. № 2 (48). С. 69–75.
2. Кичигина О. Ю. Криминологические особенности женской преступности // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 3 (15). С. 86–95.
3. Финк К. А. Сущность и тенденции женской преступности // Актуальные вопросы общества, науки и образования: сб. ст. V Международ. науч.-практ. конф. Пенза, 2023. С. 119–121.
4. Гудимова Я. Н. Понятие и статистические показатели женской преступности // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. науч. ст. Новокузнецк, 2023. С. 202–205.
5. Гайсин М. Ф. Причины и условия рецидива // Научные высказывания. 2023. № 4 (28). С. 47–50.
6. Шапкина К. В., Никодимов И. Ю. Причины женской рецидивной преступности // Студенческий форум. 2020. № 31-2 (124). С. 58–60.
7. Шаманюк М. С. Факторы, влияющие на рецидивную преступность женщин // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 2 (128). URL: <https://research-journal.org/media/articles/4134.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).
8. Кунц Е. В., Латышева Л. А. Гуманизм в процессе назначения и исполнения наказаний в отношении женщин // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 385–390.
9. Магомедов Г. Б., Таилова А. Г., Абдулова З. Г. Основные направления по противодействию женской рецидивной преступности // Евразийский юридический журнал. 2023. № 10 (185). С. 266–269.
10. Казакова В. А. Социально-демографическая характеристика женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, приуроченной к 30-летию со дня образования Самарского юридического института ФСИН России, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. Самара, 2024. С. 166–170.
11. Кунц Е. В. Особенности женщин, совершивших преступление: криминологический и уголовно-исполнительный аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 3. С. 313–319.
12. Сысоева Е., Кирсанова Н. Б. Криминологические особенности женской преступности // Актуальные проблемы науки и практики. 2024. № 4 (37). С. 61–66.
13. Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года) : монография : в 2 т. / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2025. Т. 2. 752 с.

14. Латышева Л. А. Проблемы реализации осужденными к лишению свободы женщинами прав на совместное проживание с детьми и грудное вскармливание // *Ius Publicum et Privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2021. № 4 (14). С. 69–73.

REFERENCES

1. Okutina N.N., Mishina S.S., Prokhorova E.A. Female crime in Russia: the state and prevention measures. *Sibirskii nauchnyi vestnik = Siberian Scientific Bulletin*, 2023, no. 2 (48), pp. 69–75. (In Russ.).
2. Kichigina O.Yu. Criminological features of female crime. *Teoriya i praktika sotsiougumanitarnykh nauk = Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences*, 2021, no. 3 (15), pp. 86–95. (In Russ.).
3. Fink K.A. The essence and trends of female criminality. In: *Aktual'nye voprosy obshchestva, nauki i obrazovaniya: sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Actual issues of society, science and education: proceedings of V International research and practical conference]*. Penza, 2023. Pp. 119–121. (In Russ.).
4. Gudimova Ya.N. The concept and statistical indicators of female crime. In: *Vestnik mladogo uchenogo Kuzbasskogo instituta: sb. nauch. st. [Bulletin of the young scientist of the Kuzbass Institute: collection of scientific articles]*. Novokuznetsk, 2023. Pp. 202–205. (In Russ.).
5. Gaisin M.F. Causes and conditions of relapse. *Nauchnye vyskazyvaniya = Scientific Statements*, 2023, no. 4 (28), pp. 47–50. (In Russ.).
6. Shapkina K.V., Nikodimov I.Yu. Causes of female recidivism. *Studencheskii forum = Student Forum*, 2020, no. 31-2 (124), pp. 58–60. (In Russ.).
7. Shamanyuk M.S. Factors influencing female criminal recidivism. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2023, no. 2 (128). Available at: <https://research-journal.org/media/articles/4134.pdf> (In Russ.). (Accessed February 1, 2026).
8. Kunts E.V., Latysheva L.A. Humanizing imposition and enforcement of sentences on women. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 385–390. (In Russ.).
9. Magomedov G.B., Tailova A.G., Abdulova Z.G. The main directions for combating female recidivism. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = The Eurasian Law Journal*, 2023, no. 10 (185), pp. 266–269. (In Russ.).
10. Kazakova V.A. Socio-demographic characteristics of women serving sentences of imprisonment. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: zakonodatel'stvo, politika, protsess: mater. vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, priurochennoi k 30-letiyu so dnya obrazovaniya Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii, posvyashchennoi pamyati rossiiskogo uchenogo-penitentsiarista zaslužennogo yurista Rossiiskoi Federatsii doktora yuridicheskikh nauk, professora O. V. Filimonova [Penal system: legislation, policy, process: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international dedicated to the 30th anniversary of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, dedicated to the memory of the Russian scientist and penitentiary officer, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor O.V. Filimonov]*. Samara, 2024. Pp. 166–170. (In Russ.).
11. Kunts E.V. Features of women who have committed a crime: criminological and penal aspects. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2022, no. 3, pp. 313–319. (In Russ.).
12. Sysoeva E., Kirsanova N.B. Criminological features of female crime. *Aktual'nye problemy nauki i praktiki = Actual Problems of Science and Practice*, 2024, no. 4 (37), pp. 61–66. (In Russ.).
13. Osuzhdennye i sodержashchiesya pod strazhei v Rossii (po materialam devyatoi spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsya pod strazhei, dekabr' 2022 goda): monografiya: v 2 t. T. 2 [Convicts and detainees in Russia (based on the materials of the Ninth special census of convicts and persons in custody, December 2022): monograph: in 2 volumes. Volume 2]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2025. 752 p.
14. Latysheva L.A. Problems of realization by women sentenced to imprisonment the rights to cohabitation with children and breastfeeding. *Ius Publicum et Privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publicnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 69–73. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАТЫШЕВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

LYUDMILA A. LATYSHEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Статья поступила 11.06.2025

Информационная система в арсенале розыскной (поисковой) деятельности субъектов раскрытия и расследования преступлений прошлых лет: объекты, средства, приемы, технологии (по материалам зарубежных изданий)

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Тула, Россия
matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются ситуации приостановления предварительного следствия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, система поиска информации в Интернете по открытым источникам при раскрытии и расследовании преступлений прошлых лет. Анализируются уровни Интернета (видимая сеть, глубокая сеть, даркнет), объекты, средства, тактические приемы, методы, технологии поиска, сбора и анализа информации из общедоступных ресурсов, с помощью OSINT (Open Source Intelligence) – разведки по легальным источникам. *Цель:* анализ возможностей информационной системы OSINT в розыскной деятельности. Используются *методы* системного анализа, классификации, описания технологий. *Результаты:* раскрыта сущность активного и пассивного сбора данных, показаны их отличия, главный принцип, заключающийся в использовании без ограничений открытых источников с обязательным соблюдением положений законов о персональных данных и авторских правах. Проанализировано содержание поиска, обработки, анализа, распространения полученных сведений для целей раскрытия противоправных деяний, совершенных в прошлом. Отдельное внимание сосредоточено на комплексе методов и приемов OSINT, тактике поиска. Обращается внимание на требования к тактическим приемам, направленные на обеспечение конспирации обозначенной деятельности, способствующей розыску подозреваемого, обвиняемого. *Выводы:* статья вносит вклад в развитие криминалистической методики и тактики розыскной деятельности, адаптируя зарубежный опыт OSINT к российским реалиям. Материалы могут быть использованы следователями, оперативными работниками, аналитиками при раскрытии «холодных» дел, а также в учебном процессе юридических вузов.

Ключевые слова: преступления прошлых лет; розыскная деятельность; информация; открытые источники разведки; поиск; приемы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г. Информационная система в арсенале розыскной (поисковой) деятельности субъектов раскрытия и расследования преступлений прошлых лет: объекты, средства, приемы, технологии (по материалам зарубежных изданий) // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 46–53. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.006.

Information System in the Arsenal of Investigative (Search) Activities of Subjects of Disclosure and Investigation of Crimes of Previous Years: Objects, Means, Techniques, Technologies (Based on Foreign Publications)

NIKOLAI G. SHURUKHNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia
matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Abstract

Introduction: the article considers situations of suspension of the preliminary investigation provided for by criminal procedure legislation, an information search system on the Internet, open sources in the disclosure and investigation of crimes of previous years. The levels of the Internet (visible network, deep network, darknet), objects, tools, tactics, methods, technologies for searching, collecting and analyzing information from publicly available resources are analyzed using OSINT (Open Source Intelligence) – intelligence based on legal sources. *Purpose:* to analyze the capabilities of the OSINT information system in investigative activities. *Methods:* system analysis, classification, and technology description. *Results:* the essence of active and passive data collection is revealed, their differences are shown, the main principle is to use open sources without restrictions, with mandatory compliance with the provisions of laws on personal data and copyrights. The content of the search, processing, analysis, and dissemination of the information received for the purpose of disclosing illegal acts committed in the past is analyzed. Special attention is focused on the complex of OSINT methods and techniques and search tactics. Attention is drawn to the requirements for tactical techniques aimed at ensuring the secrecy of designated activities that contribute to the search for the suspect, the accused. *Conclusions:* the article contributes to the development of criminalistic methods and tactics of investigative activities, adapting OSINT's foreign experience to Russian realities. The materials can be used by investigators, operatives, and analysts in solving cold cases, as well as in the educational process of law schools.

Keywords: crimes of the past; investigative activities; information; open sources of intelligence; search; techniques.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shurukhnov N.G. Information system in the arsenal of investigative (search) activities of subjects of disclosure and investigation of crimes of previous years: objects, means, techniques, technologies (based on foreign publications). *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 46–53. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.006.

Введение

Если говорится или пишется о розыскной деятельности следователя, то имеется в виду ее осуществление в двух следственных ситуациях: когда производится расследование и когда предварительное следствие приостановлено в соответствии с положениями ст. 208 УПК РФ. Они отличаются по уголовно-процессуальной форме [1; 2], средствам, полномочиям, правам и обязанностям субъектов, принимающих участие в досудебном производстве.

Основное содержание первой следственной ситуации базируется на доказательствах, указывающих на существование преступления, но при этом отсутствуют фактические данные, информация об исполнителе, и получить такие сведения на данном временном промежутке не представляется возможным.

В силу этого обстоятельства преступление остается нераскрытым. При осуществлении предварительного следствия (до его приостановления) следователь производит розыскные (поисковые) действия, направленные на установление местонахождения обвиняемого или подозреваемого, путем реализации всех возможных процессуальных действий (в том числе и следственных). Если при этом местонахождение обвиняемого, подозреваемого неизвестно, он поручает произвести розыск органам дознания, о чем выносит отдельное постановление (ч. 1 ст. 210 УПК РФ). Законом установлено правило, при котором «розыск подозреваемого, обвиняемого может быть объявлен как во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением» (ч. 2 ст. 210 УПК РФ) [3–5].

Вынесение следователем постановления об объявлении розыска обвиняемого до принятия решения о приостановлении предварительного следствия дает возможность эффективно использовать сочетание процессуальных возможностей следователя по установлению места нахождения обвиняемого с оперативно-розыскными мероприятиями, направленными на его розыск. Взаимный обмен информацией, полученной в ходе производства следственных действий, и сведениями, добытыми в ходе производства гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий, позволяет субъектам взаимодействия выбрать наиболее оптимальный вариант дальнейших поисковых действий.

Следует сказать о том, что розыскная (поисковая) деятельность следователя содержательна, по крайней мере должна быть таковой, с комплексом разнообразных средств, прежде всего следственных действий, носящих розыскную направленность – различные виды осмотров, допросов, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях абонентов и (или) абонентских устройств [6; 7]. Комплекс организационных, оперативно-розыскных, административных мероприятий по осуществлению розыска выполняется уполномоченными должностными лицами органов дознания, которым адресовано постановление.

В том случае если реализация принятых мер не дала положительного результата и на момент истечения срока предварительного расследования осуществлены все возможные в отсутствие подозреваемого, обвиняемого следственные действия, предварительное следствие приостанавливается, о чем следователь выносит постановление, копию которого направляет прокурору (ч. 2 ст. 208 УПК РФ).

Вторая следственная ситуация специфична: предварительное следствие приостановлено, следственные действия не производятся, однако в ее содержании достаточно доказательств для предъявления официального подозрения или обвинения в преступлении определенному лицу, но следователь не знает, где оно находится. Если рассматривать частные следственные ситуации, то первая из них связана с тем, что подозреваемый или обвиняемый совершил умышленные действия – скрылся от следствия. Об этом говорит и законодатель в п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Содержание второй частной следственной ситуации обусловлено отсутствием сведений о месте нахождения субъекта в силу того, что оно не установлено по иным причинам. Законодатель в п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ говорит о том, что «место его нахождения не установлено по другим причинам». Если место нахождения обвиняемого (подозреваемого) не установлено по иным причинам, то следователь принимает меры по его розыску (п. 2 ч. 1 ст. 208, п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ).

Обозначенное основание приостановления предварительного следствия является сложным для понимания в теории и практике. Если исходить из общих подходов, то, видимо, речь идет о разумных сомнениях в допустимости его умышленного уклонения. При таком подходе применяется правило толкования со-

мнений в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). Но если приводить конкретные случаи, то нельзя исключить отсутствие у гражданина возможности вернуться из другого государства, пребывание за границей, в конкретном государстве, но при отсутствии у следователя конкретного адреса, ожидание субъектом расследования важного ответа на международный запрос.

В приведенных ситуациях субъект расследования выносит постановление, копию которого направляет прокурору (ч. 2 ст. 208 УПК РФ). В этот период следователь выполняет комплекс обязанностей, которые определены ч. 3–8 ст. 208 УПК РФ. Также поручает розыск органам дознания (в соответствии с нормативными актами МВД России осуществляет местный, федеральный, межгосударственный (по СНГ), международный розыск). Это указывается в постановлении о приостановлении предварительного следствия или в отдельном постановлении.

Если срок предварительного следствия по делу истекает, но есть необходимость выполнить ряд следственных действий, направленных как на установление местонахождения обвиняемого, так и выяснение обстоятельств совершенного преступления, следователь должен вынести постановление о возбуждении ходатайства о продлении срока предварительного следствия.

Следователь, в соответствии с ч. 5 ст. 208 УПК РФ, продолжает и после объявления розыска скрывшегося обвиняемого принимать необходимые меры к установлению места его нахождения. Он может получать информацию от лиц, которые поддерживают связь с обвиняемым, осведомлены о вероятном месте его нахождения, выясняет средства, на которые он проживает вне дома, а также устанавливает, не намеревается ли получить зарплату по месту работы, иное вознаграждение, нет ли у него вкладов в банках, кто из его окружения должен ему деньги и кто из родственников, знакомых оказывает материальную помощь.

Используя полученные сведения о лицах, проживающих в иных регионах, которым может быть что-либо известно о местонахождении скрывшегося обвиняемого, следователь направляет поручения о получении у них объяснений.

Если следователь пришел к выводу, что следствие необходимо приостановить, он должен проверить, соблюдены ли необходимые условия, позволяющие вынести соответствующее постановление:

- наличие в деле доказательств, указывающих на совершение преступления и виновность скрывшегося подозреваемого или обвиняемого, место нахождения которого не установлено по иным причинам;
- выполнение всех следственных действий, производство которых возможно в отсутствие обвиняемого;
- разрешение вопроса о судьбе других обвиняемых по делу, если преступление совершено в соучастии. В данном случае важно помнить, что если по уголовному делу привлечено два или более обвиняемых, а основания для приостановления относятся не ко всем обвиняемым, то в силу ч. 3 ст. 208 УПК РФ

следователь вправе выделить в отдельное производство и приостановить уголовное дело в отношении отдельных обвиняемых;

– решение комплекса вопросов в отношении арестованного имущества, о возможности изменения ограничений, направленных на владение, пользование и распоряжение имуществом (ч. 6 ст. 208 УПК РФ), о применении меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого (ч. 7 ст. 208 УПК РФ). А также принятие решения о реализации мер безопасности или о полной или частичной отмене (ч. 8 ст. 208 УПК РФ);

– обеспечение сохранности документов и вещественных доказательств по делу.

В соответствии с ведомственными нормативными актами МВД России к постановлению об объявлении розыска должна прилагаться справка с указанием сведений:

– о личности подозреваемого, обвиняемого в полном объеме (с отметкой факта изменения фамилии, имени (если это имело место быть)); реквизитах документа, на основании которого установлена его личность (каким органом, когда выдан, серия и номер, где или у кого находится документ);

– доказательствах, подтверждающих тот факт, что подозреваемый, обвиняемый скрылся от следствия;

– лицах, у которых может скрываться субъект розыска, регионах, где он вероятнее всего может находиться;

– аресте скрывшегося в случае избрания ему меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей;

– лицах, в отношении которых вынесены постановления о наложении ареста на корреспонденцию и выемку ее в почтово-телеграфных учреждениях;

– номере телефона, находившегося в личном пользовании субъекта розыска, номерах телефонов, по которым поддерживалась связь (наиболее часто) с абонентами, адресе электронной почты, наименовании школы (учебной организации), которую окончил (для поиска в социальных сетях).

Еще раз отметим, чтоследователь осуществляет процессуальные, организационные, поисковые мероприятия по розыску скрывшегося подозреваемого, обвиняемого без производства следственных действий.

Исследовательская часть

Информационная революция в российском обществе привела к тому что большинство граждан пользуется компьютерной техникой. Статистические данные свидетельствуют о том, что из проживающих в Российской Федерации 144,2 млн человек 130,4 млн активно пользуются Интернетом, проникновение в сети достигло 90,4 %. В 2024 г. российские пользователи проводили в Интернете 8 ч 21 мин в день. В начале 2024 г. в России было зарегистрировано 219,8 млн мобильных абонентских подключений. Учитывая, что один человек может использовать несколько устройств, процент мобильных подключений составил 152,5 [8].

Наличие значительного количества компьютерной техники у граждан, использование информационных технологий в повседневной жизни не могло не сказаться на уровне их использования при совершении и сокрытии преступлений. В 2024 г., по данным МВД России, было зарегистрировано 765 365 преступлений (369 267 – тяжких и особо тяжких), совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, из них 571 369 преступлений осталось не раскрыто. Всего в 2024 г. в России был зарегистрирован 1 911 300 преступлений [9, с. 2, 30–31].

Исходя из этого, при раскрытии и расследовании противоправных деяний значимым становится розыск компьютерного оборудования, программного обеспечения, информации в Интернете с целью розыска скрывшегося подозреваемого, обвиняемого.

Интернет – это архив разнообразной информации (для хранения и передачи, без предметных каталогов), его сравнивают с айсбергом. Считается, что то, чем мы пользуемся ежедневно, это видимая сеть, небольшая часть, что выступает над «поверхностью воды». Но под «водой» залегает глубокая сеть, скрытая часть Интернета, где можно анонимно общаться, обмениваться файлами. В соответствии с этим Интернет разделяют на несколько уровней:

1. Видимая сеть – сайты, которые появляются в результатах обычного поиска. Этот уровень доступен каждому пользователю и полностью проиндексированный.

2. Глубокая сеть – огромный архив, где хранятся базы данных, учетные записи электронной почты, сервисы по подписке и конфиденциальная информация. Она больше видимой и не индексируется обычными поисковыми системами, в нее могут входить определенные категории.

3. Даркнет (темная сеть) – это скрытая часть Интернета, недоступная через обычные поисковые системы. Веб-страницы в ней не индексируются, а открыть их можно только с помощью специальных программ. В даркнете есть свои домены и алгоритмы шифрования, которые скрывают не только содержимое сайтов, но и маршруты соединений. Благодаря этому отследить пользователей и разработчиков сайтов становится сложнее [10, с. 38]. Здесь на первом месте анонимность, поэтому для обезличенного доступа используются специальные программы. Даркнет может быть источником сосредоточения сведений о незаконной деятельности, получение которых предполагает необходимость соблюдения осторожности, этических и правовых норм, в частности федерального закона «О персональных данных». В нем можно отыскать массу общедоступной информации, которая проиндексирована поисковыми системами. Это источник получения данных для раскрытия и расследования преступлений прошлых лет, установления лиц, причастных к противоправному деянию, выяснения их места нахождения.

Информационной системой получения интересующих данных является OSINT (Open Source Intelligence, открытые источники разведки), система сбора и анализа информации из общедоступных

ресурсов в Интернете [12]. Отправной точкой поиска с использованием данной системы выступает видимая, легальная сеть. Речь идет о процессе сбора, оценки, интерпретации и систематизации информации, находящейся в открытом доступе.

Одним из ведущих принципов OSINT является получение данных только из открытых, доступных источников, исключая взлом, несанкционированный доступ или иные незаконные действия. OSINT-аналитик (специалист) работает лишь с тем, что может найти любой человек.

Поиск позволяет отыскать информацию и получить ответы на конкретные вопросы об обстоятельствах совершения преступления, пребывание скрывшегося на определенной территории, о месте работы и жительства, семейном положении, переписке с определенными адресатами, приобретении движимого и недвижимого имущества, обучении, повышении квалификации в образовательной организации, нарушении правил безопасности дорожного движения, выплате штрафов.

Следует сказать, что возможность извлечения информации из отдельных источников в Интернете ценится специалистами, работающими в цифровой сфере, очень высоко. Необходимо активизировать это направление, сделать его более интенсивным, способствующим установлению не только мест пребывания скрывшихся преступников, но и получению информации о совершенном преступлении в прошлом.

Как уже было указано, система OSINT включает поиск информации по открытым источникам, ее обработку, анализ, группировку для принятия конкретных решений. К ним относятся типичные открытые источники: социальные сети и блоги; форумы и комментарии; публичные реестры и базы данных (например, ЕГРЮЛ, кадастр); новостные сайты; спутниковые снимки (Google Earth, Sentinel); доменные записи (Whois); утечки данных, опубликованные в открытом доступе; публикации и отчеты; видеохостинги и фотостоки; данные поисковых систем.

Поиск предполагает изучение и сбор информации из различных источников, включая социальные сети, торговые (коммерческие) базы данных, данные ГИБДД, ФССП. Это можно делать вручную или с помощью автоматизированных инструментов, к которым относятся:

- Shodan-поиск подключенных к Интернету устройств (камеры, роутеры, серверы);
- Snooper-поиск аккаунтов по нику;
- SpiderFoot – автоматизированный сбор данных из соцсетей, DNS, утечек;
- Maryam – поиск информации по адресам электронной почты, доменам, IP;
- Alfred – анализ связей между аккаунтами в социальных сетях.

Преимущество OSINT состоит в том, что она может видеть связи между разрозненными открытыми данными.

Обработка данных предполагает исключение неточной, неактуальной, не относящейся к предмету поиска, дублирующейся информации. Следует си-

стематизировать полученные сведения с точки зрения их относимости к конкретному интересующему факту, выводящему на обстоятельства преступления, совершенного в прошлом (осуществленному противоправному деянию, времени исчезновения из поля зрения уполномоченных должностных лиц органов расследования конкретного гражданина).

Анализ состоит в выявлении закономерностей, раскрывающих принадлежность некоторых фактов к совершению преступления в прошлом, вскрывающих их взаимосвязи, корреляции между установленными событиями. Помощниками в этой работе могут быть специальные инструменты для визуализации и интеллектуального анализа данных, а также обработки языковой информации.

В соответствии с приказом СК России от 31.07.2014 № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» в центральном аппарате Следственного комитета, главных следственных управлениях и следственных управлениях Следственного комитета по субъектам Российской Федерации и приравненных к ним специализированных (в том числе военных) следственных управлениях и следственных отделах созданы аналитические группы по раскрытию преступлений прошлых лет. Передача полученной информации предполагает не только доклад заместителю руководителя следственного органа Следственного комитета, возглавляющему аналитическую группу по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет, но и общение с коллегами, в идеале непосредственно с тем следователем, который осуществлял расследование конкретного преступления, предварительное следствие по которому было приостановлено, а также с членами аналитической группы, ответственными за организацию раскрытия и расследования преступлений, совершенных в прошлом. Мозговая атака с участием опытных следователей, оперативных уполномоченных под руководством руководителей соответствующих следственных органов может способствовать принятию обоснованных решений с подготовкой и реализацией уведомлений, ориентировок, заданий для проведения оперативно-розыскных мероприятий в дальнейшем.

Объектами и средствами OSINT являются:

- социальные сети и другие платформы для онлайн-общения. Благодаря им можно получить или со временем отследить информацию о жизнедеятельности людей, их интересах, планах, прошлой жизни, совершенных поступках, а иногда выявить противоправные намерения субъектов поиска;
- юридические документы: договоры о найме и увольнении с работы, приобретении, найме жилых, производственных помещений, приобретении жилья, судебные решения, документы компаний, управляющих жилым фондом, специальных организаций его обеспечения;
- средства массовой информации: страницы или колонки газет, журналов, новостные сайты, рекламные объявления.

Автоматический сбор информации посредством специализированных программ (веб-скрейпинг) по-

звонят быстро и систематически извлекать объемы данных. Более точные результаты позволяют получить поисковые системы, имеющие расширенный поиск. При работе с огромными массивами сведений незаменимы инструменты их анализа (Excel, Tableau и R и др.), которые помогают отсеять лишнюю информацию, установить закономерности и взаимосвязи.

Прежде чем начать поиск и сбор сведений, нужно определить цель, спрогнозировать желательные результаты. Это поможет сфокусироваться на главном и упростит работу. Исследование нужно разделять на логические этапы, с охватом определенных направлений. При сборе информации, как уже было указано, следует обращаться к различным источникам: поисковым системам, социальным сетям, юридическим документам.

Полученные данные желательно проверять по нескольким возможным источникам, за счет этого повысится точность результатов и сократится риск получения недостоверных сведений. Этому способствуют целенаправленные поисковые запросы. Операторы, фильтры и расширенные функции поисковых систем помогут сократить объем данных и получить более релевантные результаты. Следует изучать метаданные изображений, документов и других файлов. Метаданные – это структурированная информация, встроенная в файл, описывающая его свойства и контекст использования. Они создаются автоматически программами или устройствами, участвующими в формировании файла, но могут также добавляться вручную. Эта информация состоит из атрибутов, которые можно разделить на несколько категорий: технические параметры (размер файла, тип, формат, разрешение, кодек); описательные характеристики (название, ключевые слова, описание); административные сведения (автор, правообладатель, дата создания, версия ПО); геопространственные атрибуты (GPS-координаты). Анализируя их, можно обнаружить ценную информацию, например местоположение, указание на время, данные об авторе, особенно устройстве.

Профили в социальных сетях, онлайн-форумы, публикации в блогах и общедоступные документы могут дать исчерпывающее представление об объекте при условии владения навыками находить цифровые следы. Нужно подробно фиксировать свои находки, включая метки времени, режим доступа, скриншоты, заметки. Такая систематизация повысит эффективность анализа и поможет отыскивать сохраненную информацию.

Следует отметить, что сбор информации может быть пассивным и активным.

При пассивном поиске идет наблюдение за информацией (данными) без взаимодействия с ними напрямую, осуществляется просмотр общедоступных сведений без комментариев, написания личных сообщений, без подключения в качестве собеседника, подписчика других пользователей. Активный сбор сведений предполагает прямое взаимодействие для получения определенных данных. С этой целью осуществляется знакомство в социальных сетях, задаются вопросы, ведется общение в чате. Здесь важно

быть рядовым пользователем, для чего нужно завести учетные записи на разных платформах.

Как уже отмечалось, поиск по открытым источникам подразумевает извлечение информации из общедоступных ресурсов. При этом OSINT-аналитик должен действовать анонимно, сохранять конфиденциальность. Если лицо, поиск которого осуществляется, узнает, что кто-то пытается найти о нем информацию, оно может предпринять соответствующие меры, включающие удаление сообщений в социальных сетях, ограничение видимости профиля, приостановку работы сайтов, уничтожение данных. Анонимность во многом поможет скрыть факт поиска и наблюдения. Даже косвенно не следует обозначать поиск. К тому же если объект розыска обнаружит слежку, он может изменить поведение или способы коммуникации. Это существенно затруднит дальнейший сбор необходимой информации и тем самым отрицательно повлияет на уровень желаемой осведомленности. Анонимность помогает избежать нежелательного развития событий.

Скомпрометировав поиск на ранних этапах, можно навредить получению информации, необходимой для раскрытия преступления, совершенного в прошлом, выявлению нового преступного сговора. Пусть злоумышленник продолжает незаконную деятельность, но уже под наблюдением. Анонимность – важная составляющая незаметного наблюдения. Она позволяет исключить непреднамеренное нарушение этических и юридических норм, создать безопасность аналитика и информации. Хакеры, террористы и другие преступники могут попытаться расправиться с аналитиками и информаторами, которые принимают участие в поиске. Анонимность и конфиденциальность помогают обеспечить их защиту. Нужно исключать утечку данных и возможные нежелательные последствия путем применения надежных мер защиты конфиденциальности.

Нельзя допускать ситуацию, при которой OSINT-аналитик может быть обнаружен во время поиска по IP-адресу, который в свою очередь позволяет определить его местоположение и идентифицировать личность. Если не маскировать реальный IP-адрес с помощью специальных средств, сайты будут его фиксировать. Нужно исходить из того, что браузеры собирают невероятное количество данных: от разрешения экрана до списка установленных плагинов. На их основе можно создать уникальный отпечаток – фингерпринт – комбинация данных об устройстве, браузере и подключении, с помощью которых пользователь посещает конкретный сайт, набор данных, позволяющих идентифицировать файл, например аудио- или видеозапись. Отпечаток браузера все равно позволяет отслеживать поисковые действия независимо от сеанса.

Чтобы не возникало ложное чувство безопасности, необходимо комбинировать несколько инструментов или подходов, учитывая слабые места каждого из них.

Сайты размещают на используемом устройстве небольшие текстовые файлы (cookie), чтобы отслеживать и запоминать действия в сети. С одной стороны,

это удобно, когда сайты сохраняют данные для входа и содержимое корзины, но с другой – благодаря файлам cookie создаются подробные портреты пользователей с информацией об их привычках, интересах, поведении и других характеристиках, оставляемой на множестве сайтов и в течение разных сеансов. Регулярное очищение файлов cookie способствует ограничению отслеживания, однако имеются более продвинутое методы, включая отпечатки браузера и устройства (по технологии Canvas), которые от этих файлов не зависят. Файлы cookie могут храниться в разных местах и могут содержать довольно много сведений.

Чтобы избежать наблюдения, важно использовать специальные браузеры, предназначенные для конфиденциального просмотра веб-страниц, а также время от времени менять свою модель поведения в сети. Известно, что файлы содержат метаданные – информацию о самом файле, созданную применяемым устройством. Так, например, могут сохраняться геотеги, метки времени, серийные номера устройств, история редактирования и др. В заголовках электронных писем раскрываются IP-адрес, информация о клиенте. В случае утечки метаданные могут выдать информацию о вашей личности и минимизировать анонимность, поэтому перед публикацией файла необходимо их удалять, а также избегать способов коммуникации, раскрывающих метаданные.

Следует выбирать и место работы, учитывать, что в кофейнях, гостиницах, транспорте сеть вайфай часто не имеет пароля, никак не защищена. В результате любой человек поблизости может перехватить незашифрованный трафик и подсмотреть, что вы делаете в Интернете. Подключившись к незащищенной сети общего пользования вайфай, не следует входить в учетные записи, содержащие конфиденциальную информацию, например электронную почту. Следует шифровать трафик при помощи надежного VPN, а лучше – придерживать конфиденциальные данные до тех пор, пока не будет возможности подключиться к защищенной сети.

Одна из ошибок OSINT-аналитиков может состоять в использовании учетной записи, по которой можно их вычислить. При поиске в социальных сетях, на форумах и других онлайн-площадках следует заводить анонимные одноразовые учетные записи и маскировать IP-адреса. Нужно разделять собственную интернет-активность и действия, связанные с поиском фактов, относящихся к расследованию преступлений прошлых лет.

Разрушить свою анонимность легко – достаточно один раз случайно раскрыть личную информацию в чате, на форуме или другой площадке для общения, поэтому нужно быть предельно осторожными, сообщая данные, по которым можно установить аналитика, а также дифференцировать своих анонимных персонажей: если использовать одинаковые логины, пароли или схожие электронные адреса для разных учетных записей, то установить между ними связь проще.

Новые способы взлома, эксплойты и уязвимости появляются постоянно. Если не следить за появлением новых угроз конфиденциальности и безопасности, используемую информацию могут похитить методами, которые еще не в обороте, от которых не защитились. Чтобы этого не произошло, не следует полагаться на имеющиеся знания: обучение должно быть непрерывным.

Комплекс методов и приемов OSINT позволяет аналитикам ориентироваться в бескрайнем информационном пространстве. Передовые инструменты позволяют извлекать ценную информацию, осуществлять этичный взлом и извлечение данных. Веб-скрейпинг предназначен для использования программы автоматического извлечения данных с сайтов. Это основной инструмент OSINT, благодаря которому можно быстро собирать большие объемы информации. С помощью скриптов на языках программирования вроде Python он просматривает сайты и извлекает информацию, умеет находиться, где требуется, непринужденно собирая нужные данные. Веб-скрейпинг позволяет получить ценные данные в цифровом пространстве: от списка контактов из онлайн-каталогов до полезных данных форумов.

Скрейперы служат надежными наблюдателями, которые отслеживают любые изменения на сайтах. Они оперативно предупреждают о новостях и обновлениях, что бывает весьма удобно. Веб-скрейперы могут выступать в роли машины времени и делать регулярные снимки веб-страниц, анализируя которые можно увидеть, что на них изменилось. Эта особенность выручает, если нужно получить доступ к старой информации или восстановить удаленную. Данные, собранные с помощью веб-скрейпинга, можно объединить с другой информацией и провести более глубокий анализ.

Заключение

Ценность информационной системы OSINT заключается в непрерывности цикла: она позволяет постоянно собирать информацию, совершенствовать ее анализ, обработку, учитывать новые данные, в том числе корреляционные связи и обратную связь. При этом система имеет те же недостатки и ограничения, что и другие средства и методы поиска. Поэтому необходимо привлекать опытных IT-специалистов, профессионалов в сфере информационных технологий, одновременно способных грамотно интерпретировать извлеченные данные, аплицировать их на обстоятельства, раскрывающие преступление, совершенное в прошлом.

На сегодняшний день требуется специальная подготовка следователей для приобретения соответствующих знаний, умений и навыков. Сделать это без разработки конкретных программ при непосредственном участии IT-специалистов на всех этапах не представляется возможным. К тому же требуется специальная материально-техническая база, оснащенная современными компьютерами, позволяющая решать конкретные задачи, реализуя автоматизированные инструменты, производя поиск и сбор информации из различных источников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гимазетдинов Д. Р. Уголовно-процессуальная форма: общетеоретический, нормативно-правовой и правоприменительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2023. 234 с.
2. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9. С. 67–79.
3. Деятельность следователя по приостановленному делу. Розыск обвиняемого. Возобновление предварительного расследования // Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс. М., 2023. С. 598–606.
4. Гончар В. В. Теоретические и правовые аспекты розыскной деятельности следователя. М., 2021. 162 с.
5. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. 162 с.
6. Шурухнов Н. Г. Розыскная деятельность следователя // Криминалистика / под ред. А. Ф. Волинского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 521–535.
7. Шурухнов Н. Г., Гришин Д. А. Повышение результативности отдельных следственных действий (контроль и запись переговоров, получение информации о соединении абонентов и (или) абонентских устройств) // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3, № 4. С. 95–100.
8. Digital 2024: глобальный обзорный отчет. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 12.11.2025).
9. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года. М., 2025. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 12.11.2025).
10. IT-справочник следователя / под ред. С. В. Зуева. М., 2019. 232 с.
11. Меридит Д. OSINT. Руководство по сбору и анализу открытой информации в интернете. Астана, 2025. 224 с.

REFERENCES

1. Gimazetdinov D.R. *Ugolovno-protsessual'naya forma: obshcheteoreticheskii, normativno-pravovoi i pravoprimeritel'nyi analiz: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal procedural form: general theoretical, regulatory and law enforcement analysis: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Izhevsk, 2023. P. 598–606.
2. Rossinskii S.B. A criminal-procedural form: essence, problems, trends and prospects of development. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, no. 9, pp. 67–79. (In Russ.).
3. Activities of the investigator in the suspended case. Search for the accused. Resumption of the preliminary investigation. In: Grigor'ev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. *Ugolovnyi protsess* [Criminal process]. Moscow, 2023. 960 p.
4. Gonchar V.V. *Teoreticheskie i pravovye aspekty rozysknoi deyatel'nosti sledovatelya* [Theoretical and legal aspects of the investigator's investigative activities]. Moscow, 2021. 162 p.
5. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve. Ikh vidy, sodержание i formy* [Decisions in criminal proceedings. Their types, contents and forms]. Moscow, 1976. 162 p.
6. Shurukhnov N.G. Investigative activity of an investigator. In: Volynskii A.F., Lavrov V.P. (Eds.). *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, 2006. P. 521–535. (In Russ.).
7. Shurukhnov N.G., Grishin D.A. Improving the effectiveness of individual investigative actions (monitoring and recording of negotiations, obtaining information about the connection of subscribers and (or) subscriber devices). *Lobbirovanie v zakonodatel'stve = Lobbying in the Legislative Process*, 2024, vol. 3, no. 4, pp. 95–100. (In Russ.).
8. *Digital 2024: global'nyi obzornyi otchet* [Digital 2024: global overview report]. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (accessed November 12, 2025).
9. The state of crime in Russia in January-December 2024. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, FKU "Glavnyi informatsionno-analiticheskii tsentr"* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Main Information and Analytical Center]. Moscow, 2025. Available at: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (accessed November 12, 2025).
10. *IT-spravochnik sledovatelya* [IT-investigator's handbook]. Ed. by Zuev S.V. Moscow, 2019. 232 p.
11. Meredit D. *OSINT. Rukovodstvo po sboru i analizu otkrytoi informatsii v internete* [OSINT. A guide to collecting and analyzing open information on the Internet]. Astana, 2025. 224 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовного права и процесса Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Тула, Россия, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Статья поступила 16.12.2025

Оскорбление представителя власти: проблемы правовой регламентации, квалификации и дифференциации уголовной ответственности

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ СЕРЕДА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, sta-sereda2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0718-963X>

Реферат

Введение: в статье анализируются положения ст. 319 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за оскорбление представителя власти, а также практика их применения, роль и значение данных норм в обеспечении, с одной стороны, конституционного права на защиту чести и достоинства личности, с другой – установленного порядка управления, а вместе с этим и государственной безопасности. *Цель:* на основе анализа проблем законодательного закрепления, определения признаков состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, и практики применения данной статьи разработать предложения по совершенствованию положений уголовного законодательства в рассматриваемой области. *Методы:* диалектического познания, индукции, дедукции, анализа, синтеза, толкования правовых норм, юридико-догматический, структурно-логический, системный и др. *Результаты:* выявлены пробелы и недостатки в описании признаков состава преступления, связанного с оскорблением представителя власти, обуславливающие их различное понимание и применение как в научной среде, так и в судебной практике. Отмечено неполное применение на практике положений ст. 319 УК РФ, связанное с неточным закреплением признаков данного состава преступления, в первую очередь признака публичности оскорбления, отсутствием дифференциации ответственности за оскорбление представителя власти, в том числе отсутствием квалифицированных составов в ст. 319 УК РФ. Выявлено отсутствие соразмерных и системных связей данной статьи с иными смежными и близкими составами преступлений и административных правонарушений. *Выводы:* по итогам проведенного исследования предложена новая редакция ст. 319 УК РФ, содержащая подробное описание признаков рассматриваемого состава преступления, дифференциацию уголовной ответственности за оскорбление представителя власти в зависимости от того, совершено ли данное преступление публично или с использованием служебного поведения, а также уточненные и дополненные санкции.

Ключевые слова: оскорбление; представитель власти; публичность; состав преступления; наказание; дифференциация уголовной ответственности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Середина С. П. Оскорбление представителя власти: проблемы правовой регламентации, квалификации и дифференциации уголовной ответственности // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 54–61. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.007.

Original article

Insulting a Public Authority: Issues of Legal Regulation, Qualification and Differentiation of Criminal Liability

STANISLAV P. SEREDA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, sta-sereda2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0718-963X>

Abstract

Introduction: the article analyzes provisions of Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation stipulating criminal liability for insulting a public authority, as well as the practice of their application, the role and significance of these norms in ensuring the constitutional right to protect the honor and dignity of the individual, the established management procedure, and state security. *Purpose:* based on the analysis of problems of legislative consolidation and definition of the crime elements provided for in Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation and the practice of applying this article to develop proposals for improving the provisions of criminal legislation in this area. *Methods:* methods of dialectical cognition, induction, deduction, analysis, synthesis, interpretation of legal norms, legal-dogmatic, structural-logical, systematic methods, etc. *Results:* the author determines gaps and shortcomings in the description of elements of the crime related to insulting a public authority that lead to their different understanding and application both in the scientific community and judicial practice. Incomplete application of provisions of Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation in practice is noted due to the inaccurate identification of crime elements, primarily public insult, a lack of differentiation of liability for insulting a public authority. The absence of proportionate and systemic links between this article and other related and similar types of crimes and administrative offenses is revealed. *Conclusions:* based on the study results, the author proposes a new version of Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation containing a detailed description of elements of the crime under consideration and differentiating criminal liability for insulting a representative of power, depending on whether the crime has been committed in public or using official conduct, as well as clarified and supplemented sanctions.

Keywords: insult; representative of authority; publicity; corpus delicti; punishment; differentiation of criminal responsibility.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sereda S.P. Insulting a Public Authority: Issues of Legal Regulation, Qualification and Differentiation of Criminal Liability. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 54–61. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.007.

Введение

Право на защиту чести, достоинства и доброго имени является незыблемым правом каждого человека, которое признается и гарантируется в ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации. Аналогичные положения закреплены и в общепризнанных международных документах, например в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Признание достоинства присуще всем людям и является основой свободы, справедливости и всеобщего мира.

В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации установлено, что именно государство обязано охранять достоинство личности, в том числе честь и достоинство каждого человека от таких действий, как оскорбление личности, независимо от того, какое положение человек занимает в обществе, является ли он представителем власти или нет.

Основная часть

Действенным средством защиты чести, достоинства и доброго имени человека, в том числе и от оскорблений, безусловно, являются уголовно-правовые средства, уголовная ответственность. Однако действующая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации не содержит общего состава такого преступления, как оскорбление, не предусматривает уголовной ответственности за оскорбление любого человека. Как известно, первоначальная редакция УК РФ действительно признавала одним из преступлений против личности оскорбление любого человека и устанавливала за его совершение уголовную ответственность (ст. 130). Однако в соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ эта статья и данное преступление были исключены из кодекса, то

есть рассматриваемое общественно опасное деяние было декриминализовано. Подобное кардинальное изменение в положениях уголовного закона об оскорблении вызвало различные мнения специалистов: как положительные [1; 2], так и отрицательные [3–7], что свидетельствуют об отсутствии единого подхода к пониманию и оценке общественной опасности такого деяния, как оскорбление личности. При этом следует отметить, что отрицательное отношение к декриминализации оскорбления в российском уголовном праве все-таки преобладает среди ученых и специалистов.

Исключение из уголовного закона ст. 130, предусматривавшей общий состав оскорбления, безусловно, носит дискуссионный характер. Вместе с тем действующая редакция предусматривает уголовную ответственность за специальные виды оскорбления в отношении отдельных категорий лиц, а именно: оскорбление представителя власти (ст. 319), оскорбление военнослужащего (ст. 336), неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя, иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ст. 297). Такой подход законодателя к декриминализации деяний, при котором общий состав оскорбления был исключен из УК РФ, а специальные составы сохранены и даже расширены, вызывает справедливую критику со стороны некоторых ученых [8]. С одной стороны, можно говорить о нарушении конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, это выражается в том, что обычные люди, не наделенные властными полномочиями, не являющиеся представителями власти, участниками судебного разбирательства, военнослужащими, не

участвующие в отправлении правосудия, не имеют права на уголовно-правовую охрану и защиту своей чести и достоинства от оскорблений. Они могут рассчитывать только на гражданско-правовые и административно-правовые средства защиты своей чести и достоинства от оскорблений. Оскорбление обычного человека, не наделенного и не обладающего перечисленными профессиональными и социально-правовыми признаками, является административным правонарушением и влечет не уголовную, а только административную ответственность в соответствии со ст. 5.61 КоАП РФ.

С другой стороны, сохранение в действующей редакции УК РФ уголовной ответственности за оскорбление представителя власти и иные специальные виды оскорбления является, по нашему мнению, оправданным, поскольку существующие специальные составы оскорбления основаны не просто на особом статусе и специальных признаках потерпевшего, а на особых общественных отношениях, которые охраняются этими специальными составами. Ранее существовавший в ст. 130 УК РФ общий состав оскорбления был закреплен в гл. 17 разд. VII, что указывало на то, что непосредственным основным объектом посягательства со стороны данного преступления являлись общественные отношения, связанные с обеспечением и защитой чести и достоинства личности, относящиеся к более широкой группе отношений, связанных с обеспечением и защитой основных прав и свобод личности. В свою очередь, оскорбление представителя власти, ответственность за которое предусмотрена ст. 319 УК РФ, отличается от ранее существовавшего общего состава оскорбления по основному непосредственному объекту посягательства. На это указывает расположение данной статьи не в разд. VII, посвященном преступлениям против личности, а в гл. 32 разд. X УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления против государственной власти, а именно против порядка управления. Оскорбление представителя власти в первую очередь посягает не на честь и достоинство конкретной личности, наделенной властными полномочиями, а на ту власть, представителем которой данная личность является. Именно так построен состав преступления в ст. 319 УК РФ, в которой особо подчеркивается, что оскорбление представителя власти является преступлением, только если оскорбление происходит в тот момент, когда представитель власти исполняет свои должностные обязанности или если оскорбление происходит в связи с их исполнением. Если оскорбление представителя власти никак не связано с исполнением им своих обязанностей и касается только его личности, затрагивает только его честь и достоинство как обычного человека, состав преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, отсутствует. Подобное оскорбление может быть квалифицировано только как административное правонарушение по ст. 5.61 КоАП РФ.

В этой связи специальный состав преступления, предусмотренный ст. 319 УК РФ, связанный с оскорблениями представителя власти, имеет существенные отличия от ранее существовавшего обще-

го состава оскорбления в ст. 130 УК РФ. Эти отличия касаются не только статуса потерпевшего, но и объекта, и даже объективной стороны преступления. Основным непосредственным объектом преступления в ст. 319 являются общественные отношения, связанные с нормальным законным порядком управления обществом со стороны правоохранительных, контролирующих и иных органов публичной власти, как государственной, так и муниципальной, основанные на уважительном отношении к представителям власти в ходе или в связи с осуществлением ими распорядительных полномочий в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости. Отношения же, связанные с защитой чести и достоинства представителя власти как обычного человека, как личности, являются лишь дополнительным, хотя и обязательным объектом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 319 УК РФ.

В связи с этим общественная опасность оскорбления представителя власти, равно как и других специальных составов оскорбления, превышает общественную опасность простого оскорбления обычного человека, не наделенного властными полномочиями, что делает оправданной криминализацию деяния, предусмотренного ст. 319 УК РФ. Именно из более высокой общественной опасности специальных видов оскорбления, в том числе оскорбления представителя власти, исходил законодатель при сохранении и закреплении данных составов преступлений в УК РФ. Установление и сохранение уголовной ответственности за оскорбление представителя власти при исполнении или в связи с исполнением им своих обязанностей является особенно актуальным в настоящее время, когда внутренние и внешние угрозы, направленные против безопасности российского государства и общества, постоянно растут. При этом, как справедливо отмечается отдельными специалистами, сегодня ведется системная работа по подрыву доверия к правоохранительным и иным органам государственной власти и местного самоуправления, в том числе в средствах массовой информации, с использованием современных информационных технологий [9].

В подобных условиях наличие в УК РФ ст. 319, предусматривающей уголовную ответственность за оскорбление власти, является оправданным и необходимым. Однако в соответствии с данной статьей преступлением является только публичное оскорбление представителя власти. Непубличное оскорбление не образует состава преступления и является лишь административным правонарушением, подпадающим под ст. 5.61 КоАП РФ. На наш взгляд, подобный подход является неверным, поскольку не учитывает характер и степень общественной опасности непубличного оскорбления представителя власти, которое так же, как и публичное, если совершено в ходе или в связи с исполнением представителем власти своих полномочий, посягает не только и не просто на честь и достоинство личности, но в первую очередь на установленный порядок государственного и муниципального управления, а значит, и на безопасность государства и общества. Намеренно оскорбляя пред-

ставителя власти, независимо от того происходит ли это публично или нет, виновное лицо на самом деле сознательно оскорбляет не конкретную личность, наделенную властными полномочиями, а действующую государственную или муниципальную власть, конкретные правоохранительные, контролирурующие и иные органы. Наличие же в действующем законодательстве только административной ответственности за подобные непубличные действия не учитывает их высокой общественной опасности.

Также следует обратить внимание на непоследовательность законодателя в определении характера и степени ответственности за преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ, – наказуемость, на наш взгляд, не соответствует характеру и степени общественной опасности данного преступления. Так, если сравнить санкции действующей ст. 319 УК РФ и ранее существовавшей ст. 130 УК РФ, то можно увидеть, что существенной разницы в карательном потенциале санкций этих статей нет. Это не соответствует разнице в характере и степени общественной опасности между данными деяниями, которая в том числе объясняет декриминализацию общего состава оскорбления (ст. 130 УК РФ) как менее общественно опасного и сохранение уголовной ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) как более общественно опасного деяния. Так же как и составы преступлений в ранее действовавшей ст. 130 УК РФ, деяние в действующей ст. 319 УК РФ является преступлением небольшой тяжести. Наказание в виде лишения свободы в санкциях этих статей отсутствует, что нельзя признать правильным. Более того, альтернативные санкции ранее действовавшей ст. 130 УК РФ предусматривали более строгие виды и размеры наказаний, чем санкция действующей ст. 319 УК РФ. В ч. 2 ст. 130 УК РФ, ранее предусматривавшей ответственность за публичное оскорбление, больше был размер наказания в виде штрафа, а также предусматривалось такое более строгое наказание, как ограничение свободы. В альтернативной санкции ст. 319 УК РФ наиболее строгим наказанием являются только исправительные работы. Такая ситуация свидетельствует, на наш взгляд, о непоследовательности законодателя при определении видов и размеров наказаний за оскорбление представителя власти в ст. 319 УК РФ и определяет необходимость изменения санкции данной статьи в сторону их ужесточения и большей дифференциации. Еще одним аргументом в пользу необходимости ужесточения санкции ст. 319 УК РФ следует назвать то, что размер наказания в виде штрафа, предусмотренный этой статьей, значительно меньше размера административного наказания в виде штрафа, предусмотренного за квалифицированные составы административных правонарушений в ч. 3–5 ст. 5.61 КоАП РФ. Такое несоответствие санкций характеру и степени общественной опасности рассматриваемых деяний свидетельствует о нарушении принципа разграничения и дифференциации юридической ответственности за административные правонарушения и преступления, связанные с оскорблением личности. Кроме этого, нарушением данного принципа и про-

явлением несогласованности норм УК РФ и КоАП РФ, предусматривающих ответственность за различные виды оскорблений, является то, что, с одной стороны, УК РФ не предусматривает уголовной ответственности за непубличное оскорбление представителя власти, а с другой – КоАП РФ в ст. 5.61 и других статьях не предусматривает квалифицированного состава административного правонарушения, связанного исключительно с оскорблением представителя власти и предусматривающего более строгое административное наказание.

Для понимания распространенности и частоты совершения, а вместе с этим и общественной опасности такого преступления, как оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), необходимо обратиться к официальной судебной статистике. Так, согласно официальной статистической информации, размещенной на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, по ст. 319 УК РФ в 2011 г. было осуждено 8616 чел. (1,1 % от осужденных по всем составам), в 2012 г. – 7821 (1 % соответственно), в 2013 г. – 7874 (1 %), в 2014 г. – 8859 (1,2 %), в 2015 г. – 7830 (1 %), в 2016 г. – 10 084 (1,4 %), в 2017 г. – 10 339 (1,5 %), в 2018 г. – 10 155 (1,5 %), в 2019 г. – 9194 (1,5 %), в 2020 г. – 8741 (1,6 %), в 2021 г. – 6786 (1,2 %), в 2022 г. – 4621 (0,8 %), в 2023 г. – 3616 (0,7 %), в 2024 г. – 2054 (0,4 %) [10]. При этом в последний год действия ст. 130 УК РФ, а именно в 2011 г., всего по этой статье было осуждено 2812 чел. (0,4 %) [10].

Статистика в целом показывает положительную динамику изменения количества лиц, осужденных за оскорбление представителя власти по ст. 319 УК РФ. Как видно, с 2011 г. по 2024 г. включительно количество лиц, ежегодно осуждаемых по ст. 319 УК РФ, сократилось более чем в четыре раза: с 8616 до 2054 чел. В том числе за данный период существенно сократилась и доля осуждаемых по ст. 319 УК РФ в общей численности осужденных по всем статьям: с 1,1 % в 2011 г. до 0,4 % в 2024 г. При этом, несмотря на то что в 2016–2019 гг. количество осужденных по ст. 319 УК РФ существенно возросло, тенденцию снижения количества осужденных за данное преступление в целом следует признать устойчивой. В том числе представленные данные статистики косвенно могут указывать и на снижение количества совершаемых преступлений по ст. 319 УК РФ. Также следует обратить внимание на то, что на момент декриминализации простого состава оскорбления (ст. 130 УК РФ) в 2011 г. количество осужденных по данной статье более чем в три раза было меньше, чем осужденных за оскорбление представителя власти по ст. 319 УК РФ. Безусловно, такая статистика оправдывала сохранение уголовной ответственности за оскорбление представителя власти, поскольку свидетельствовала о большем распространении данного преступления и его большей общественной опасности.

Вместе с тем официальная статистика привлечения к уголовной ответственности и осуждения виновных лиц по ст. 319 УК РФ не отражает всего количества фактически совершаемых общественно опасных

деяний, связанных с оскорблением представителей власти. Как показывает изучение материалов конкретных уголовных дел и приговоров судов, выносимых по ст. 319 УК РФ, на практике применение данной статьи носит ограниченный характер. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что состав преступления, связанного с оскорблением представителя власти, в ст. 319 УК РФ сформулирован достаточно широко, не содержит необходимых уточнений и определений основных признаков. Кроме этого, ст. 319 УК РФ не содержит квалифицированных составов оскорбления представителя власти, которые бы раскрывали отдельные особенности и аспекты данного преступления и позволяли бы практическим органам правильно понимать и применять данную уголовно-правовую норму. В результате на практике ст. 319 УК РФ в основном применяется лишь к очевидным случаям, связанным с публичным оскорблением представителей власти при непосредственном исполнении ими своих должностных обязанностей. При этом чаще всего оскорбление представителя власти фактически совершается и квалифицируется по совокупности преступлений с применением насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ). Осуждение же за публичное оскорбление представителя власти, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, в судебной практике, в приговорах судов встречается редко.

Так, например, в соответствии с приговором Нурлатского районного суда Республики Татарстан от 27.11.2024 по делу № 1-98/2024 подсудимая была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 318, 319 УК РФ, а именно за то, что в присутствии гражданских лиц, то есть публично, неоднократно в неприличной устной форме оскорбила инспектора УУП и ПДН грубыми нецензурными словами и другими выражениями, унижающими его честь и достоинство как представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей, а также применила насилие [11]. Аналогичный приговор вынесен Салаватским городским судом Республики Башкортостан 19.12.2023 по делу № 1-412/2023, в соответствии с которым подсудимый был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 319 и ч. 1 ст. 318 УК РФ, за то, что высказал в присутствии посторонних граждан, то есть публично, в адрес инспектора, являющегося представителем власти, оскорбления, унижающие честь и достоинство последнего, сопровождая их нецензурной бранью, тем самым оскорбив его, а также применил насилие [12]. Большинство обвинительных приговоров, вынесенных судами по ст. 319 УК РФ, имеет схожее описание уголовных дел и совершенных преступлений, когда публичное оскорбление представителя власти происходит в момент непосредственного исполнения им своих обязанностей и в присутствии иных лиц. Приговоры, вынесенные за публичное оскорбление представителя власти в сети Интернет, в средствах массовой информации, встречаются редко. Однако связано это не с отсутствием подобных общественно опасных деяний на практи-

ке, а с неполным и крайне осторожным применением ст. 319 УК РФ, что в свою очередь обусловлено несовершенством данной нормы.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» обязательный признак публичности оскорбления представителя власти в ст. 319 УК РФ может выражаться в том, что оскорбительное высказывание или иное выражение оскорбления совершается как в присутствии самого потерпевшего и (или) других людей, так и посредством размещения оскорбительных сведений в средствах массовой информации, в сети Интернет на сайтах (форумах, в блогах и т. д.), доступных для широкого круга лиц. Однако, как мы уже отмечали, даже при наличии данного однозначного разъяснения высшей судебной инстанции России широкое значение признака публичности в ст. 319 УК РФ применяется на практике не в полной мере, игнорируется значительное количество подобных общественно опасных деяний, совершаемых в сети Интернет. Между тем факты оскорбления представителей власти могут являться частью масштабной целенаправленной преступной деятельности, связанной с распространением криминальной субкультуры и дезинформации. Как справедливо отмечают отдельные специалисты, распространение подобных идеологий зачастую осуществляется через интернет-платформы и средства массовой информации, что подрывает общественную безопасность [13, с. 83].

Диспозиция ст. 319 УК РФ является, по нашему мнению, несовершенной, поскольку не содержит полного и достаточного описания и определения не только признака публичности, но и остальных обязательных признаков состава преступления, связанного с оскорблением представителя власти. В ст. 319 лишь обозначаются, но не раскрываются такие ключевые понятия, как оскорбление, представитель власти, исполнение должностных обязанностей. Безусловно, большинство этих понятий разъясняется в указанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в том числе понятие «представитель власти» раскрывается в примечании к ст. 318 УК РФ. Вместе с тем для правильного и полного понимания и применения ст. 319 УК РФ, разграничения данного состава преступления с такими смежными составами преступлений, как клевета (ст. 128.1 УК РФ), а также схожими составами административных правонарушений (ст. 5.61, 5.61.1 КоАП РФ) требуется уточнение и закрепление основных и квалифицированных признаков рассматриваемого состава преступления именно в диспозиции ст. 319 УК РФ.

В ст. 319 УК РФ необходимо более подробно раскрыть понятие «оскорбление», подобно тому как это было закреплено в ранее действовавшей ст. 130 УК РФ, предусматривавшей ответственность за оскорбление. До отмены ст. 130 данное определение оскорбления было основным в УК РФ, являясь ориентиром для определения содержания и специаль-

ных составов оскорбления в кодексе. В настоящее же время в УК РФ, в том числе и в ст. 319, отсутствует определение понятия «оскорбление», что вызывает вопросы и свидетельствует о неполноте норм, несистемном и непоследовательном подходе законодателя к их изложению. Безусловно, в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 дано достаточно полное и подробное определение того, что представляет собой оскорбление представителя власти, основным содержанием которого является указание на то, что это публичное унижение чести и достоинства представителя власти, затрагивающее его личностные и (или) профессиональные (служебные) качества, выраженное в неприличной или в иной форме, унижающей честь и достоинство потерпевшего. Однако в отсутствие легального определения понятия «оскорбление» в УК РФ Пленум Верховного Суда Российской Федерации фактически создает новую уголовно-правовую норму, что является недопустимым, поскольку высшая судебная инстанция не является органом законодательной власти. В этой связи соответствующее определение, по нашему мнению, должно содержаться в диспозиции ст. 319 УК РФ.

Кроме этого, как мы уже отмечали, результаты проведенного исследования указывают на необходимость дифференциации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти в зависимости от характера и степени общественной опасности данного деяния посредством закрепления в ст. 319 УК РФ основного, квалифицированного и особо квалифицированного составов преступлений. В настоящий момент такая дифференциация уголовной ответственности отсутствует, что не соответствует общему подходу, преобладающему в УК РФ при конструировании составов преступлений, является проявлением несистемного подхода и нарушением юридической техники. Отсутствие дифференциации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти не согласуется с тем, что во всех смежных и схожих видах преступлений и административных правонарушениях дифференциация ответственности предусмотрена. Так, в ранее действовавшей ст. 130 УК РФ предусматривался основной и квалифицированный составы оскорбления в зависимости от признака публичности. В ст. 336 УК РФ уголовная ответственность за оскорбление военнослужащего дифференцирована в зависимости от субъекта преступления, статуса военнослужащего, уголовная ответственность за неуважение к суду дифференцирована в зависимости от правового статуса участников и субъектов судопроизводства. Существенная дифференциация уголовной ответственности предусмотрена в ст. 128.1 УК РФ за клевету в зависимости от наличия признака публичности, от субъекта преступления, его статуса и профессиональных возможностей, характера и содержания клеветы. Также значительная дифференциация административной ответственности за оскорбление закреплена в ст. 5.61 КоАП РФ в зависимости от признака публичности, статуса субъекта преступления, повторности совершения оскорбления. Как видно,

большинство оснований дифференциации ответственности в указанных статьях повторяются, что подтверждает их значимость. Эти основания должны быть учтены и отражены также и в ст. 319 УК РФ для конструирования составов оскорбления представителя власти, различающихся по характеру и степени общественной опасности.

За последние годы многие статьи УК РФ были дополнены квалифицированными составами, учитываемыми в качествеотягчающего обстоятельства значительное распространение и совершение преступлений с публичной демонстрацией, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, средств массовой информации, в сети Интернет (ст. 105, 111, 112, 115–117, 119, 280.4 УК РФ и др.). В том числе соответствующее отягчающее обстоятельство было закреплено в п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Однако эти изменения не затронули ст. 319, которую рассматриваемые негативные процессы в обществе затрагивают в равной мере.

В этой связи, по нашему мнению, в целях дифференциации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти в ст. 319 УК РФ должны быть предусмотрены основной и квалифицированный составы данного преступления. При этом для обеспечения единого подхода при конструировании составов преступлений считаем необходимым ориентироваться на то, как сконструированы близкие по охраняемым общественным отношениям составы преступлений в ст. 128.1 УК РФ и составы административных правонарушений в ст. 5.61 КоАП РФ. Основной состав оскорбления представителя власти в ст. 319 УК РФ не должен носить целенаправленного публичного характера, квалифицированный – должен предусматривать ответственность за совершение данного деяния в публичной форме, в том числе в сети «Интернет», что следует особо подчеркнуть. Данное преступление должно наказываться в том числе лишением свободы на определенный срок. В ст. 319 УК РФ следует также предусмотреть особо квалифицированный состав оскорбления представителя власти, совершенного с использованием виновным своего служебного положения.

Заключение

С учетом результатов проведенного исследования, в целях совершенствования положений УК РФ, предусматривающих ответственность за оскорбление представителя власти, устранения пробелов и противоречий, закрепления дифференциации ответственности за данное деяние, обеспечения единого и системного подхода в уголовно-правовом регулировании рассматриваемых отношений считаем необходимым изложить ст. 319 УК РФ в следующей редакции:

«1. Оскорбление представителя власти, то есть унижение его чести и достоинства, затрагивающее его личностные и (или) профессиональные (служебные) качества, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, –

наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

2. Оскорбление представителя власти, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», или в отношении нескольких представителей власти, в том числе индивидуально не определенных, –

наказывается штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или

иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до двух месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

3. Оскорбление представителя власти, совершенное с использованием своего служебного положения, –

наказывается штрафом в размере до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до трехсот двадцати часов, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тасалов Ф. А. УК гуманизируется, дисбаланс остается // ЭЖ-Юрист. 2011. № 26. С. 1–3.
2. Епихин А. Ю. Судопроизводство по делам частного обвинения: последствия декриминализации клеветы и оскорбления // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 179–182.
3. Огородникова Н. В. Криминализация и декриминализация в посткодификационный период (краткий обзор новелл в УК РФ 1996 г.) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 1 (24). С. 101–104.
4. Незнамова З. А. Криминализация и декриминализация как индикатор отношения человека и власти // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире: сб. науч. тр. XXI Российской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 г.) / ред. Л. А. Закс, А. П. Семитко, С. А. Мицек [и др.]. Екатеринбург, 2019. С. 177–186.
5. Жариков Ю. С. О законности декриминализации клеветы и оскорбления // Современное право. 2012. № 6. С. 113–116.
6. Пелипенко Р. С. О декриминализации клеветы и оскорбления // Труды Института государства и права РАН. 2012. № 4. С. 163–171.
7. Винокурова М. Б., Герасименко А. С. Декриминализация статей 129 и 130 Уголовного кодекса Российской Федерации как одна из форм реализации уголовной политики // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. науч. ст. по результатам работы всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2025. С. 197–204.
8. Осокин Р. Б. Декриминализация клеветы и оскорбления как одна из форм реализации уголовной политики // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7-8. С. 196–199.
9. Марченко Г. В., Забарин А. В., Чимаров С. Ю. Формирование общественного доверия к деятельности правоохранительных органов // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 93–109.
10. Данные судебной статистики. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.08.2025).
11. Приговор Нурлатского районного суда Республики Татарстан № 1-98/2024 от 27 ноября 2024 г. по делу № 1-98/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/E3H0GPTTojQx/> (дата обращения: 08.08.2025).
12. Приговор Салаватского городского суда Республики Башкортостан № 1-412/2023 от 19 декабря 2023 г. по делу № 1-412/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0a05x4r1xXNx/> (дата обращения: 08.08.2025).
13. Государев Т. Л. Правовые механизмы противодействия дезинформированию в рамках борьбы с пропагандой криминального образа жизни как отдельной субкультуры // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 82–90.

REFERENCES

1. Tasalov F.A. The Criminal Code is being humanized, the imbalance remains. *EZh-Yurist = Economics-Life-Lawyer*, 2011, no. 26, pp. 1–3. (In Russ.).
2. Epikhin A.Yu. Judicial proceedings in cases of private prosecution: consequences of decriminalization of slander and insults. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2012, no. 2, pp. 179–182. (In Russ.).
3. Ogorodnikova N.V. Criminalization and decriminalization in post-codification period (the short review of the innovations in the Criminal Code of the Russian Federation of 1996). *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific Proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate*, 2012, no. 1 (24), pp. 101–104. (In Russ.).
4. Neznamova Z.A. Criminalization and decriminalization as an indicator of human-government relations. In: Zaks L.A., Semitko A.P., Mitsek S.A. (Eds.). *Rossiiskii chelovek i vlast' v kontekste radikal'nykh izmenenii v sovremennom mire: sb. nauch. tr. XXI rossiiskoi nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem) (g. Ekaterinburg, 12–13 aprelya 2019 g.)* [The Russian man and power in the context of radical changes in the modern world: collection of scientific papers of the XXI Russian scientific and practical conference (with international participation)]. Ekaterinburg, 2019. Pp. 177–186. (In Russ.).
5. Zharikov Yu.S. On the legality of decriminalization of slander and insults. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2012, no. 6, pp. 113–116. (In Russ.).
6. Pelipenko R.S. On decriminalization of slander and insults. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 4, pp. 163–171. (In Russ.).
7. Vinokurova M.B., Gerasimenko A.S. Decriminalization of Articles 129 and 130 of the Criminal Code of the Russian Federation as one of the forms of implementation of criminal policy. In: *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika:*

sb. nauch. st. po rezul'tatam raboty vseros. nauch. -prakt. konf. [Criminal policy and law enforcement practice: collection of scientific articles based on the results of the work of the All-Russian scientific-practical conference]. Saint Petersburg, 2025. Pp. 197–204. (In Russ.).

8. Osokin R.B. Decriminalization of slander and insults as one of the forms of criminal policy implementation. *Sotsial'no-ehkonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 7-8, pp. 196–199. (In Russ.).

9. Marchenko G.V., Zabarin A.V., Chimarov S.Yu. Forming of public confidence in the activities of law enforcement bodies. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management Consulting*, 2022, no. 2, pp. 93–109. (In Russ.).

10. *Dannye sudebnoi statistiki* [Judicial statistics data]. Available at: <https://cdep.ru/?id=79> (accessed August 1, 2025).

11. *Prigovor Nurlatskogo raionnogo suda Respubliki Tatarstan No. 1-98/2024 ot 27 noyabrya 2024 g. po delu No. 1-98/2024* [Verdict of the Nurlatsky District Court of the Republic of Tatarstan No. 1-98/2024 of November 27, 2024 in case No. 1-98/2024]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/E3H0GPTTojQx/> (accessed August 8, 2025).

12. *Prigovor Salavatskogo gorodskogo suda Respubliki Bashkortostan No. 1-412/2023 ot 19 dekabrya 2023 g. po delu No. 1-412/2023* [Verdict of the Salavatsky City Court of the Republic of Bashkortostan No. 1-412/2023 of December 19, 2023 in case No. 1-412/2023]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/0a05x4r1xXNx/> (accessed August 8, 2025).

13. Gosudarev T.L. Legal mechanisms for countering disinformation in the fight against the promotion of a criminal lifestyle as a subculture. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 82–90. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ СЕРЕДА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, sta-sereda2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0718-963X>

STANISLAV P. SEREDA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, sta-sereda2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0718-963X>

Статья поступила 04.09.2025

Антимонопольное законодательство и практика Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации как источники методики выявления и расследования ограничения конкуренции

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЕРЕМИН

Управление ГФС России по Приволжскому федеральному округу, Нижний Новгород, Россия, eaa01@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9823-9545>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию методики выявления и расследования ограничения конкуренции. *Цель:* определение характера и места антимонопольного законодательства и практики Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации в частной методике выявления ограничения конкуренции. Основу исследования составляют сравнительно-правовой, системно-структурный, описательно-аналитический *методы*. *Результаты:* в ходе исследования выделены три группы источников методики выявления и расследования ограничения конкуренции, проведены их анализ и обобщение. Определено место антимонопольного законодательства и практики Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации в системе источников. Выделены особенности практики ФАС России в отношении учреждений уголовно-исполнительной системы. *Выводы:* автор приходит к выводу, что антимонопольное законодательство и практика Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации имеют информационно-теоретический характер, а отдельные акты ведомства – методологический характер.

Ключевые слова: ограничение конкуренции; расследование ограничения конкуренции; методика расследования; источники частных методик расследования; антимонопольное законодательство; практика ФАС России.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Еремин А. А. Антимонопольное законодательство и практика Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации как источники методики выявления и расследования ограничения конкуренции // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 62–68. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.008.

Original article

Antimonopoly Legislation and Practice of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation as Sources of Methodology for Detecting and Investigating Restrictions on Competition

ALEKSEI A. EREMIN

Department of the Directorate of the State Courier Service of Russia in the Volga Federal District, Nizhny Novgorod, Russia, eaa01@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9823-9545>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of methods for identifying and investigating restrictions on competition. *Purpose:* to determine the nature and place of antimonopoly legislation and practice of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation. The research is based on comparative legal, system-structural, descriptive-analytical *methods*. *Results:* in the course of the study, three groups of sources of methods for identifying and investigating restrictions on competition are identified, analyzed and generalized. The place of antimonopoly legislation and practice of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation in the system of sources is determined. The specifics of the practice of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation in relation to penitentiary institutions are highlighted. *Conclusions:* the author concludes that the antimonopoly legislation and practice of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation are informational and theoretical in nature, while individual acts of the agency are methodological in nature.

Key words: restriction of competition; investigation of restriction of competition; investigation methodology; sources of private investigation methods; antimonopoly legislation; practice of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Eremin A.A. Antimonopoly legislation and practice of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation as sources of methodology for detecting and investigating restrictions on competition. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 62–68. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.008.

Введение

При анализе методики выявления и расследования ограничения конкуренции используются устоявшиеся методологические подходы к формированию частных криминалистических методик. Наиболее полно данные аспекты в отношении источников частных методик расследования изложены Р. С. Белкиным [1, с. 709] и Н. П. Яблоковым [2, с. 541], в отношении криминалистической характеристики преступлений – А. А. Бессоновым [3, с. 20], в отношении моделей механизма преступления – А. М. Кустовым [4, с. 152], в отношении теоретических и практических взглядов на расследование преступлений экономической направленности – А. В. Шмониным [5, с. 238].

Задачами нашего исследования являются:

1. Анализ источников методик выявления и расследования ограничения конкуренции.

2. Выделение групп источников и раскрытие их информационно-теоретического и методологического характера.

3. Выявление признаков антимонопольного законодательства и практики ФАС России, позволяющих определить характер и место данных источников в общей системе.

4. Обобщение особенностей практики ФАС России, связанной с уголовным преследованием представителей органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Эмпирическая основа исследования состоит из 235 уголовных дел, возбужденных с 2009 по 2024 г. по ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» в качестве основного состава и в совокупности с иными преступлениями, из которых направлено в суд 65, что составляет 27,7 % от общего количества, приостановлено 61 (25,9 %), с учетом уголовных дел прошлых периодов прекращено 58 (24,6 %) [6].

Значимыми материалами для исследования источников методик выявления и расследования ограничения конкуренции являются результаты обработки анкет 82 респондентов, являвшихся на момент

опроса руководителями и сотрудниками следственных подразделений. Репрезентативность выборки обусловлена высоким профессиональным и образовательным уровнем, а также личным участием анкетированных в процессуальном контроле или расследовании уголовных дел об ограничении конкуренции. Около 30 % опрошенных отметили в качестве источников, имеющихся в следственных подразделениях, аналитические обзоры, содержащие как практику правоохранительных органов, так и ФАС России.

Понятие источника в криминалистике содержание соответствует его лексическому значению, которое означает начало чего-либо, документ лежащий в основе научного исследования [7, с. 290]. Учеными данный термин используется вне зависимости от отнесения к конкретным разделам криминалистики, но более других применяется в криминалистической методике расследования отдельных видов (групп) преступлений (далее – методика расследования).

Например, Р. С. Белкин отмечает, что криминалистические рекомендации частного характера формируются на основании исчерпывающего перечня элементов, включающего науку, право и несколько видов практической деятельности [1, с. 710]. Н. П. Яблоков встраивает источники в систему общих положений методики расследования. Ученый отмечает их базовый информационный характер, так и называя их «информационные источники методики расследования» [2, с. 542]. В свою очередь, частные методики расследования, по мнению Н. П. Яблокова, формируются на информационно-теоретических и методологических началах, по сути являющихся результатами научного обобщения криминалистической характеристики, закономерностей преступной деятельности и деятельности по ее расследованию [2, с. 544].

Данной парадигме соответствует позиция А. М. Кустова, который исследует становление криминалистической науки и практики в историческом аспекте, с момента первого закрепления в нормах права до наших дней. Ученый в качестве основных

источников рассматривает уголовно-правовое и уголовно-процессуальное законодательство, науку, правоприменительную практику соответствующих органов и судебную медицину [4, с. 6–61]. Ю. П. Гармаев также называет в качестве источников в обобщенном виде право, практику и науку [8, с. 28].

А. В. Шмонин и Е. Н. Земскова, анализируя особенности источников формирования криминалистических знаний о расследовании отдельной группы преступлений, фактически отождествляют их с источниками одноименной частной методики расследования и криминалистических рекомендаций [9, с. 155]. В числе таковых авторы выделяют право, следственную и судебную практику, науку и технологию, а также правовые позиции судебных и контрольно-надзорных органов, относящиеся к сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [9, с. 253–256].

С учетом отмеченных позиций исследователей мы к источникам методики выявления и расследования ограничения конкуренции относим право, научные разработки и практику.

Основные положения

Анализируя природу преступлений, ограничивающих конкуренцию, необходимо отметить, что в ряду правовых источников особое место занимает антимонопольное законодательство. К данной группе относятся Конституция Российской Федерации (ст. 8, 34, 74), Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы Российской Федерации, действующие законы РСФСР, направленные на защиту конкуренции, а также подзаконные нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации и ФАС России.

Так, Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» содержит:

- легальные понятия, используемые в криминалистической характеристике и методике выявления и расследования ограничения конкуренции;
- перечень хозяйствующих субъектов и антимонопольные признаки группы лиц, применяющиеся для очерчивания круга преступников при построении версий;
- формы и признаки картельного соглашения, исходя из которых определяются способы ограничения конкуренции;
- виды возможных последствий от соглашений, ограничивающих конкуренцию, лежащие в основе криминалистических рекомендаций по оценке категории и размера ущерба, причиненного преступлением;
- типы контроля одного хозяйствующего субъекта над другим и иные условия допустимости соглашений, ограничивающих конкуренцию, являющиеся обстоятельствами, подлежащими доказыванию на доследственном и первоначальном этапах и устраняющими преступность деяния, и др.

Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» раскрывает понятие и виды аффилированных лиц, которые используются в криминалистической характеристике ограничения конкуренции.

Нормативные правовые акты ФАС России с юридико-технической точки зрения также относятся к антимонопольному законодательству и издаются в форме приказов, положений или инструкций. Например, Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утвержденный приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220, содержит положения, на которых базируется методика выявления и расследования ограничения конкуренции при определении обстановки и обстоятельств совершения преступлений рассматриваемой категории, при формировании типовых следственных ситуаций на доследственном, первоначальном и последующем этапах.

Важными источниками, также отнесенными нами к категории правовых, являются облеченные в форму методических рекомендаций, информационных писем и разъяснений акты, содержащие официальное толкование законодательства Российской Федерации. Указанная практика установилась в связи иницируемыми ФАС России изменениями в УК РФ, федеральном законе «О защите конкуренции» и других законах Российской Федерации посредством так называемых антимонопольных пакетов. Например, в письме ФАС России от 27.12.2011 № ИА/48801 «О применении третьего пакета антимонопольного пакета» расшифровываются категории хозяйствующих субъектов, участвующих в ограничении конкуренции, виды антиконкурентных соглашений, подлежащих уголовному преследованию.

Мы солидарны с приведенным выше мнением Н. П. Яблокова относительно информационно-теоретических и методологических начал частной методики расследования. Правовые источники методик выявления и расследования ограничения конкуренции по своей природе не имеют целью помощь следователю в расследовании ограничения конкуренции, дачу рекомендаций по отдельным вопросам практики. Именно поэтому антимонопольное законодательство и акты ФАС России в большинстве своем носят информационно-теоретический характер.

Однако в этом ряду имеются исключения. В качестве примера приведем Методические рекомендации об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (ст. 178 УК РФ) (документ опубликован не был). Данный акт рассматривается как источник методологического характера в связи с освещением тактических аспектов допроса свидетелей, подозреваемых и обвиняемых; обыска и выемки в хозяйствующих субъектах; привлечения в качестве специалистов и свидетелей работников территориальных органов ФАС России в рамках уголовных дел об ограничении конкуренции.

К анализу антимонопольного законодательства и практики ФАС России обращались многие ученые, представляющие различные отрасли знаний. Основными направлениями их исследований являются правовое регулирование институтов конкуренции и монополии, меры по развитию и защите, характеристика широкого перечня преступлений, посягающих на конкуренцию.

Так, вопросы совершенствования государственной политики в рыночной сфере исследовала А. Н. Варламова, которая в одной из работ приводит доктринальное понятие конкуренции. По нашему мнению, близкой для криминалистики является позиция автора, определяющая конкуренцию в узком смысле как «процесс соперничества на рынке между хозяйствующими субъектами (группами лиц) за достижение преимуществ с целью получения наиболее выгодных условий сбыта товаров в пределах, установленных законом» [10, с. 13]. Данное определение возможно использовать в криминалистической характеристике наряду с легальным, изложенным в федеральном законе «О защите конкуренции».

Д. А. Плеханов приводит классификацию допустимых и недопустимых по антимонопольному законодательству соглашений [11, с. 106]. Данные положения возможно использовать в методике выявления и расследования ограничения конкуренции при разработке общих версий на последовательном и первоначальном этапах расследования.

Изменения уголовного законодательства в антимонопольной сфере на современном этапе анализировались О. Е. Деревягиной. Значимы для криминалистической характеристики ограничения конкуренции исследования автора, посвященные признакам картеля, его возможным последствиям, а также выводы об исключении из перечня субъектов ограничения конкуренции самозанятых лиц и отдельных категорий аудиторов и оценщиков [12, с. 7, 10].

А. Ю. Кинев и О. П. Франкевич на основе практики ФАС России проводят систематизацию картелей в сфере здравоохранения, комбинируя виды деятельности преступников и характер участия в них различных лиц. К деяниям, посягающим на конкуренцию, ученые относят: традиционный картель, картель и соглашение с заказчиком, координацию картеля, соглашение нескольких картелей, множественные картельные соглашения с элементами координации и сговора с заказчиком [13, с. 10–13]. А. В. Даниловская и А. П. Тенишев, рассматривая сговоры на торгах, фактически называют способы преступлений, совершаемых в данной области: картель, картели на торгах, сговоры на торгах, сговоры с организатором (заказчиком) торгов [14, с. 122]. В системе, разработанной учеными, используются криминалистически значимые признаки обстановки (торги) и механизма совершения (сговор), что позволяет применить ее в методике выявления и расследования ограничения конкуренции. Однако очевидна и неполнота авторского перечня, обусловленная распространением только на сферу торгов, которая является одной из подсистем в области товарных рынков.

Комплексные научные работы ученых-криминалистов, базирующиеся на изучении практики применения антимонопольного законодательства и ее использования в расследовании ограничения конкуренции, в настоящее время отсутствуют. Отдельные методические и тактические стороны совершения и расследования преступлений, ограничивающих конкуренцию, нашли отражение в трудах, разрабатывающих смежные частные методики расследования.

Например, в работе В. В. Крюкова в качестве причин и условий, способствующих совершению преступлений, отмечается «низкая эффективность контроля... создающая предпосылки к злоупотреблению должностными полномочиями, незаконному участию должностных лиц в предпринимательской деятельности» [15, с. 18–19]. Фактически раскрывая модели механизма коррупционных преступлений, Н. Н. Лашко в качестве преступных действий, совершаемых представителями органов государственной власти, называет помощь в реализации методов недобросовестной конкуренции [16, с. 55]. Е. Н. Земскова, анализируя деяния, совершаемые в сфере закупок товаров работ и услуг для государственных (муниципальных) нужд, выделяет две обобщенные группы преступлений, ограничивающих конкуренцию: сговор участников торгов с представителями заказчика и сговор участников торгов между собой о поведении и победителях на торгах [17, с. 101].

Изучая способы коррупционных преступлений в сфере экономики, М. Г. Муссов строит одну из классификаций на основе административных барьеров, устанавливаемых представителями органов государственной власти и местного самоуправления. По данному основанию исследователь выделяет три категории способов преступлений, по нашему мнению, относящихся к ограничению конкуренции: затрудняющие выход предприятия на рынок, затрудняющие выход товара на рынок и затрудняющие текущую деятельность предприятия [18, с. 113].

Таким образом, отметим, что антимонопольное законодательство и практика ФАС России используются учеными как информационно-теоретический источник в основном для разработки способов и моделей механизма совершения преступлений и являются основой для формирования «методологических начал» методики выявления и расследования ограничения конкуренции.

Рассматривая функционирование ФАС России как один из видов деятельности по выявлению и расследованию ограничения конкуренции, оговоримся, что значение имеет не сама практика как таковая, а результаты ее научной обработки с использованием соответствующего методического инструментария: систематизации, обобщения, анализа и др. Указанный аспект в отношении частных методик расследования неоднократно отмечался в работах ученых-криминалистов.

Опираясь на концепцию Н. П. Яблокова, практика ФАС России отнесена нами к информационно-теоретическим началам методики выявления и расследования ограничения конкуренции на основании следующих признаков:

- подлежит обработке с использованием понятийного аппарата и методологии криминалистики;
- содержит информацию о преступной деятельности, входящую в криминалистическую характеристику и модели механизма ограничения конкуренции;
- не применяется в чистом виде в процессе выявления и расследования ограничения конкуренции;
- приобретает криминалистическое значение после использования в следственной практике.

Однако вопрос о выделении практики ФАС России в качестве самостоятельного источника и базирования частных методик расследования только на практике следственных органов требует прояснения.

Р. С. Белкин, освещая вопросы становления частных криминалистических методик, в качестве их источников отмечал как следственную, так и оперативно-розыскную и экспертную практику [1, с. 709]. И. А. Возгрин, напротив, при выделении частных принципов криминалистических методик расследования преступлений указывал, что их практическая ценность основана на исследовании опыта работы следователей, содержанием которого являются как положительные достижения, так и ошибки, и недостатки [19, с. 272]. С. Н. Чурилов фундаментальным принципом называл обобщение криминальной и следственной практики, содержащей криминалистически значимую информацию, в том числе о деятельности по расследованию преступлений [20, с. 15].

Нам импонирует позиция Ю. П. Гармаева, который критически относится к использованию только «деятельности по расследованию преступлений» в основе частных методик расследования. Автор называет в качестве источника «неуголовную» практику специализированных органов, осуществляющих контроль за внешнеэкономической деятельностью [8, с. 35]. Аналогичную концепцию излагает Л. В. Бертовский, который в качестве «источников познавательно-значимой информации» на стадии возбуждения уголовного дела также называет материалы проверок, проведенных контролирующими органами [21, с. 33, 34].

Материалы уголовных дел указывают на активное привлечение и участие территориальных органов ФАС России на доследственном и первоначальном этапах. Источниками информации об ограничении конкуренции для правоохранительных органов нередко являются антимонопольные органы, до возбуждения уголовного дела ими проводятся административные, проверочные и иные процедуры, документы о которых приобщаются к материалам предварительной проверки.

В качестве примера приведем уголовное дело, возбужденное по материалам Управления ФАС России по Новосибирской области в отношении генеральных директоров ООО «Ф» и ООО «Т», которые вступили в картельный сговор на поддержание цен на торгах на поставку лекарственных средств, медицинских изделий, пищевых продуктов и оказание услуг по перевозке лекарственных средств для нужд ФГБУ «НМИЦ имени академика Е. Н. Мешалкина» и извлекли доход в сумме четырехсот двадцати шести миллионов двухсот семидесяти четырех тысяч пятисот шести рублей тридцати четырех копеек. В 2019 г. Главным следственным управлением ГУ МВД России по Новосибирской области данное уголовное дело направлено в суд по п. «в» ч. 2 ст. 178 УК РФ [22].

Переходя к особенностям практики ФАС России в отношении представителей учреждений уголовно-исполнительной системы, отметим следующие:

Значение для нашего исследования имеет только часть антимонопольной практики, используемая в

расследовании по уголовным делам об ограничении конкуренции.

Учреждения ФСИН России рассматриваются территориальными органами ФАС России в качестве хозяйствующего субъекта, на который в полном объеме распространяются требования антимонопольного законодательства.

Материалы проверок территориальных органов ФАС России, в которых фигурируют представители учреждений уголовно-исполнительной системы, содержат следы ограничения конкуренции, а также коррупционных, должностных и иных преступлений.

Для методик выявления и расследования ограничения конкуренции практика ФАС России, связанная с пенитенциарными учреждениями, является источником информации о способах ограничения конкуренции – картельных соглашениях на товарном рынке при заключении контрактов (договоров) с единственным поставщиком.

Иллюстрацией изложенных выводов является уголовное дело, направленное в суд следственным отделом по г. Волжский СУ СК России по Волгоградской области по п. «а» ч. 2 ст. 178, ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 293 и ч. 3 ст. 159 УК РФ в отношении начальника Управления капитального строительства администрации г. Волжский, директора ООО «К» и начальника ФКУ «Исправительная колония». Данные граждане вступили в картельный сговор на отмену результатов аукциона, проведенного в электронной форме, на строительство дошкольного образовательного учреждения, заключение контракта без проведения конкурентных процедур в качестве единственного подрядчика с ФКУ «Исправительная колония» и фактическое выполнение работ ООО «К». Реализация картельного соглашения повлекла извлечение учреждением уголовно-исполнительной системы дохода в сумме ста тридцати миллионов ста шестьдесят шесть тысяч четырехсот семидесяти пяти рублей. В действиях начальника ФКУ «Исправительная колония» следствием доказаны как соучастие в ограничении конкуренции, так и халатность [23].

Таким образом, практику ФАС России необходимо рассматривать в качестве отдельного источника методики выявления и расследования ограничения конкуренции. Считаем важным отметить, что изучению подлежит не весь спектр деятельности антимонопольных органов по защите конкуренции, а только та часть, которая связана с уголовным преследованием. Физическими носителями следов ограничения конкуренции в этом случае являются материалы проверок и дел о нарушении антимонопольного законодательства, индивидуальные правовые акты, аналитические обзоры о состоянии конкуренции, письма и иные документы, образующиеся в деятельности территориальных органов ФАС России и используемые в уголовных делах.

Заключение

Общие положения, изложенные Н. П. Яблоковым в отношении информационно-теоретического и методологического характера источников частных методик расследования, в полном объеме применимы к методике выявления и расследования ограничения

конкуренции. Промежуточные итоги исследования правовых источников, научных разработок и практики отражены в следующих выводах:

1. Антимонопольное законодательство, включая нормативные правовые акты ФАС России, является информационно-теоретическим правовым источником методики выявления и расследования ограничения конкуренции. Его положения используются:

- в криминалистической характеристике ограничения конкуренции;
- при формировании типичных версий;
- при анализе следственных ситуаций и планировании на различных этапах расследования.

2. Отдельные акты ФАС России, содержащие рекомендации по расследованию, официальное толкование законодательства Российской Федерации и другие аспекты, носят методологический характер.

3. Практика ФАС России, связанная с уголовным преследованием, наряду с практикой правоохранительных органов является самостоятельным информационно-теоретическим источником.

4. Антимонопольное законодательство и практика ФАС России в результате научной обработки позволяют сформировать методологические начала методики выявления и расследования ограничения конкуренции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. 990 с.
2. Криминалистика : учеб. / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 781 с.
3. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 45 с.
4. Веренич И. В., Кустов А. М., Прошин В. М. Криминалистическая наука и теория механизма преступления : моногр. / под науч. ред. А. М. Кустова. М., 2016. 672 с.
5. Шмонин А. В. Общие положения и методика расследования преступлений экономической направленности : учеб.-практ. пособие. М., 2011. 256 с.
6. Показатели преступности России. Таблица. 2016–2022 г. URL: http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 28.12.2025).
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. 944 с.
8. Гармаев Ю. П. Методика расследования преступлений: правоприменительная практика и комментарии законодательства. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 28.12.2025).
9. Шмонин А. В., Земскова Е. Н. Формирование криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : моногр. М., 2021. 684 с.
10. Варламова А. Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 46 с.
11. Плеханов Д. А. Защита конкуренции от антиконкурентных актов, действий и соглашений органов государственной власти и местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 215 с.
12. Деревягина О. Е. Преступное ограничение конкуренции: теоретические и прикладные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2021. 33 с.
13. Кинев А. Ю., Франскевич О. П. Классификация антиконкурентных соглашений при проведении торгов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 3. С. 8–15.
14. Даниловская А. В., Тенишев А. П. Об уголовной ответственности за сговоры на торгах // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1(98). С. 119–131.
15. Крюков В. В. Методика расследования должностных преступлений коррупционной направленности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 26 с.
16. Лашко Н. Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 212 с.
17. Земскова Е. Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 296 с.
18. Муссов М. Г. Расследование коррупционных преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 253 с.
19. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003. 582 с.
20. Чурилов С. Н. Методика расследования преступлений: общие положения. М., 2009. 232 с.
21. Бертовский Л. В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 56 с.
22. Приговор по уголовному делу № 1-15/2020 от 03.07.2020. URL: <https://oktiabrsky--nsk.sudrf.ru> (дата обращения: 28.12.2025).
23. Приговор по уголовному делу № 1-5/2024 от 16.09.2024. URL: <https://vol--vol.sudrf.ru> (дата обращения: 28.12.2025).

REFERENCES

1. *Kriminalistika: ucheb. dlya vuzov* [Criminalistics: textbook for universities]. Ed. by Belkin R.S. Moscow, 1999. 990 p.
2. *Kriminalistika: ucheb.* [Criminalistics: textbook]. Ed. by Yablokov N.P. Moscow, 2005. 781 p.
3. Bessonov A.A. *Chastnaya teoriya kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Private theory of forensic characteristics of crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 45 p.
4. Verenich I.V., Kustov A.M., Proshin V.M. *Kriminalisticheskaya nauka i teoriya mekhanizma prestupleniya: monogr.* [Criminalistic science and the theory of the mechanism of crime: monograph]. Ed. by Kustov A.M. Moscow, 2016. 672 p.

5. Shmonin A.V. *Obshchie polozheniya i metodika rassledovaniya prestuplenii ehkonomicheskoi napravlenosti: ucheb.-prakt. posobie* [General provisions and methods of investigation of crimes of economic orientation: textbook]. Moscow, 2011. 256 p.
6. Pokazateli prestupnosti Rossii. *Tablitsa. 2016–2022 g.* [Indicators of crime in Russia. Table. 2016–2022]. Available at: http://crimestat.ru/offenses_table (data obrashcheniya 28.12.2025).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkoviy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, 1999. 944 p.
8. Garmaev Yu.P. *Metodika rassledovaniya prestuplenii: pravoprimeritel'naya praktika i kommentarii zakonodatel'stva* [Methods of crime investigation: law enforcement practice and legislative comments]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (accessed December 28, 2025).
9. Shmonin A.V., Zemskova E.N. *Formirovanie kriminalisticheskikh znaniy o rassledovanii prestuplenii v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: monogr.* [The formation of criminalistic knowledge about the investigation of crimes in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs: monograph]. Moscow, 2021. 684 p.
10. Varlamova A.N. *Pravovoe sodeistvie razvitiyu konkurentsii na tovarnykh rynkakh: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal assistance to the development of competition in commodity markets: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2008. 46 p.
11. Plekhanov D.A. *Zashchita konkurentsii ot antikonkurentnykh aktov, deistvii i soglashenii organov gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Protection of competition from anticompetitive acts, actions and agreements of state authorities and local governments: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2018. 215 p.
12. Derevyagina O.E. *Prestupnoe ogranichenie konkurentsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal restriction of competition: theoretical and applied aspects: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Novosibirsk, 2021. 33 p.
13. Kinev A.Yu., Franskevich O.P. Classification of anticompetitive agreements during bidding. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Business and Corporate Law*, 2017, no. 3, pp. 8–15. (In Russ.).
14. Danilovskaya A.V., Tenishev A.P. Criminal responsibility for collusions at auctions. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 1(98), pp. 119–131. (In Russ.).
15. Kryukov V.V. *Metodika rassledovaniya dolzhnostnykh prestuplenii korruptsionnoi napravlenosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Methods of investigation of corruption-related official crimes: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Chelyabinsk, 2011. 26 p.
16. Lashko N.N. *Kriminalisticheskaya kharakteristika i pervonachal'nyi ehtap rassledovaniya vzyatochnichestva i korruptsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminalistic characteristics and the initial stage of investigation of bribery and corruption: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2001. 212 p.
17. Zemskova E.N. *Rassledovanie prestuplenii v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: dis. ... kand. yurid. nauk* [Investigation of crimes in the sphere of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2018. 296 p.
18. Mussov M.G. *Rassledovanie korruptsionnykh prestuplenii v sfere ehkonomiki: dis. ... kand. yurid. nauk* [Investigation of corruption crimes in the sphere of economics: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2011. 253 p.
19. Vozgrin I.A. *Vvedenie v kriminalistiku: istoriya, osnovy teorii, bibliografiya* [Introduction to criminalistics: history, fundamentals of theory, bibliography]. Saint Petersburg, 2003. 582 p.
20. Churilov S.N. *Metodika rassledovaniya prestuplenii: obshchie polozheniya* [Methods of crime investigation: general provisions]. Moscow, 2009. 232 p.
21. Bertovskii L.V. *Problemy teorii i praktiki vyyavleniya i rassledovaniya prestupnogo narusheniya pravil ehkonomicheskoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Problems of theory and practice of detection and investigation of criminal violations of the rules of economic activity: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2005. 56 p.
22. *Prigovor po ugolovnomu delu No. 1-15/2020 ot 03.07.2020* [Verdict in criminal case No. 1-15/2020 of July 3, 2020]. Available at: <https://oktiabrsky--nsk.sudrf.ru> (accessed December 28, 2025).
23. *Prigovor po ugolovnomu delu No. 1-5/2024 ot 16.09.2024* [Verdict in criminal case No. 1-5/2024 of September 16, 2024]. Available at: <https://vol--vol.sudrf.ru> (accessed December 28, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЕРЕМИН – начальник отдела Управления ГФС России по Приволжскому федеральному округу, Нижний Новгород, Россия, eaa01@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9823-9545>

ALEKSEI A. EREMIN – Head of the Department of the Directorate of the State Courier Service of Russia in the Volga Federal District, Nizhny Novgorod, Russia, eaa01@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9823-9545>

Статья поступила 05.12.2025

Научная статья

УДК 343.265

doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.009

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: современные проблемы правового регулирования и пути их решения

КАМО КАМОЕВИЧ ГАРИБЯН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Россия
kamo.garibyan@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7547-3641>

Реферат

Введение: статья посвящена всестороннему анализу института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания как ключевого инструмента индивидуализации уголовного наказания и достижения целей исправления, ресоциализации осужденных и профилактики рецидива. *Цель:* выявление проблем правового регулирования и правоприменения института условно-досрочного освобождения в условиях современной уголовной политики, а также обоснование предложений по его совершенствованию с учетом зарубежного опыта. *Методы:* формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический анализ; теоретические методы формальной и диалектической логики; метод толкования правовых норм. *Результаты:* на основании анализа динамики удовлетворения ходатайств об условно-досрочном освобождении за 2001–2024 гг., а также конкретных примеров из судебной практики фиксируется тенденция к ужесточению требований к осужденным при решении вопроса об условно-досрочном освобождении, учету критериев стабильности поведения, дисциплинарных взысканий и возмещения ущерба. Особое внимание уделено отсутствию единых и четко сформулированных критериев оценки степени исправления осужденного, а также «достаточности» частичного возмещения вреда, причиненного преступлением, для положительного решения рассматриваемого вопроса. *Выводы:* предлагается законодательное закрепление основных и дополнительных критериев с учетом положительного опыта применения в Китайской Народной Республике и Республике Корея балльной системы оценки поведения осужденных в период отбывания наказания. С учетом позитивного опыта применения института условно-досрочного освобождения в Республике Казахстан обсуждается вопрос о целесообразности дифференциации сроков повторного применения данной меры в отношении лиц, которым условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 79 УК РФ. Сделан вывод о необходимости системной реформы рассматриваемого института, направленной на повышение прозрачности и справедливости судебных решений, развитие стимулирующего потенциала наказания и усиление доверия к данному поощрительному институту у общества и потерпевших.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; критерии степени исправления; стимулирование правопослушного поведения; возмещение причиненного вреда; судебная практика применения условно-досрочного освобождения; основания применения условно-досрочного освобождения; индивидуализация наказания; достижение целей наказания.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гарибян К. К. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: современные проблемы правового регулирования и пути их решения // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 69–77. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.009.

Release on Parole: Current Problems of Legal Regulation and Solution Ways

KAMO K. GARIBYAN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russia
kamo.garibyan@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7547-3641>

Abstract

Introduction: the article is devoted to comprehensive analysis of the institution of parole as a key tool for individualizing criminal punishment and achieving goals of correction, rehabilitation of convicts and prevention of recidivism. *Purpose:* to identify problems of legal regulation and enforcement of the institution of parole in the context of modern criminal policy, as well as to substantiate proposals for its improvement, taking into account foreign experience. *Methods:* formal legal, comparative legal and statistical analysis; theoretical methods of formal and dialectical logic; method of interpretation of legal norms. *Results:* based on the analysis of the dynamics of satisfying applications for parole in 2001–2024, as well as specific examples from judicial practice, there is a tendency to tighten the requirements for convicts when deciding on parole, taking into account the criteria of stability of behavior, disciplinary penalties and compensation for damages. Particular attention is paid to a lack of uniform, clearly formulated criteria for assessing the degree of correction of a convicted person, as well as the “sufficiency” of partial compensation for damage caused by a crime for a positive solution to the issue under consideration. *Conclusion:* the legislative consolidation of the main and additional criteria is proposed, taking into account the positive experience of using the point system for assessing the behavior of convicts while serving their sentences in the People’s Republic of China and the Republic of Korea. Taking into account the positive experience of applying the institution of parole in the Republic of Kazakhstan, the author discusses an issue of the expediency of differentiating terms of repeated application of this measure in relation to persons whose parole has been canceled on the grounds provided for in Part 7 of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that a systemic reform of the institution in question is necessary, aimed at increasing the transparency and fairness of judicial decisions, developing the stimulating potential of punishment and strengthening trust in this incentive institution among society and victims.

Key words: release on parole; criteria for the degree of correction; promotion of law-abiding behavior; compensation for the harm caused; judicial practice of applying release on parole; grounds for applying release on parole; individualization of punishment; achievement of punishment goals.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Garibyan K.K. Release on parole: current problems of legal regulation and solution ways. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 69–77. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.009.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания представляет собой один из ключевых институтов в системе уголовно-исполнительного законодательства, играющих значительную роль в достижении целей наказания. Его применение направлено на обеспечение реального исправления осужденного и создание условий для успешной социальной адаптации после освобождения. В современной правоприменительной практике условно-досрочное освобождение рассматривается как наиболее эффективный механизм позитивного воздействия, способствующий формированию у осужденных устойчивой установки на правопослушное поведение и снижение риска рецидива.

Рассматриваемый институт предполагает возможность прекращения реального отбывания наказания до истечения назначенного срока при соблю-

дении предусмотренных законом условий. Правовые основания применения закреплены в ст. 79 УК РФ, где изложены как материальные, так и формальные критерии. Материальное основание выражается в признании судом того, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также полностью или частично возместил вред, причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. Формальным основанием является фактическое отбытие определенной части срока наказания, размер которой варьируется в зависимости от категории совершенного преступления: от одной трети до четырех пятых, но не менее шести месяцев, а в случае пожизненного лишения свободы – не менее 25 лет.

С течением времени институт условно-досрочного освобождения претерпел значительные изме-

нения, превратившись из общей правовой нормы в детализированный и гибко регулируемый механизм индивидуализации исполнения наказания. Эволюция ст. 79 УК РФ отразила стремление законодателя учитывать не только степень исправления и правоопослушное поведение осужденных, но и их потенциальную общественную опасность. Данный институт вы-

полняет важную роль в обеспечении баланса между принципами гуманизма и необходимостью защиты общества от повторной преступности.

Представляется целесообразным привести статистические данные динамики применения института условно-досрочного освобождения с 2001 по 2024 г. (табл. 1) [1].

Таблица 1

Динамика применения института условно-досрочного освобождения с 2001 по 2024 г.

Год	Количество поданных ходатайств об условно-досрочном освобождении	Количество удовлетворенных ходатайств об условно-досрочном освобождении	Доля удовлетворенных ходатайств об условно-досрочном освобождении
2001	138 320	131 484	95,1
2002	158 213	151 349	95,6
2003	166 645	154 693	92,8
2004	207 208	176 735	85,3
2005	173 144	133 420	77,1
2006	181 391	129 589	71,4
2007	194 176	132 880	68,4
2008	193 736	124 718	64,4
2009	205 473	121 616	59,2
2010	207 383	118 625	57,2
2011	190 822	107 543	56,4
2012	174 854	89 907	51,4
2013	142 128	65 237	45,9
2014	132 358	54 504	41,2
2015	117 197	46 331	39,5
2016	122 552	55 217	45,1
2017	112 581	53 804	47,8
2018	99 646	49 292	49,5
2019	92 545	45 387	49,0
2020	83 147	38 912	46,0
2021	69 302	29 759	42,0
2022	65 911	27 002	40,0
2023	51 279	20 703	40,0
2024	37 562	14 590	38,0

Анализ статистических данных демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению как общего числа ходатайств, так и доли удовлетворенных. Эта тенденция представляет собой не только количественное изменение, но и имеет существенное правовое значение, поскольку позволяет выявить особенности реализации правового института в современной правоприменительной практике, а также раскрывает характер оснований, лежащих в основе принятия решений об условно-досрочном освобождении.

Зафиксированное снижение обусловлено совокупностью объективных и субъективных факторов. К числу объективных следует отнести сокращение численности осужденных, общее снижение криминальной активности, а также совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Среди субъективных факторов выделяется изменение правоприменительных подходов самих судов, заключающееся в формализации требований к исправлению осужденных, акцентированном внимании к наличию дисциплинарных взысканий, а также в

усилении требований к полноте возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Кроме того, дополнительными причинами снижения числа удовлетворенных ходатайств является изменение порядка их подачи в соответствии с федеральным законом от 08.12.2003 № 161-ФЗ (ч. 1 ст. 175 УИК РФ), а также сохраняющийся высокий уровень рецидива среди условно-досрочно освобожденных, что оказывает непосредственное влияние на судебную практику и предопределяет более осторожный подход судов к применению условно-досрочного освобождения [2, с. 78].

Таким образом, выявленная статистическая динамика свидетельствует не только о количественных изменениях, но и о значительных качественных изменениях в подходах к реализации поощрительного института. Сокращение доли удовлетворенных ходатайств отражает общую тенденцию к ужесточению требований к доказательствам исправления осужденных. В сложившихся условиях объективно возрастает необходимость системного пересмотра кри-

териев и условий применения условно-досрочного освобождения для эффективного достижения целей наказания.

Анализ статистических данных о количестве лиц, ранее освобожденных условно-досрочно от отбы-

вания наказания, вновь привлеченных к уголовной ответственности в 2020 г. – 1 полугодие 2025 г., демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению как абсолютного числа таких лиц, так и их доли в общем объеме осужденных (табл. 2) [3].

Таблица 2

*Рецидивная преступность среди условно-досрочно освобожденных
(2020 г. – 1 полугодие 2025 г.)*

Год	Всего осуждено лиц	Из них	
		ранее были освобождены условно-досрочно от отбывания наказания	% от общего количества осужденных
2020	530 998	15 947	3
2021	565 317	15 064	2,7
2022	578 774	13 036	2,3
2023	555 742	11 013	2
2024	512 845	8 361	1,6
1 полугодие 2025	215 749	3 047	1,4

Следует отметить, что в соответствии со ст. 79 УК РФ, основополагающим критерием для применения условно-досрочного освобождения является вывод суда о том, что осужденный не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. Вместе с тем в правоприменительной практике сформировался устойчивый перечень фактических обстоятельств, которые используются судами для обоснования выводов об исправлении: отсутствие взысканий, наличие поощрений, участие осужденного в труде, обучение, полное или частичное возмещение ущерба, а также положительные характеристики от администрации исправительного учреждения. Однако анализ судебной практики последних лет показывает, что даже при наличии указанных положительных характеристик суды нередко отказывают в удовлетворении ходатайств, ссылаясь на «нестабильность» поведения либо на его «неустойчивый» характер, а порой и на «преждевременность» условно-досрочного освобождения.

Приведем пример из судебной практики. Так, судом при рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении были учтены положительные характеристики личности осужденного, в том числе наличие поощрений и фактическое отбытие более двух третей назначенного срока лишения свободы. Несмотря на это, в удовлетворении ходатайства было отказано на основании довода о преждевременности применения института условно-досрочного освобождения, мотивированного тем, что цели социальной справедливости не достигнуты, а также отсутствуют достаточные основания полагать, что осужденный не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. Однако при таком выводе суд не сослался на конкретные обстоятельства, свидетельствующие о неготовности лица к освобождению и наличии риска совершения повторного преступления, чем нарушил требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ, обязывающей мотивировать принимаемые решения. Впоследствии Пятый кассационный суд общей юрисдикции в своем постановлении от 19.08.2024 № 77-1092/2024 отменил судебные акты первой и апелляционной инстанций, указав на необо-

снованность отказа в применении условно-досрочного освобождения в отношении К., что подчеркивает необходимость соблюдения принципов законности, обоснованности и индивидуального подхода при принятии решений по вопросам условно-досрочного освобождения.

Примеры из судебной практики иллюстрируют сложность подходов к оценке степени исправления осужденного при рассмотрении ходатайств. Например, наличие у осужденного взыскания, погашенного в установленном порядке, само по себе не может свидетельствовать о необходимости его дальнейшего отбывания наказания. При решении вопроса о применении условно-досрочного освобождения требуется учитывать совокупность обстоятельств: тяжесть и характер нарушения, единичность или систематичность проступка, срок, прошедший с момента взыскания, поведение осужденного за весь период отбывания наказания.

Так, при рассмотрении ходатайства Н. об условно-досрочном освобождении суд отказал в удовлетворении, сославшись на заключение психолога о «низкой вероятности рецидива», что было истолковано как проявление «некоторой поведенческой нестабильности», а также на факт ранее наложенного взыскания в виде выговора. При этом судом не были учтены положительные характеристики осужденного, подтвержденные 13 поощрениями за добросовестное отношение к труду и активное участие в общественной жизни исправительного учреждения. Также не были приведены данные, объективно свидетельствующие о его негативных качествах или отсутствии признаков ресоциализации. Несмотря на положительную характеристику Н. и отсутствие конкретных доказательств его общественной опасности, суд пришел к необоснованному выводу о недостаточной степени исправления. Кассационный суд общей юрисдикции определением от 19.08.2021 № 77-3061/2021 отменил решения нижестоящих судов, указав на неполноту оценки обстоятельств, значимых для рассмотрения ходатайства. Ситуация подтверждает необходимость

обеспечения единообразия судебной практики и выработки четких критериев для оценки исправления осужденных при применении условно-досрочного освобождения.

В условиях современного развития уголовно-исполнительной системы заслуживает особого внимания практика внедрения балльной системы оценки поведения осужденных, реализованная в Китайской Народной Республике, а также в Республике Корея. Данная система функционирует как инструмент обеспечения прозрачности и объективности в принятии решений об условно-досрочном освобождении [4, с. 526]. Она предполагает всесторонний анализ поведения осужденных, охватывающий как положительные проявления (участие в трудовой и образовательной деятельности, соблюдение режима), так и негативные (дисциплинарные проступки), создавая сбалансированную модель учета допущенных нарушений, а также поощрений и взысканий.

Следует отметить, что поправки № 8 к Уголовному кодексу КНР от 25.02.2011 значительно расширили правовое содержание института условно-досрочного освобождения, установив необходимость учитывать потенциальное влияние условно-досрочно освобожденного на общество, а также предусмотрели усиление мер общественного надзора как элемента постпенитенциарного контроля [5, с. 135]. В этом контексте особое внимание китайское уголовное законодательство уделяет предупреждению рецидива: например, возможность применения условно-досрочного освобождения исключена в отношении рецидивистов, лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, виновных в тяжких насильственных преступлениях с гибелью потерпевших, а также в случае отсутствия возмещения ущерба, причиненного преступлением.

С 1 октября 2021 г. в КНР введена новая балльная модель, регламентированная Положением о тюремной системе оценки осужденных [6]. Это нормативное положение закрепляет систему комплексной оценки поведения в период отбывания наказания, основанную на совокупности как юридических, так и морально-нравственных критериев. В их числе – соблюдение внутреннего режима, дисциплины, подчинение требованиям администрации, участие в реабилитационных программах, выражение раскаяния и готовности к исправлению. Значимым элементом системы остается трудовая деятельность: при этом учитываются как объемы и качество труда, так и степень вовлеченности осужденного в производственный процесс, освоение профессиональных навыков и соблюдение норм трудовой дисциплины.

Помимо этого, балльная система охватывает широкий круг дополнительных аспектов, включая активную гражданскую позицию (предотвращение преступлений, сотрудничество с администрацией), участие в культурно-просветительских, спортивных и воспитательных мероприятиях, проявление уважения к сообществу и семье, соблюдение санитарно-гигиенических норм и даже инициативу в сфере технологических разработок. Таким образом, формируется не просто оценка правомерного поведения,

а целостный портрет личности, ориентированной на соблюдение общественных ценностей, дисциплины и социальной полезности.

Существующая в Российской Федерации практика применения института условно-досрочного освобождения в деятельности судов и администраций исправительных учреждений сталкивается с рядом проблем методологического и правоприменительного характера. Одна из ключевых трудностей заключается в отсутствии нормативно закрепленных, четко структурированных и универсальных критериев, на основании которых можно объективно установить, что осужденный достиг степени исправления, позволяющей ему не отбывать наказание в полном объеме. Такое положение дел создает значительную вариативность в судебной практике, снижает прозрачность и предсказуемость решений, а также ослабляет стимулирующий потенциал института условно-досрочного освобождения.

В этой связи заслуживает внимания позитивный опыт Китайской Народной Республики, где применяется комплексная балльная система оценки поведения осужденных, основанная на совокупности определенных критериев. Учитывая этот подход, целесообразно нормативно закрепить в российском уголовно-исполнительном законодательстве перечень критериев, обязательных для оценки степени исправления лица, претендующего на условно-досрочное освобождение. Предлагается дифференцировать данные основания на две группы: основные и дополнительные критерии.

К числу основных критериев, подлежащих учету, относятся:

- соблюдение осужденным установленного режима и порядка отбывания наказания, в том числе отсутствие нарушений дисциплины;
- полное либо частичное возмещение причиненного преступлением вреда, что свидетельствует о признании ответственности за совершенное деяние и стремлении к восстановлению социальной справедливости;

Дополнительные критерии могут включать:

- позитивную динамику в отношении осужденного к ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации: активное участие в трудовой и учебной деятельности, восстановление или поддержание социально значимых связей, вовлеченность в воспитательные мероприятия и иные формы конструктивного поведения;
- выраженное раскаяние в содеянном, признание вины и принятие справедливости назначенного судом наказания;
- отношение осужденного к психофизической коррективке своей личности (прохождение психологического тестирования);
- отношение к лечению осужденных, страдающих социально опасными заболеваниями (венерические заболевания, туберкулез, наркомания, алкоголизм и т. п.), расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости;
- сообщение, пресечение или разоблачение незаконных (преступных) действий других лиц либо

иная помощь в раскрытии побегов и иных преступлений.

Вышеуказанные критерии рационально закрепить в УИК РФ, дополнив ст. 9 ч. 2.1 «Критерии оценки степени исправления осужденного».

На основании вышеизложенного, а также с учетом зарубежного опыта применения института условно-досрочного освобождения, принимая во внимание проблемы, возникающие у правоприменителя при решении данного вопроса, конкретизация и расширение критериев материального основания условно-досрочного освобождения позволят повысить обоснованность принимаемых решений, обеспечат их справедливость и будут способствовать эффективному функционированию рассматриваемого института как элемента индивидуализации наказания и средства ресоциализации осужденных.

В мае 2014 г. в ч. 1 ст. 79 УК РФ было введено требование полного или частичного возмещения ущерба при условно-досрочном освобождении. Е. Н. Карабанова справедливо отмечает, что это нововведение направлено на восстановление социальной справедливости и смягчение последствий преступления для потерпевшего, включая снижение моральных страданий [6, с. 92]. Ранее это условие было лишь рекомендательной нормой и не имело обязательного характера. Законодательное закрепление возмещения ущерба придало норме обязательный, императивный статус, исключив возможность произвольного толкования со стороны судов и иных органов. В противном случае законодательная цель обеспечения приоритета интересов потерпевшего над интересами осужденного при применении условно-досрочного освобождения утратит реальное содержание и будет сведена к формальности [7, с. 132].

Поддерживая мнение А. И. Дроздова и А. В. Орлова о важности закрепления данного условия как эффективного стимула к возмещению вреда, необходимо отметить, что правоприменительная практика все еще сталкивается с рядом нерешенных вопросов. Во-первых, отсутствует четкий критерий достаточности частичного возмещения ущерба, во-вторых неясно, с какого момента осужденный может обращаться с ходатайством об условно-досрочном освобождении при частичном возмещении. Также вызывает беспокойство возможность субъективного отказа суда, особенно при негативном отношении потерпевшего к досрочному освобождению осужденного [8, с. 143].

Согласно п. 1 и 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» при рассмотрении ходатайства об УДО суд должен применять индивидуальный подход и учитывать объективные обстоятельства, подтверждающие стремление возместить вред. При этом даже частичное погашение ущерба по объективным причинам не должно автоматически препятствовать применению условно-досрочного освобождения.

Анализ приведенных положений позволяет сделать вывод о сохраняющейся как на уровне зако-

нодательного регулирования, так и в правоприменительной практике неопределенности в вопросах установления критериев достаточности частичного возмещения ущерба, причиненного преступлением, а также оценки мер, предпринимаемых осужденным для его компенсации. Характерным примером указанной проблемы является ситуация, при которой, сославшись на незначительный объем возмещения причиненного вреда, суд первой инстанции не дал надлежащей правовой оценки факту завершения исполнительного производства судебным приставом-исполнителем и возврата исполнительного листа взыскателю. При этом в судебном решении отсутствовали мотивированные выводы о том, каким образом данные обстоятельства могли бы препятствовать применению условно-досрочного освобождения. При этом следует подчеркнуть, что ни мнение прокурора, ни позиция потерпевшего сами по себе не могут квалифицироваться в качестве самостоятельных оснований для отказа в предоставлении осужденному права на условно-досрочное освобождение. Данный вывод подтверждается и позицией Третьего кассационного суда общей юрисдикции, изложенной в постановлении от 25.05.2021 по делу № 77-10891/2021, которым были отменены соответствующие судебные акты первой и апелляционной инстанций. В постановлении кассационной инстанции справедливо отмечено, что при рассмотрении ходатайства осужденного П. судом фактически не была дана надлежащая оценка представленным доводам о состоянии здоровья, признании вины, намерении продолжать погашение морального вреда в случае освобождения. Кроме того, суд не обосновал, по каким причинам эти обстоятельства в совокупности с другими положительными характеристиками личности осужденного не могли быть признаны достаточными для принятия решения о применении условно-досрочного освобождения.

Показательным является и другой пример из судебной практики. Отказывая в удовлетворении ходатайства осужденного Б. об условно-досрочном освобождении, суд сослался на частичное возмещение причиненного преступлением вреда, оставив без должного внимания обстоятельства, подтверждающие принятие осужденным мер, направленных на выплату ущерба потерпевшим. Между тем в силу абз. 2 п. 7 Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8, если в ходе судебного разбирательства установлено, что осужденный предпринимал усилия по возмещению ущерба, однако по объективным причинам вред был компенсирован лишь частично, данное обстоятельство не может служить самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении ходатайства о применении условно-досрочного освобождения или замене наказания более мягким. Вместе с тем суд первой инстанции не только проигнорировал эти разъяснения, но и не привел в постановлении мотивированных выводов о причинах признания указанных обстоятельств недостаточными. Впоследствии данные судебные акты были отменены постановлением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от

03.08.2023 № 77-3282/2021, в котором прямо указано на отсутствие у суда первой инстанции обоснованных суждений относительно мер, предпринятых осужденным Б., а также убедительных аргументов, объясняющих, почему эти обстоятельства не могли быть учтены в пользу применения условно-досрочного освобождения.

Следует обратить особое внимание на одно из ключевых обстоятельств, непосредственно связанных с вопросом возмещения вреда как элемента оценки обоснованности применения условно-досрочного освобождения. Принципиально важно учитывать, что возмещение должно быть прямо сопряжено с тем ущербом, который был причинен потерпевшему в результате совершенного преступления. Наличие у осужденного иных долговых обязательств, не связанных с преступлением, не может расцениваться в качестве доказательства его уклонения от выполнения обязательств перед потерпевшим.

Данный подход наглядно подтверждается конкретным примером из судебной практики. Так, основанием для отмены судебных актов первой и апелляционной инстанций послужил в числе прочего вывод о наличии у осужденного, признанного виновным в убийстве, исполнительных производств, возбужденных в связи с неисполнением алиментных обязательств. Однако кассационная инстанция обоснованно указала на то, что невыплата алиментов не может рассматриваться как фактор, свидетельствующий о неисполнении обязательств по возмещению вреда, причиненного именно преступлением, за которое лицо отбывало наказание. В связи с этим Первый кассационный суд общей юрисдикции постановлением от 02.03.2023 № 77-951/2023 отменил ранее вынесенные судебные акты и направил дело на новое рассмотрение.

Вышеуказанный правовой пробел обуславливает сохранение в научной литературе дискуссионности относительно критериев оценки достаточности частичного возмещения вреда, причиненного преступлением, для целей условно-досрочного освобождения. Особенно острая проблема неопределенности проявляется в делах о преступлениях экономической направленности, где причиненный материальный ущерб зачастую многократно превышает аналогичные показатели по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях против личности, включая преступления террористического характера.

Таким образом, анализ действующей судебной практики и законодательства позволяет выявить существенную проблему, связанную с отсутствием четких критериев оценки достаточности частичного возмещения вреда, причиненного преступлением, при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении. В настоящий момент нормы ст. 79 УК РФ устанавливают лишь общее требование о полном или частичном возмещении ущерба, оставляя оценку достаточности указанного условия на усмотрение суда. Вместе с тем как в правоприменительной практике, так и в научной литературе неоднократно отмечалась неоднородность подходов судов по данному вопросу.

Для преодоления указанной неопределенности целесообразно внести изменения в Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8 от 21.04.2009, направленные на формирование единообразной практики, дополнив п. 7 положением следующего содержания: «При решении вопроса о применении условно-досрочного освобождения суду необходимо исходить из совокупности обстоятельств, подтверждающих стремление осужденного к возмещению вреда, причиненного преступлением. При этом достаточность частичного возмещения вреда определяется с учетом следующих критериев:

- соотношение суммы фактически возмещенного ущерба с общей суммой ущерба, установленной судебным решением;
- объективные причины невозможности полного возмещения вреда на момент рассмотрения ходатайства (например, тяжелое материальное положение, инвалидность, отсутствие трудоспособности);
- наличие либо отсутствие действий, свидетельствующих о намерении осужденного уклониться от исполнения обязанности по возмещению вреда;
- регулярность и систематичность платежей, а также добровольность предложенных осужденным мер по возмещению ущерба (например, заключение соглашения с потерпевшим о графике погашения);
- наличие официальных данных о закрытии исполнительного производства по причинам, не зависящим от осужденного.

Неполное возмещение вреда, обусловленное объективными причинами, при наличии подтвержденных сведений о принятии осужденным разумных мер к исполнению обязанности по возмещению ущерба, само по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении.».

Введение такого разъяснения будет способствовать достижению одних из целей института условно-досрочного освобождения – стимулированию осужденных к активному участию в возмещении вреда потерпевшему и в целом достижению целей наказания. Кроме того, закрепление указанных критериев в Постановлении пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 позволит снизить вероятность произвольного отказа в удовлетворении ходатайств на основании субъективной оценки судами достаточности частичного возмещения вреда.

Таким образом, формулирование и закрепление единых подходов при оценке исполнения осужденным обязанности по возмещению ущерба повысит качество и предсказуемость судебных решений, будет способствовать реализации принципов справедливости, гуманизма и индивидуализации уголовного наказания.

В целях дальнейшего совершенствования механизма применения условно-досрочного освобождения особого внимания заслуживает проблема установления сроков повторного применения данного института в отношении осужденных, у которых ранее данная мера была отменена в период оставшейся неотбытой части наказания по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 79 УК РФ. Так, согласно п. «в» ч. 3

ст. 79 УК РФ условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным: не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также двух третей срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным ч. 7 настоящей статьи.

Однако действующая редакция ст. 79 УК РФ не содержит необходимой степени дифференциации при установлении сроков повторного применения в зависимости от характера и тяжести нарушения, повлекшего отмену условно-досрочного освобождения. Такое нормативное регулирование снижает эффективность реализации принципа индивидуализации наказания и препятствует реализации стимулирующей функции рассматриваемого института.

Значительный интерес при изучении данного вопроса представляет опыт Республики Казахстан, где предусмотрен дифференцированный порядок повторного применения условно-досрочного освобождения в зависимости от конкретных оснований его отмены. Так, согласно подп. 3, 4 ч. 3 ст. 72 Уголовного кодекса Республики Казахстан [9] повторное условно-досрочное освобождение может быть применено лишь после фактического отбытия не менее двух третей или трех четвертей назначенного срока наказания, при этом конкретный объем отбытого наказания напрямую зависит от оснований отмены предыдущего. Данная модель демонстрирует высокую степень логической последовательности и правовой определенности, отражая разумное соотношение между степенью общественной опасности поведения осужденного и применением мер уголовно-правового характера.

С учетом позитивного опыта Республики Казахстан, а также необходимости реализации принципов индивидуализации наказания, стимулирования пра-

вопослушного поведения и в целом предупреждения совершения новых преступлений представляется обоснованным внести аналогичные изменения и в российское уголовное законодательство. Предлагаемая корректировка ч. 3 ст. 79 УК РФ заключается в следующем: в п. «в» ч. 3 ст. 79 целесообразно заменить слова «предусмотренным частью седьмой настоящей статьи» на «предусмотренным пунктами “а”, “б” части седьмой настоящей статьи», тем самым конкретизируя основания применения повышенного минимального срока отбытия наказания. В свою очередь, пункт «г» указанной части следует дополнить словами «, а также лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным пунктом “в” части седьмой настоящей статьи» [10, с. 95].

Реализация данного подхода позволит устранить существующие пробелы правового регулирования, повысить предсказуемость и обоснованность принимаемых судебных решений, а также будет способствовать достижению целей наказания, в первую очередь исправлению осужденного и профилактике повторных преступлений. Более глубокая правовая дифференциация сроков применения условно-досрочного освобождения в зависимости от оснований его отмены обеспечит надлежащий баланс между защитой интересов общества и реализацией гуманистических начал уголовного закона.

Таким образом, действующая система оснований для применения условно-досрочного освобождения требует теоретической и нормативной доработки с учетом положительного зарубежного опыта, направленной на повышение степени индивидуализации уголовного наказания, обеспечение его справедливости и достижение основных целей – исправления осужденного, предупреждения повторности и восстановления социальной справедливости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 10.06.2025).
2. Селиверстов В. И., Грушин Ф. В., Лядов Э. В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика в отношении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 76–84.
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 – 1 полугодие 2025 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 19.01.2026).
4. Мяханова А. Н. К вопросу о критериях условно-досрочного освобождения: анализ балльной системы оценки исправления осужденных в Китае // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17, № 4. С. 521–528.
5. Лун Чанхай, Коробеев А. И., Чучаев А. И. Уголовный кодекс КНР: совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 3 (136). С. 128–142.
6. Карабанова Е. Н., Парфенова М. В. Право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 2 (40). С. 87–92.
7. Сморгачев А. И., Симагина Н. А. Возмещение вреда, причиненного преступлением, при условно-досрочном освобождении и интересы потерпевшего // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4 (49). С. 131–134.
8. Проценко Н. Ю. Проблемные вопросы применения условно-досрочного освобождения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 2 (63). С. 142–146.
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=1395;-58#pos=1395;-58 (дата обращения: 01.07.2025).

10. Гарибян К. К. Пути совершенствования формального основания условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15 ноября 2023 г.). М., 2024. С. 93–96.

REFERENCES

1. *Sudebnaya statistika Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF* [Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/15/s/13> (accessed June 10, 2025).
2. Seliverstov V. I., Grushin F.V., Lyadov E.V. The criminal law and penal policy in relation to parole. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2021, no. 469, pp. 76–84. (In Russ.).
3. Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for 2020 – 1st half of 2025. *Ofitsial'nyi sait Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF* [Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <https://cdep.ru/?id=79> (accessed January 19, 2026).
4. Myakhanova A.N. On the issue of criteria for parole: analysis of the point system for assessing the correction of convicts in China. *Ugolovno – ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 521–528. (In Russ.).
5. LONG Chang Hai, Korobeev A.I., Chuchaev A.I. The Criminal Code of the People's Republic of China: the improvement in the process of implementation (to the 20th anniversary of its adoption). *Lex Russica = Russian Law*, 2018, no. 3 (136), pp. 128–142. (In Russ.).
6. Karabanova E.N., Parfenova M.V. The right of victim to compensation of the harm caused by crime. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2014, no. 2(40), pp. 87–92. (In Russ.).
7. Smorchkov A.I., Simagina N.A. Compensation for damage caused by the crime under release of parole and the interests of the victim. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2018, no. 4 (49), pp. 131–134. (In Russ.).
8. Protsenko N.Yu. Problematic issues of the application of conditional early release. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, 2024, no. 2 (63), pp. 142–146. (In Russ.).
9. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 3 iyulya 2014 goda* [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan of July 3, 2014]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=1395;-58#pos=1395;-58 (accessed July 1, 2025).
10. Garibyan K.K. Ways to improve the formal grounds for parole from serving a sentence. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya ugovolnogo zakona: sbornik materialov XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, 15 noyabrya 2023 g.* [Actual problems of theory and practice of criminal law application: collection of materials of the XI International scientific and practical conference, Moscow, November 15, 2023]. Moscow, 2024. Pp. 93–96. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КАМО КАМОЕВИЧ ГАРИБЯН – научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, лицо, прикрепленное к Российскому государственному университету правосудия имени В. М. Лебедева для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Москва, Россия, kamo.garibyan@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7547-3641>

КАМО К. GHARIBYAN – Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Degree Seeking Applicant at the Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russia, kamo.garibyan@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7547-3641>

Статья поступила 27.08.2025

Защита от насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Дело частное или публичное?
Статья 1. Криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и административно-правовой аспекты единой социально-культурной проблемы насилия в семье, быту, трудовом, воинском коллективе

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

nikita_kolokolov@mail.ru

Реферат

Введение: вопрос о границах публичного вмешательства в частные конфликты, особенно на фоне декриминализации побоев и развития института административной преюдиции, является дискуссионным. Автор поднимает важные проблемы правовой квалификации, судебной практики и социальных установок. *Цель:* получение нового знания о социально-правовом феномене – насилии, не опасном для жизни и здоровья потерпевшего, в семье, быту, трудовом, воинском коллективе, уточнение понятийно-категориального аппарата. Сложный характер цели предполагает необходимость постановки комплекса *задач*, в иерархии которых важнейшими являются вопросы: 1) все ли разновидности анализируемого насилия – преступление? 2) борьба с данным насилием – дело частное или публичное? В рамках углубленного познания социально-правовой действительности изучаются: 1) криминологический, 2) уголовно-правовой, 3) уголовно-процессуальный, 4) административно-правовой; 5) социально-культурный, 6) философский и иные аспекты насилия. *Основные методы* исследования: исторический, сравнительно-правовой, статистический, эмпирический, включающий получение верифицированной информации методом включенного наблюдения автора. *Выводы:* во-первых, изучаемые проблемы насилия как в психологии, так и в юридической науке исследованы поверхностно, фрагментарно; во-вторых, и криминология, и законодатель не спешат с честным и однозначным ответом на вопрос: побои – это преступление или нет? В-третьих, общество не желает мириться с запретом на физическое принуждение предикатного насильника к миру. Автором предпринята попытка систематизации сложной и противоречивой практики, предлагается оригинальный междисциплинарный взгляд на проблему через призму философии, психологии и культурологии. Сформулированные выводы носят проблемный характер и стимулируют дальнейшую научную дискуссию.

Ключевые слова: дела частного обвинения; ст. 115, 116, 116.1 УК РФ; ст. 6.1.1 КоАП РФ; предикатный потерпевший; предикатный насильник; системное толкование УК РФ и КоАП РФ; постулаты морально-нравственного характера.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Колоколов Н. А. Защита от насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Дело частное или публичное? Статья 1. Криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и административно-правовой аспекты единой социально-культурной проблемы насилия в семье, быту, трудовом, воинском коллективе // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 78–90. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.010.

Protection from Violence not Dangerous to the Life and Health of a Victim. Is the Case Private or Public? Article 1. Criminological, Criminal Law, Criminal Procedure, and Administrative Aspects of the Unified Socio-Cultural Problem of Violence in the Family, Household, Labor, and Military Community

NIKITA A. KOLOKOLOV

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract

Introduction: the issue of the limits of public intervention in private conflicts, especially against the background of decriminalization of beatings and development of the institution of administrative prejudice, is debatable. The author raises important issues of legal qualification, judicial practice and social attitudes. The *purpose* of the study is to determine a socio-legal phenomenon of violence that is not dangerous to the life and health of the victim in the family, household, labor, and military collective, clarifying the conceptual and categorical apparatus. In the framework of a complex purpose of the study, it is required to determine whether all the types of violence are a crime and whether the fight against this violence is a private or public matter? As part of in-depth cognition of socio-legal reality, criminological, criminal law, criminal procedure, administrative law, socio-cultural, philosophical and other aspects of violence are considered. *Methods:* historical, comparative-legal, statistical, empirical, and included observation. *Conclusions:* first, the problems of violence studied in both psychology and law are studied superficially, fragmentally; second, both criminology and the legislator do not clarify, whether beating is a crime or not? Third, the society does not want to put up with a ban on the physical coercion of a predicate rapist to peace. The author attempts to systematize a complex and controversial practice and offers an original interdisciplinary view of the problem through the prism of philosophy, psychology, and cultural studies. The formulated conclusions are problematic and stimulate further scientific discussion.

Keywords: private prosecution cases; articles 115, 116, 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; Article 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation; predicate victim; predicate rapist; systemic interpretation of the Criminal Code of the Russian Federation and the Administrative Code of the Russian Federation; moral and moral postulates.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Kolokolov N.A. Protection from violence not dangerous to the life and health of a victim. Is the case private or public? Article 1. Criminological, criminal law, criminal procedure, and administrative aspects of the unified socio-cultural problem of violence in the family, household, labor, and military community. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 78–90. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.010.

Введение

Вниманию читателей предлагается серия статей, посвященных анализу проблем, возникновение которых обусловлено проявлением не опасного для жизни и здоровья потерпевшего насилия в семье, быту, трудовых и воинских коллективах. Вышеперечисленные виды насилия нами квалифицируются как социально-правовой феномен. Последовательно будут подвергнуты анализу криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, административно-правовой, социально-культурный, философский и иные аспекты проблемы. Отдельно автор планирует остановиться на таком негативном

явлении, как «казарменное хулиганство» (ст. 335 УК РФ) или неуставные отношения, которые в одной из статей будет проанализированы через призму конкретных судебных решений. В завершение в деталях будет рассмотрена рядовая обоюдная «драка» в женском коллективе, печальные последствия поспешного взаимного обвинения, негативные социальные и уголовно-правовые результаты конфликта.

Особое значение автором уделяется социально-правовым последствиям медиального поворота (фазового перехода) в определении значимости такого деяния, как побои, который в рамках общей декриминализации был осуществлен законодателем 3 июня 2016 г.

В рамках российской действительности анализируемое насилие воспринимается как единое целое, в то время как в большинстве стран общий объем насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевших, принято делить по гендерному (половому) или возрастному признакам.

Эмпирической базой исследования является личный опыт автора (включенное наблюдение), приобретенный, во-первых, за годы службы в системе МВД МССР (Кишинев, 1983–1991 гг.), в рамках исследования пусть и по правилам публичного обвинения «малозначительных» уголовных дел (здесь и далее употребим современную российскую классификацию) о причинении легкого вреда здоровью и побоях (в том числе и по обвинению в истязании), возбужденных по результатам как чисто семейных, так и разнообразных бытовых и производственных конфликтов.

Аналогичный опыт нами также был получен в рамках рассмотрения по существу преимущественно дел частного обвинения (в основном по ст. 112 УК РСФСР) в 1983–1991 гг. в период службы судьей в Промышленном районном суде г. Курска.

В последующие годы во время работы в Курском областном суде (1997–2002 гг.), Верховном Суде Российской Федерации (2002–2007 гг.), а также в рамках интенсивной научной деятельности автором непрерывно осуществлялся мониторинг текущего этапа эволюции института дел частного обвинения о причинении легкого вреда здоровью, побоях и истязании.

Некоторые результаты наших научных исследований по темам семейного насилия, насилия в учебных, производственных и воинских коллективах, stalking, буллинга, дел частного обвинения были замечены. В частности, в 2018 г. автор был специально приглашен в качестве ведущего эксперта для участия в расширенном научно-практическом семинаре по теме «Домашнее насилие» в ГУВД Ростовской области. По результатам данного мероприятия опубликована научно-популярная статья «От ревности до stalking» [1].

В 2000–2025 гг. автор неоднократно приглашался в качестве официального оппонента на защиту диссертаций по общей теме «Дела частного обвинения». Некоторые из наших отзывов опубликованы в форме научных статей [2]. Особо следует подчеркнуть, что данные диссертационные исследования фактически осуществлялись сразу по трем научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-правовые исторические науки; 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки и 5.1.4 – Уголовно-правовые науки. Сказанное в очередной раз свидетельствует о многоаспектности и значимости освещаемой темы.

Тогда же нами в двух частях была опубликована статья «Дела частного обвинения: вечное или уходящее?» [3; 4].

Насилие (причинение легкого вреда здоровью, побои) в воинских коллективах принято именовать «казарменным хулиганством» [5; 6]. Отдельные спорные вопросы по данной тематике нами были уже раскрыты в серии статей, опубликованных в 2024 г. в «Военно-юридическом журнале» [7–9]. Некоторые аспекты, свойственное «казарменному хулиганству», методом

включенного наблюдения автором изучены в период срочной службы в Советской Армии (1975–1977 гг.), а также при прохождении воинских сборов офицеров запаса.

Многие уникальные аспекты, свойственные домашнему, бытовому насилию, реакции на него общества и государства автору удалось познать в 2000 г. во время служебной командировки в Канаду (провинция Альберта). Помимо всего прочего, нами было изучено как само по себе домашнее, бытовое насилие (феномен в самом широком понимании этих терминов, без преувеличения, интернационального уровня), так и методы по его пресечению (точнее, минимизации), используемые, в первую очередь гражданским обществом, а также отдельными правоохранительными структурами (полиция, прокуратура). Особое внимание было уделено работе провинциального суда в г. Калгари и его функционированию в пунктах временной деятельности, включая резервации индейцев. Примечательно, что в Канаде до сих пор свято следуют заветам И. Бентама (1748–1832), согласно которым судебная деятельность должна быть организована таким образом, чтобы участники процесса на разрешение спора не тратили бы более одного светового дня [10]. Скажем больше, если люди (например, жертва и насильник), чтобы урегулировать конфликт из-за удаленности судебных объектов физически не могут прийти в суд, то суд (государственное учреждение) по графику сам приезжает к ним, даже если это резервация индейцев.

Особый интерес для нас представляет практика применения в Канаде института «judicial separation», в рамках которого жертвы насилия (как правило, женщина и ее дети) максимально оперативно физически изымаются из зоны конфликта с обязательным перемещением потерпевших в новую комфортную среду.

Анализируемая нами форма насилия, как правило, является разновидностью абьюзивных отношений, в рамках которых партнер (насильник), проявляя жестокость, не только нарушает личностные границы другого человека, но и с целью подавления воли жертвы причиняет ей легкий вред здоровью, наносит побои.

Примечателен и тот факт, что по целому ряду причин жертва таких отношений не в состоянии их прервать. В отношениях между жертвой (потерпевшим, ст. 42 УК РФ) и насильником (подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным, ст. 46–47 УК РФ) присутствуют не только рациональные, но и иррациональные. Иногда справедливо возникает вопрос: какое поведение в рамках абьюзивных отношений первично, а какое вторично [11]?

Наконец, об особой значимости анализируемых проблем свидетельствует также и тот факт, что 3 марта 2026 г. юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова провел III Всероссийскую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы российского уголовного процесса» по теме «Проблемы и перспективы уголовного преследования в порядке частного обвинения». Анализ результатов конференции нами будет осуществлен по мере их издания.

Поводом для текущей серии публикаций послужило изучение поучительного во всех отношениях стремительного развития уголовно-процессуальных отношений, обусловленных рядовой производственной ссорой двух женщин, которая вскоре, в силу целого комплекса обстоятельств, мгновенно переросла в обоюдную драку.

1. Обвинение частное и публичное

Наши вводные рассуждения продолжим тезисом о том, что все без исключения дела обвинения публичного родом из дел обвинения частного. Развитие общества шло по пути постепенного встраивания в частные отношения между людьми такой абстракции, как государство.

Как известно, Людовик XIV (1638–1715) любил повторять «L'Etat c'est moi» («Государство – это я»). Об исключительной включенности некоторых правителей в личные дела своих подданных часто говорили, что эти государственные деятели «на всех крестинах стремились быть крестными, на каждой свадьбе – женихом, а на любых похоронах – покойником». В каждом частном конфликте государи хотели бы побывать в обличье как предикатного насильника, так и самой скромной из жертв. Причина таких устремлений – глубокое убеждение монархов в том, что они не имеют права оставить своих подданных без внимания ни на минуту.

В текущий момент государство в лице своего аппарата (чиновников) также весьма скептически смотрит на способность граждан самостоятельно разбираться даже в самых простых семейных конфликтах.

В условиях современной России легальное существование человека практически немыслимо без наличия у него комплекса обязательных разрешительных документов, выдаваемых различными органами государственной власти по вопросам, казалось бы, сугубо личным: свидетельство о рождении, заключении, расторжении брака, о смерти, а также паспорта с указанием в нем юридического адреса и др.

В то же время по общему правилу отношения между людьми сначала регулируются нормами морали, и если их недостаточно, то и нормами права, источником которых в России преимущественно является нормативный правовой акт определенной юридической силы.

Возникает вопрос: а сохранились ли сферы человеческого общения, не урегулированные нормами права? Да, безусловно, между людьми существуют многочисленные отношения, в регламентации которых роль государства незначительна. В сфере именно таких отношений как раз-то и пребывает то, что мы называем семейным, бытовым насилием.

2. Семейное, бытовое насилие – непознанный феномен

Семейное, бытовое насилие – это до конца не изученный феномен. Нет достоверной статистики, характеризующей данное негативное явление.

Приведем официальные статистические данные за 2023 г. В районные суды первой инстанции для рассмотрения по существу всего поступило 520,7 тыс. уголовных дел, из которых дел частного обвинения в связи с отнесением к подсудности районных судов (ст. 116.1 УК РФ) всего 4,4 тыс. (0,8 %). Общее число уголовных дел, поступивших на рассмотрение к мировым судьям, составило 187,1 тыс., из них по составам частного обвинения (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ) – 5,2 тыс. (2,8 %). Приведенные цифры свидетельствуют, что в рамках общей подсудности дела частного обвинения – это капля в море [12].

Видимо, с учетом крайне малого объема дела названной категории в производстве судов с 2024 г. в официальных документах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации отдельной строкой не выделяются.

При подготовке статьи нами использовалась как официальная информация, опубликованная различными информационными агентствами (например, Агентством правовой информации, зарегистрированным Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство № ФС 77–63321), так и внутриведомственная (МВД, прокуратура, суд). Приведенные данные за 2023 г. на текущий момент заметной динамики не имеют.

Здесь и ниже (если не будет указано иное) предполагается анализ данных о судимости по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 115–117, 156 УК РФ (табл. 1).

Таблица 1

Анализ данных о судимости по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 115–117, 156 УК РФ, в 2024 г.

Статья	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условно	Ограничение свободы	Штраф	Исправительные работы	Обязательные работы	Принудительные меры медицинского воздействия
Всего	512 845	990	144 837	111 841	23 787	79 733	45 955	65 956	7 516
Ст. 115, ч. 1	1 356	116	0	0	2	697	186	376	30
Ст. 115, ч. 2	7 114	9	1 018	1 217	851	113	650	2 643	280
Ст. 116, ч. 1	22	0	2	1	0	0	8	10	1
Ст. 116, ч. 2	2	0	0	0	1	0	1	0	0
Ст. 116	370	4	27	27	41	5	49	178	28
Ст. 116.1, ч. 1.1	1 240	13	0	0	5	357	268	573	10
Ст. 116.1, ч. 2	5 120	4	0	0	3 686	58	751	523	24
Ст. 117, ч. 1	403	0	63	25	259	4	2	0	11
Ст. 117, ч. 2	402	2	174	217	0	1	5	1	11
Ст. 156	424	3	10	12	1	162	59	159	9

В таблице 2 приводятся неофициальные данные за 2025 г., полученные в рамках прокурорского надзора за дознанием по делам о преступлениях, пред-

усмотренных ч. 2 ст. 115, ст. 116.1 УК РФ. Отметим, что цифры ведомственной статистики существенных отличий от прочей информации не имеют.

Таблица 2

Сведения о движении уголовных дел, возбужденных по фактам выявления преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 115, ст. 116.1 УК РФ

Статья	Число преступлений	Темп снижения	Число расследованных дел	Темп снижения	Число потерпевших	Темп снижения
ч. 2 ст. 115 УК	24 930	– 13,5 %	19 847	– 14,7 %	23 645	– 13,5 %
ст. 116.1 УК	9 682	– 18,0 %	8957	– 19,2 %	8494	– 18,9 %

Для сравнения: по неофициальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2024 г. по ч. 1 ст. 115 УК РФ осуждено 1356 чел., оправдано – 116.

В то же время в 2023 г. по ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои» мировыми судьями были вынесены итоговые решения в отношении 26,7 тыс. лиц (73,8 % от общего числа лиц, в отношении которых дела были рассмотрены по составам правонарушений по гл. 6 КоАП РФ), из них наказанию подвергнуто 31 %, в том числе 91,9 % – к административному штрафу, 3,9 % приговорены к обязательным работам и только 4 % – к административному аресту [12].

В рамках приведенной статистики настораживает количество наказанных за побои (по-старому – осужденных). До 2016 г. данная цифра была в разы меньше, по крайней мере ее можно было сопоставить с числом осужденных за причинение легкого вреда здоровью. Рост числа наказанных (осужденных) за некриминальные ныне побои более чем в пять раз объясняется переводом этого состава из системы обвинения частного, в обвинение публичное. Государство – посредник в конфликте между жертвой и насильником в лице конкретных офицеров из системы МВД России, естественно, мирить никого не намерено. Не будем забывать, для рядовых исполнителей в первую очередь важен показатель! Скажем больше, по ст. 6.1.1 КоАП РФ исполнители, разрешая один и тот же конфликт, получают возможность поставить себе в отчет две «палочки», так как будет наказан не только предикатный насильник, но и предикатный потерпевший (реальная жертва), рискнувший оказать насильнику физическое сопротивление.

Далее проанализируем такой значимый для рассуждений элемент, как феномен, чтобы затем перейти к исследованию совокупности обязательных для судебной деятельности категорий «вера», «доверие», «veritas» (истина), «авторитет», «право», «государство», «эффективность» и «власть права государства и суда».

Наш современник французский философ А. Конт-Спонвиль отмечает, что «феномен – это не иллюзия, а воспринимаемая реальность (в отличие от «ноумена», по Платону, сущности, постигаемой только умом». Феномен – реальность для нас (в противоположность «вещи в себе» И. Канта. А. Конт-Спонвиль, ссылаясь на Ж.-П. Сартра, отмечает, что феномен «сам себя разоблачает, как есть, в абсолютном выражении, поскольку раскрывается в своей сущности. Фено-

мен относительно абсолютен, может быть изучен и описан» (введение в книгу «Бытие и ничто»). Далее в своих рассуждениях он ссылается сначала на философа М. Конша, сравнивавшего феномен с «чистой видимостью», а затем упоминает К. Россе, который на понятие «феномен» смотрел предельно просто, называя его «реальностью» [13, с. 659].

Согласно А. Конт-Спонвилю, наша (слепая/неслепая) «вера (foi) – убеждение, не подкрепленное никакими доказательствами, легко обходящееся без них, заменяя их волей, доверяем или благодатью». При этом философ предупреждает всех исследователей: «верить – значит слепо подчиняться». «Всякая вера грешит самонадеянностью и отсутствием знания». В предисловии ко второму изданию книги «Критика чистого разума» И. Кант по этому поводу писал об ограничении знания, чтобы освободить место вере. На что А. Конт-Спонвиль ответил, что на протяжении последних 25 столетий ученые занимаются как раз обратным [13, с. 85–86].

Анализируя категории «вера», «доверие» применительно к историческому «знанию» и постисторическому «послезнанию», нельзя не упомянуть о категории «истин» – «точном соответствии между мыслимым и реальным» [13, с. 86].

Применительно к анализируемой совокупности проблем, связанных с делами частного и публичного обвинения, речь идет о том, во что мы (слепо/неслепо) верим – в декларируемую форму эффективности норм морали и права или в реальную их эффективность. При этом мы исходим из отрицания возможности существования такой категории, как «объективная истина». По нашему убеждению, любая истина всегда субъективна, ибо она (мгновение реальности в природе) всего лишь оценка реальности субъектом [14; 15] (участниками уголовного процесса, судом).

При этом мы разделяем позицию тех исследователей, которые считают, что вопросы, касающиеся правосудия вообще, его доктрины [16; 17], истории и текущей практики, а равно соответствующей им юридической техники, являются предметом современной судебной феноменологии [18].

3. «Насилие» в диалектике Г. В. Ф. Гегеля

Анализируемая нами тема насилия как правовой категории интересовала философов во все времена. По этому поводу Г. В. Ф. Гегель писал: «Наука о праве есть часть философии» [19, с. 60]. Скажем больше, в своем фундаментальном произведении «Философия права» основоположник диалектики к теме насилия

обращался не менее двадцати раз [19, с. 62, 106–107, 141–144, 155, 258, 301, 468]. Не о неизбежности отнесения насилия к категории феноменов свидетельствует суждение Гегеля о том, что таковое является производным от «диктуемого сердцем чувства, это и склонность, и произвол» [19, с. 62], ниже автор специально подчеркивает, что «философия не признает подобные авторитеты» [19, с. 62] (то есть чувства, склонности, произвол).

Наша позиция: насилие в первую очередь имеет биологическую, психологическую природу, впрочем, как и власть, право и государство. Право, основанное на насилии, Гегель именует «кулачным правом» [19, с. 62], что звучит довольно современно. При этом философ критикует разделение насилия по отношению к телу и душе. Его вывод: «Насилие, совершенное другими, над моим телом, есть насилие, совершенное надо мной» [19, с. 258]. Не будем забывать, что порой, истязая тело, мы только закаляем душу. Вспомним концепт «душа – страдает, тело – терпит» в призме суждений профессора И. М. Рагимова о нравственности наказания и социальной действительности [20].

Попытки разделить насилие над телом и душой не только не новы, но и не всем понятны [21]. Например, такая форма насилия, как лишение лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, права на долгосрочное свидание с членами семьи [22].

Анализируя насилие, Гегель отмечал, что данное явление, а равно принуждение неправомерны [19, с. 142]. В то же время мыслитель понимал, что «первичное принуждение снимается вторым принуждением, последнее необходимо, чтобы снять первое» [19, с. 142].

Современной криминологии хорошо известен такой вид насилия, как «ломка» личности осужденного. Пример такого противоправного явления – насилие со стороны осужденного Ф. по отношению к осужденному к пожизненному лишению свободы М. в СИЗО г. Владимира, завершившееся расправой потерпевшего с предикатным насильником [23]. Осужденный М. объявил голодовку. Администрация СИЗО отреагировала на это его перемещением в камеру № 26, в которой содержался осужденный Ф. Последний потребовал от М. отказаться от голодовки. Сделать это М. категорически отказался, тогда Ф. (предикатный насильник) связал и с 14:00 3 февраля 2017 г. до 7:30 4 февраля 2017 г. систематически наносил М. побои (ч. 1 ст. 117 УК РФ). М., понимая, что защиты ему ждать не от кого, совершил убийство предикатного насильника. Данные действия были квалифицированы как умышленное убийство (постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации Червоткина А. С. о передаче кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 13.12.2019 № 86-УДП19-7, а также кассационное определение Второго Кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2020 № 77-165/2020).

Отметим, что суждение Гегеля о том, что принуждение, включающее насилие, – оружие, которое

необходимо педагогу по отношению к нерадивому ученику [17, с. 142] (не будем забывать, что не только в тот период, но и до 1990-х гг. во многих учебных заведениях практиковались телесные наказания). На текущий момент данное утверждение философа является спорным. Любые формы насилия учителя по отношению к ученику недопустимы. Так, по приговору мирового судьи судебного участка № 10 Сахалинской области (Охинский район) от 18.07.2023 по ст. 156 УК РФ за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением, была осуждена учитель К., которая не только заставила «нерадивого» (по медицинским показаниям) ученика достать бумажку из-под стола, но и прижала его стулом (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2024 № 64-УД24-5-К9).

По правилам ювенальной юстиции, не только любое насилие родителя по отношению ребенку, но и психологическое принуждение – основание для изъятия последнего из семьи.

Как видим, общая тенденция такова – минимизация всех мыслимых форм не только физического, но и психологического насилия.

4. Насилие: оценка современного философа А. Конт-Спонвиля

По мнению А. Конт-Спонвиля, «насилие – это в первую очередь неумеренное применение силы» [13, с. 337]. При этом философ считает, что насилие бывает необходимым (умеренность не всегда возможна), однако оно никогда не бывает благом. Насилие всегда достойно сожаления» [13, с. 337]. Противоположность насилия – мягкость (не путать со слабостью). Отсюда вывод данного автора: «мягкость – добродетель, слабость – это слабость (противоположность силы), а насилие – вина (кроме случаев, когда оно необходимо и законно). Насилие над слабым – трусость, жестокость, зверство» [13, с. 337].

В то же время мы согласны с А. Конт-Спонвилем в том, что «не может быть абсолютного запрета на насилие над насильником, ибо такой запрет – не что иное, как попустительство варварам и бандитам» [13, с. 337].

Трудно оспорить и взвешенную оценку философа о непротивлении злу насилием. Ссылаясь на С. А. Вейль, А. Конт-Спонвиль констатирует: этот библейский подход «годится только тогда, когда он эффективен» [13, с. 337]. Рассматривая тенденцию «тяготения к милосердию», философ-прагматик в первую очередь подчеркивает, что институт непротивления злу требует «немало самообладания, смелости и ума, но также необходимо принимать во внимание и противника» [13, с. 337].

Также А. Конт-Спонвиль: 1) воспекает стоическое поведение Махатмы Ганди в рамках ненасильственного сопротивления англичанам (1921–1948 гг.); 2) гордится мужеством участников французского сопротивления в годы Второй мировой войны и делает разумный вывод: «насилие приемлемо только в тех случаях, когда его отсутствие еще хуже» [13, с. 337]. Итог рассуждений: во-первых, «насилие имеет право

на существование», проблема в том, чтобы его при-
менение «ограничить, ввести в строгие рамки, поста-
вить под контроль». Во-вторых, ссылаясь на М. Вебе-
ра, А. Конст-Спонвиль утверждает, что «для этого нам
нужно государство (армия, полиция, законы, суды,
тюрьмы)» [13, с. 337]. В-третьих, «на уровне граждан-
ского общества (совокупность индивидуумов, под-
чиненных одному высшему закону, единство вторых,
подчиненных единству первых – власти, в республике
первые и вторые тождественны) средством борьбы
с насилием является умение улаживать конфликты»
[13, с. 131]. Примечательно, что, в-четвертых, фило-
соф указывает, что для этого все же «нужны (полиция –
то есть государство), политика и вежливость» [13,
с. 337].

Как видим, Гегель и А. Конт-Спонвиль исследуе-
мые нами категории насилия, насильника, жертвы
насилия, неотъемлемого права жертвы на сопротив-
ление также путем насилия (самозащиту, самообо-
рону, необходимую самооборону) толкуют целостно
и конструктивно. Примерно таковы точки зрения и не-
которых наших признанных криминологов, например
академика В. Н. Кудрявцева [24, с. 65–67] и профес-
сора Э. Ф. Побегайло [25, с. 303–337].

Отметим, что перечисленные аспекты проблемы
насилия в целом нами были уже неоднократно осве-
щены [26; 27], исследования в данной области в кри-
минологии, уголовном праве и процессе продолжа-
ются.

*5. Реакция государства на домашнее насилие в Ан-
глии и России на рубеже XIX–XX вв. в сравнении с со-
ответствующей судебной практикой в России в конце
XX в.*

Рассмотрим подробнее проблему домашнего на-
силия и реакцию на него общества и государства в
Англии и России за последние 100 лет.

Профессор П. А. Люблинский [28] отмечал, что
«наиболее характерной особенностью английского
правового строя является полная замкнутость, изо-
лированность от публичного вмешательства семей-
ной жизни». Англичанин вправе заявить, что семья –
его царство. Государство не должно было вмеша-
ться в отношения главы семьи и его супруги, де-
тей [29, с. 278]. Фактически старое общее право как
минимум не запрещало мужу «учить жену». Приме-
нительно к России того периода П. А. Люблинский
признавал, что и наш «Домострой» также давал
мужу право «вежливенько учить жену», наказывать
детей.

Отметим, что до определенного времени в Англии
не было государственных органов, которым можно
было бы поручить подобное вмешательство в семей-
ные дела. Позднее таким органом стал полицейский
суд.

В Российской империи, как и в других странах Ев-
ропы, полиция и суд вторгаются в область семейной
жизни только в случае учиненных одним из супругов
по отношению к другому преступлений. В соответ-
ствии со ст. 239 Устава о предупреждении и пресе-
чении преступлений 1857 г. «полиция не должна вхо-
дить в частные споры и несогласия между супругами,
и только в случае преступления уголовного обязана

поступить по правилам, в законах судопроизводства
изложенных» [30, с. 150].

В гл. 3 Устава о ссорах, брани, драках побоях и
тому подобных проступках также находим: «Полиция
наблюдает: 1) чтобы ни от кого притеснений, обид
и побоев причинено не было и своевольтва не проис-
ходило и чтобы каждый обращался с другим вежливо
и от грубостей ссор удалялся; 2) чтобы бранные и не-
потребные слова в общественном месте и при людях
благородных и женском поле отнюдь употребляемы
не были и чтобы крику, шума, драк и бесчинства ни-
где не происходило; 3) чтобы в маловажных случаях
проступков, всякое своевольтво тотчас прекращено
было и ссорящиеся были примирены» (ст. 238). Зна-
чительное число ссылок на решения Сената в поста-
тейном материале к ст. 238 – яркое свидетельство о
востребованности этой нормы.

Подчеркнем тот факт, что ст. 241 Устава о преду-
преждении и пресечении преступлений воспрещала
противоборствующим сторонам «призывать на по-
мощь товарищей или созывать народ». Следовало
также пресекать попытки «разнять ссорящихся» (ст.
243), ибо это функция государства. Одновременно
полиции вменялось в обязанность оказывать потер-
певшим «вспоможение» (ст. 242).

Вариант такого вспоможения (сразу подчеркнем,
без излишнего вмешательства в личную жизнь су-
пругов) в «Инструкции чинам полиции» (1904 г.) про-
курор Московской судебной палаты Н. В. Муравьев,
конкретизируя ее действия по делам, подсудным
мировым судебным установлениям, с опорой на Указ
Правительствующего Сената от 13.04.1882 требовал:
всегда при обнаружении проступка (в том числе и в
случае наличия только подозрения в совершении
проступка), не теряя время, сразу же приступить к
производству дознания, о чем сообщать участковому
мировому судье вне зависимости от поступления жа-
лобы потерпевшего [31, с. 7–8].

Как видим, в данном регламенте прокурор демон-
стрирует «хватку» профессионала, для которого зна-
чимо не желание потерпевшего привлечь виновного
к ответственности, ибо сегодня такого желания у по-
следнего может быть и нет, но вдруг завтра оно поя-
вится, где тогда искать доказательства. Мы лишь ука-
жем, что обнаружение и закрепление доказательств
домашнего насилия не может быть отложено на потом,
так как доказательства могут быть не только утраче-
ны, но и сфальсифицированы сторонами конфликта.

Какова же была на рубеже XIX–XX вв. оценка ре-
зультатов домашнего скандала судом? Вероятност-
ный результат такого судебного разбирательства
П. И. Люблинский иллюстрирует цитатой из стихот-
ворения Пьера-Жана де Беранже: «Комиссар, Комис-
сар! Бьет Колен свою Колету! Ничего такого нету, –
ссора – вестница любви» [29, с. 279]. Максимум, что
тогда мог сделать английский судья, это постановить
акт о раздельном проживании супругов. Согласно За-
кону о защите замужних женщин 1895 г. супруга полу-
чила право требовать от суда заключить суженного в
тюрьму на срок до трех месяцев.

Рассматривая жалобу женщин на насилие, судьи
сначала выслушивали показания потерпевшей, за-

тем задавали несколько вопросов подсудимому, потом расспрашивали местного констебля, иногда беседовали с миссионером. Что дальше: тюрьма или акт о раздельном проживании супругов?

Редко женщины настаивали на помещении мужа в тюрьму, поскольку заключение, во-первых, резко ухудшало материальное положение членов семьи в целом, во-вторых, тюрьма не исправляла, а только лишь озлобляла супруга.

В случае присуждения акта о раздельном проживании супругов судья взыскивал с супруга в пользу жены вспомоществование – не более двух фунтов в неделю.

Естественно, что супруги имели право на обращение в Высший суд с иском о разводе. В процессе без адвоката минимальный размер судебных издержек в таком случае составлял в переводе на полноценные «царские червонцы» 300 руб., с участием адвоката – 750 руб. Процессуальному праву Англии того времени уже был известен институт полного освобождения бедных от судебных издержек, однако на практике он применялся крайне редко.

Несколько позже появился закон «О привычных пьяницах» 1898 г., практика применения акта о раздельном проживании супругов стала более либеральной: жене было достаточно доказать, что супруг в течение года не менее трех раз был судим за пьянство.

Спроецируем данную ситуацию на советское время. Каждую пятницу (приемный день) утром у кабинета уже стояли три-четыре женщины, готовые подать заявления о домашнем насилии. Общение с ними начиналось с выдачи потерпевшей направления на судебно-медицинскую экспертизу. Как правило, спустя неделю на повторный прием приходила лишь половина потерпевших, а то и меньше. Наличия у потерпевших на руках заключения судебно-медицинского эксперта позволяло составить соответствующее заявление о привлечении супруга за причинение телесных повреждений или побоев в порядке частного обвинения. Далее следовало рутинное советское социалистическое уголовно-процессуальное производство по делу, которое практически всегда завершалось примирением сторон.

Необходимо учитывать, что как в начале XX в. Англии, так и в конце этого же века в реформируемой РСФСР женщина, «посадившая» мужа в тюрьму, сразу же испытывала сильнейший удар по экономике семьи. Института раздельного проживания супругов в России никогда не было. Более того, подавляющее большинство привлекаемых к уголовной ответственности мужей стабильного официального заработка не имело.

Но сказанное не означает, что «домашние хулиганы» оставались безнаказанными. Если нельзя по закону, то можно по правилам негласного «милиейско-судейского прецедента». На семейные скандалы направлялись либо участковые уполномоченные милиции либо наряды патрульно-постовой службы, которые по шаблону составляли рапорта, из которых усматривалось, что конкретный мужчина не только сквернословил в общественном месте, но и совер-

шил действия, являющиеся элементами объективной стороны правонарушения, предусмотренного ст. 158 КоАП РСФСР 1984 г.

Между начальниками милиции и судьями существовало негласное соглашение: если семейный скандал был случайным, стороны шли на примирение, то начальники милиции наказывали буйных мужей своей властью – штрафовали по ст. 27 КоАП РСФСР. Если для дебошира требовалась «встряска», то административное дело (обычно его именовали материалом) направлялось в суд и постановлением судьи виновный в домашнем насилии подвергался административному аресту по ст. 32 КоАП РСФСР. Естественно, что и после административного ареста (по правилам КоАП РФ), и после отбытия уголовного наказания в местах лишения свободы домашний насильник возвращался обратно в семью, то же самое жилое помещение, зачастую в комнату в семейном общежитии.

б. Оценка домашнего насилия некоторыми зарубежными криминологами

В 2000 г. увидело свет третье издание учебника по криминологии под редакцией профессора Калифорнийского государственного университета Дж. Шелли. В нем подробно рассматриваются категории насилия вообще [32, с. 49, 141, 153, 204, 205, 222, 223, 242, 261, 327, 381, 387, 418, 488, 495, 559, 623, 640, 648, 650, 665, 671, 692], насилия физического [32, с. 228, 409, 567, 600], в том числе и понятий «домашнее насилие» [32, с. 97, 98, 568], «семейное насилие» [32, с. 253, 268] и «ответное насилие» [32, с. 242].

Анализируя законодательство, регламентирующее уголовную ответственность за домашнее насилие, авторы учебника подходят к данному вопросу более чем утилитарно.

Вспомним строки из стихотворения В. В. Маяковского «Небоскреб в разрезе» (1925): «Над очагом домашним высась, силы сберегши спортом смолоду, сэр своей законной миссис, узнав об измене, кровавит морду». По законодательству соответствующего штата данный вид насилия – дело частное. Более того, это насилие даже не преступление, а проступок. Сразу вспоминаем ст. 6.1.1 «Побои» КоАП РФ. Теперь если в России муж всего лишь «кровавит морду» – это тоже рядовое правонарушение (преступление до 3 июля 2016 г.). Однако в отличие от Америки, нанесение побоев дело теперь не частное, а публичное.

С 1990-х гг. и по сегодняшний день представители законодательного корпуса регулярно требуют от российских ученых помочь им сформулировать нормы права, которые, будучи воплощенными в соответствующие законы, гарантировали бы защиту женщины от домашнего насилия. В данном случае речь идет об утопии, поиске своего рода философского камня, явление которого волшебным образом, без вложения сил и средств, в один миг разрешит все проблемы. Наши ссылки на конкретный зарубежный опыт, согласно которому противостояние домашнему насилию дело в первую очередь гражданского общества, а только затем государства, представителей депутатского корпуса расстраивает, ибо речь заходит о не медленном перемещении жертв домашнего насилия

в безопасную среду, то есть об отселении женщины и детей от насильника, для чего необходимы соответствующее благоустроенное жилье, одежда, продукты питания и др. Особо подчеркнем, что данные вопросы – компетенция не полиции, а организованной группы волонтеров. При этом общественность (в основном студенты юридических вузов) всегда исходит из того, что любую семью лучше сохранить.

Например, в г. Калгари (700 тыс. населения) «домашним насилием» занимаются всего четыре серванта (фактически диспетчеры), основная нагрузка по первичному урегулированию конфликтов, обусловленных домашним насилием, ложится на волонтеров. Поэтому зарубежные исследователи в первую очередь исследуют не столько само домашнее или семейное насилие, сколько пишут о том, как политики ищут соответствующий электорат, который позволит им отстоять законопроект по борьбе с домашним, семейным насилием [32, с. 97–98].

Дать адекватную оценку семейному насилию они не могут ввиду отсутствия надлежащей эмпирической базы.

Освещая проблему «семейного насилия, криминологи из США честно пишут, что данное понятие несет в себе внутреннее противоречие. С одной стороны, «семья – тихая гавань любви и заботы в кипящем беспокойном мире», с другой – результаты новейших исследований таковы: «семья один из самых насильственных институтов нашего общества». Имеющаяся в распоряжении криминологов эмпирическая база явно недостаточная, даже для элементарного прогнозирования ближайшего будущего [32, с. 268–269].

Исследуя проблемы ответного насилия предикатной жертвы по отношению к предикатному насильнику, зарубежные авторы отмечают, во-первых, что женщина, как правило, в домашнем, семейном конфликте априори виктимна, ибо в силу природы слабее мужчины. Поэтому нападающий на нее мужчина изначально должен смириться с тем, что «правовая коллизия будет разрешена за его счет, поскольку она вызвана не объективной причиной, а порождена исключительно его противоправной волей» [33]. При этом другие ученые предостерегают жертв домашнего насилия и их защитников от виджалантизма, когда ответные действия превосходят законные пределы оправданной самообороны [32, с. 241–242].

7. Особенности уголовно-процессуального доказывания по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116.1 УК РФ

Исторически сложилось, что отношение к делам об административных правонарушениях (как в народе в целом, так и в среде профессионалов в частности) не всегда серьезное. Да и само производство по таким делам в России кодифицировано сравнительно недавно: первый КоАП РФ принят только 20 июня 1984 г., всего за пять лет до распада СССР. До этого момента как основания наступления ответственности за административные правонарушения, так и порядок назначения соответствующего наказания (взыскания) регламентировались отдельными указами Президиумов Верховного Совета СССР и РСФСР.

Авторы первого КоАП РСФСР, а затем и их преемники – авторы КоАП РФ поставили перед собой

цель – защитить (гарантировать) права участников процесса в стадиях: 1) регистрации правонарушений; 2) привлечения лица к ответственности; 3) назначения ему наказания; 4) обжалования решений о наказании. Достижение указанной цели кодификаторы видели в постепенном сближении процессуальных регламентов КоАП РФ с апробированными временем положениями УПК РФ.

В конце второго десятилетия XXI в. в юридической литературе началось активное обсуждение третьего в истории современной России проекта КоАП РФ. Впрочем, дискуссия по вопросу о том, каким быть новому кодексу, вскоре затихла. Причина в следующем: часть административистов все еще убеждена: по правилам КоАП РФ человек может быть привлечен к ответственности только за такое малозначительное правонарушение, которое априори не соответствует требованиям ч. 1 ст. 14 УК РФ, то есть не является общественно опасным. В то же время другая часть представителей административной науки (например, Б. В. Россинский [34], Ю. П. Соловей [35]) права в том, что любое правонарушение (включая административное) уже само по себе представляет определенную степень общественной опасности.

Представители первого течения в административной науке считают, что речь идет максимум о «полицейском праве», в силу его модели производства, свойственные УПК РФ, при разрешении дела об административном правонарушении явно излишни. Другие административисты настаивают на сохранении необходимой процессуальной формы при рассмотрении дел по правилам КоАП РФ.

Свою позицию о значительном и малозначительном в материальном и, как следствие, в процессуальном праве мы уже высказали [36–39]. Признанный авторитет в сфере административного права профессор Ю. П. Соловей отмечает, что отрицание степени общественной опасности деяния, наказываемого по правилам КоАП РФ, недопустимо уже в силу того, что изначально подавляет у правоприменителей чувство ответственности за свою работу [35]. Мы полностью согласны с исследователями, ибо личные наблюдения автора таковы: отношение к делам об административных правонарушениях совсем не такое, как к делам уголовным.

Отрицание реальной значимости правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, чревато еще и тем, что вынесенное по делу о таком правонарушении постановление мирового судьи может иметь преюдициальное значение как в уголовном праве (ч. 1 ст. 116. УК РФ), так и уголовном процессе.

При проверке вышестоящими судами приговоров в отношении лиц, осужденных по ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, нередко выясняется, что имели место грубейшие нарушения прав участников процесса в стадиях: 1) принятия заявления о побоях, 2) проведения досудебной проверки органами полиции и 3) разрешения дела судом.

Сказанное означает, что сбор доказательств по уголовным делам о побоях (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ) начинается не с момента возбуждения уголовного дела (!),

а с момента принятия предикатного заявления о нанесении побоев по правилам КоАП РФ¹.

8. Суд в семейном конфликте – институализация ожиданий общества

Продолжая рассуждения о судебной власти (конкретных судебных инстанциях), вовлекаемой обществом и государством в дела частные в случае обращения жертвы домашнего насилия за помощью, констатируем, что анализируемая форма судебной власти – частный случай проявления власти вообще, еще точнее – одна из форм публичной, государственной власти. В этой связи судебная власть – метафизическая (то есть за рамками реальной физики) и историческая реальность, уникальные и в то же время закономерно возникающие *общественные отношения*, социальная природа которых заключается в потенциальной способности человечества, базируясь в своей деятельности на такие только ему одному свойственные социальные ценности, как мораль и право, посредством только одному ему ведомых средств, речи, символов и знаков мобилизовать свои ресурсы для разрешения определенных категорий социальных конфликтов.

Не будем также забывать о наличии у общества (в лице конкретных судей) права (возможности) не только принимать мудрые решения в процессе разрешения семейных конфликтов, но и добиваться путем неукоснительного следования нормам права (писаного/неписанного) обязательного их исполнения.

Таким образом, по делам частного обвинения судебная власть – это присущее социальной природе человека средство и одновременно необходимое условие функционирования высоко развитой социальной общности, а равно средство всеобщей связи (коммуникации), возникающее между высокоорганизованными людьми в процессе разрешения определенных категорий социальных конфликтов, символический посредник, обеспечивающий выполнение взаимных для граждан и государства обязательств на основе норм права.

Особо следует отметить, что судебная власть – это еще и институализация ожидания обществом (в первую очередь потерпевшими – жертвами) того, что возникшим социальным конфликтам, их разрешению в соответствии с законами и на их основе будет уделено достойное внимание. Судебная власть – это принятая определенной человеческой общностью процессуально-правовая парадигма поведения субъектов права при разрешении социальных конфликтов. Судебная власть, как известно, характеризуется многоаспектностью, сложностью и системностью [40–42].

Власть судебная (само понятие «власть» и его специальное расширение «судебная») – термин, нашедший самое широкое применение в ходе Великой судебной реформы 1864 г. В частности, ст. 1 Учреж-

дения судебных установлений от 20 ноября 1864 г. гласит: «Власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам, Правительствующему Сенату». Позже, в 1888 г., в рамках организации квазиправосудия фактически властью судебной в некоторых местностях были наделены земские участковые начальники. Согласно общему правилу (пусть и с определенными изъятиями) власть судебная распространялась на лиц всех сословий (ст. 2).

Сегодня судебная власть – это еще и особая государственно-правовая категория, в полном объеме признанная отечественной юридической наукой. Более того, судебная власть на конституционном уровне официально провозглашена одной из ветвей государственной власти (ст. 10 Конституции Российской Федерации).

Судебная система – материализованный как в нашем сознании, так и в материальном мире аппарат судебной власти, со всеми свойственными ему атрибутами. Дела частного обвинения в текущий момент по первой инстанции разрешаются в основном мировыми судьями, федеральными районными судьями, а также судами (порой только судьями единолично) в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях (то есть судьями Верховного Суда Российской Федерации).

Дела частного обвинения как уголовно-процессуальная категория неоднократно были предметом изучения Конституционного Суда Российской Федерации.

Первые промежуточные выводы

1. Насилие (только в принципе не опасное для жизни и здоровья потерпевшего) в семье, быту, трудовом коллективе – не что иное, как социально-правовой феномен, который все еще не получил надлежащей оценки ни в науке, ни в обществе в целом. Скажем больше, значительная часть общества допускает применение такого насилия в семье, в отношении соседей, в трудовых и воинских коллективах, учебных заведениях. Скажем еще больше, по мнению очень многих, такое насилие – морально.

2. Законодатель 3 июля 2016 г. совершил значимый медиальный поворот (фазовый переход), зафиксировав как в ст. 6.1.1 КоАП РФ, так и в ст. 116, 116.1 УК РФ регламент, согласно которому нанесенные впервые не квалифицированные побои преступлением не являются. Уголовная ответственность за такие побои наступает только в случае, если лицо: 1) ранее было наказано по правилам КоАП РФ за нанесение побоев; 2) имеет непогашенную судимость за насильственные преступления.

3. На наш взгляд, полная декриминализация не квалифицированных побоев ошибочна в силу того, что степень общественной опасности данного вида насилия (нанесение побоев) не уменьшилась.

4. С 3 июля 2016 г. деяния, предусмотренные ст. 6.1.1 КоАП РФ, из категории дел частного обвинения перешли в разряд дел публичного обвинения.

5. На наш взгляд, данный вид насилия (побои) – дело исключительно частное, публичное вмешательство в отношения в семье по возможности должно быть сведено к минимуму.

¹ См. подр.: Отзыв официального оппонента Н. А. Колоколова на диссертацию Малаховой А. Е. «Обвинительная деятельность по уголовным делам в досудебном производстве и в суде первой инстанции: теория и практика» (Москва, 2025, 250 с.), представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). Документ размещен на сайте диссертационного совета, отдельно не опубликован.

6. Для домашнего насилия характерны: 1) криминологический (в том числе криминогенный), 2) уголовно-правовой, 3) уголовно-процессуальный, 4) административно-правовой, 5) социально-культурный, 6) философский и прочие аспекты. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что российская криминология не спешит с честным и однозначным ответом на вопрос: побои – это преступление ли все же (уже) нет?

7. В России на законодательном уровне все-таки не рассматривалась возможность учреждения

известного в мире института раздельного проживания супругов, в рамках которого жертвы насилия (как правило, женщина и ее дети) максимально оперативно изымаются из зоны конфликта с обязательным перемещением потерпевших в новую комфортную среду.

8. Особый интерес представляет то обстоятельство, что общество не готово смириться с тем, что государство фактически установило мораторий на допустимость физического принуждения предикатного насильника в миру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колоколов Н. А. От ревности до stalking // Человек и закон. 2018. № 4. С. 26–37.
2. Колоколов Н. А. Дела частного обвинения : отзыв официального оппонента проф. Н. А. Колоколова на диссертацию Тохирзода Олимджона Тохир, представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Производство по уголовным делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации)» по специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки // Защити меня. 2024. № 1. С. 53–63.
3. Колоколов Н. А. Дела частного обвинения: вечное или уходящее? Статья первая: что думают о проблеме некоторые ученые. Статистика // Мировой судья. 2024. № 9. С. 2–10.
4. Колоколов Н. А. Дела частного обвинения: вечное или уходящее? Статья вторая: анализируем конкретную судебную практику // Мировой судья. 2024. № 9. С. 2–8.
5. Орлов В. Н. Казарменное хулиганство. Как с ним бороться? // Право в Вооруженных силах. 1997. № 4. С. 7–13.
6. Мацкевич И. М. Преступность военнослужащих: криминологические и социально-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 357 с.
7. Колоколов Н. А. «Казарменное хулиганство» (ст. 335 УК РФ). Статья 1. К истории и сути вопроса // Военно-юридический журнал. 2024. № 2. С. 7–13.
8. Колоколов Н. А. «Казарменное хулиганство» (ст. 335 УК РФ). Статья 2. «Неуставные отношения», анализ эволюции законодательства // Военно-юридический журнал. 2024. № 3. С. 14–19.
9. Колоколов Н. А. «Казарменное хулиганство» (ст. 335 УК РФ). Статья 3. «Неуставные отношения» в призма «громких дел» // Военно-юридический журнал. 2024. № 5. С. 16–20.
10. Бантам И. О судоустройстве. М., 2022. 196 с.
11. Колоколов Н. А. Потерпевший: рациональное и иррациональное в статусе // Уголовное судопроизводство. 2024. № 2. С. 2–12.
12. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году. М., 2024. 119 с.
13. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М., 2012. 752 с.
14. Колоколов Н. А. Момент истины // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 118–141.
15. Колоколов Н. А. Уголовный процесс: чем обусловлен тернистый путь к истине // Российский правовой журнал. 2020. № 1 (2). С. 78–88.
16. Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации. М., 2022. 168 с.
17. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М., 2021. 344 с.
18. Колоколов Н. А. Правосудие в современной России: доктрина, текущая практика, юридическая техника // Правосудие в современной России : в 2 т. / под ред. Е. В. Михайловой. М., 2025. Т. 1. С. 119–158.
19. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. 524 с.
20. Колоколов Н. А. Концепт наказания: «Душа – страдает, тело – терпит» // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы междунар. науч.-практ. межведом. конф. (16–17 июня 2016 г.) / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара, 2016. С. 307–212.
21. Колоколов Н. А. Философия наказания: эволюция нравственности // История государства и права. 2016. № 10. С. 42–47.
22. Колоколов Н. А. Век секса не видать // ЭЖ-Юрист. 2016. № 22. С. 8.
23. Колоколов Н. А. Вынужденная самооборона в СИЗО. Кассационный суд пересмотрел фактические обстоятельства дела // Уголовный процесс. 2020. № 11. С. 84–89.
24. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. 352 с.
25. Побегайло Э. Ф. Проблемы необходимой обороны // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. проф. В. В. Лунеева. М., 2010. 779 с.
26. Колоколов Н. А. Общие начала необходимой обороны. Часть первая: вопросы теории, истории и практики, касающиеся применения норм Castle Doctrine (мой дом – моя крепость), Stand your ground (бежать не обязан), Affirmative defense (презумпции невиновности), Intruder culpability (априори виновен нападающий), Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского иска), а также концепции Duty to retreat (обязан бежать) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 120–132.
27. Колоколов Н. А. Отзыв на диссертацию Зуевой Юлии Владимировны на тему «Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника)» // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 159–167.
28. Люблинский П. И. Полицейские суды в Англии: по поводу реформы местного суда. М., 1911. 70 с.
29. Люблинский П. И. Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии. СПб., 1911. 715 с.

30. Свод законов Российской империи / под ред. А. А. Добровольского. Кн. 4. Т. XIV–XVI. 2-е изд. СПб., 1913. 1594 с.
31. Муравьев Н. В. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений. СПб., 1904. 70 с.
32. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб., 2003. 864 с.
33. Фристер Г. Уголовное право Германии. М., 2013. 712 с.
34. Россинский Б. В. Развитие системы государственного управления. Воспоминания и размышления административиста : моногр. М., 2025. 532 с.
35. Соловей Ю. П. К критике некоторых концептуальных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Актуальные проблемы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Омск, 2004. 349 с.
36. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (общая характеристика проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 21–31.
37. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (углубленный анализ проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 145–155.
38. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (особенности уголовного преследования лиц, подвергнутых административному наказанию за мелкое хищение) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 297–310.
39. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (системный анализ текущей официальной уголовной политики и противоречивой судебной практики) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 411–427.
40. Колоколов Н. А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М., 2005. 560 с.
41. Колоколов Н. А. О праве, суде и правосудии (избранное). М., 2006. 687 с.
42. Колоколов Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М., 2010. 400 с.

REFERENCES

1. Kolokolov N.A. From jealousy to stalking. *Chelovek i zakon = Man and Law*, 2018, no. 4, pp. 26–37. (In Russ.).
2. Kolokolov N.A. Review of Olimjon Tohir Tohirzoda's dissertation on the topic "Criminal proceedings of private prosecution (under the legislation of the republic of Tajikistan and the Russian Federation)". *Zashchiti menya = Protect Me*, 2024, no. 1, pp. 53–63. (In Russ.).
3. Kolokolov N.A. Private prosecution cases: eternal or outgoing? The first article: what do some scientists think about the problem? Statistics. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, 2024, no. 9, pp. 2–10. (In Russ.).
4. Kolokolov N.A. Private prosecution cases: eternal or outgoing? Article two: analyzing specific judicial practice. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, 2024, no. 9, pp. 2–8. (In Russ.).
5. Orlov V.N. Barrack hooliganism. How to deal with it? *Pravo v Vooruzhennykh silakh = Law in the Armed Forces*, 1997, no. 4, pp. 7–13. (In Russ.).
6. Matskevich I.M. *Prestupnost' voennosluzhashchikh: kriminologicheskie i sotsial'no-pravovye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminality of military personnel: criminological and socio-legal problems: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2000. 357 p.
7. Kolokolov N.A. "Barrack hooliganism" (Article 335 of the Criminal Code of the Russian Federation). Article 1. To the history and essence of the issue. *Voенно-yuridicheskii zhurnal = Military-Law Journal*, 2024, no. 2, pp. 7–13. (In Russ.).
8. Kolokolov N.A. "Barrack hooliganism" (Article 335 of the Criminal Code of the Russian Federation). Article 2. "Non-statutory relations", an analysis of the evolution of legislation. *Voенно-yuridicheskii zhurnal = Military-Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 14–19. (In Russ.).
9. Kolokolov N.A. "Barrack hooliganism" (Article 335 of the Criminal Code of the Russian Federation). Article 3. "Non-statutory relations" in the prism of "high-profile cases". *Voенно-yuridicheskii zhurnal = Military-Law Journal*, 2024, no. 5, pp. 16–20. (In Russ.).
10. Bantam I. *O sudoustroistve* [On the judicial system]. Moscow, 2022. 196 p.
11. Kolokolov N.A. Victim: rational and irrational in status. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, 2024, no. 2, pp. 2–12. (In Russ.).
12. *Obzor sudebnoi statistiki o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei v 2023 godu* [Review of judicial statistics on the activities of federal general jurisdiction courts and magistrates in 2023]. Moscow, 2024. 119 p.
13. Comte-Sponville A. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, 2012. 752 p.
14. Kolokolov N.A. The moment of truth. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = Criminalist's Library. Scientific Journal*, 2012, no. 4 (5), pp. 118–141. (In Russ.).
15. Kolokolov N.A. Criminal procedure: what causes the thorny path to the truth. *Rossiiskii pravovoi zhurnal = Russian Law Journal*, 2020, no. 1 (2), pp. 78–88. (In Russ.).
16. Perevalov V.D. *Pravovaya doktrina: problemy formirovaniya i realizatsii* [Legal doctrine: problems of formation and implementation]. Moscow, 2022. 168 p.
17. *Sudebnye doktriny v rossiiskom prave: teoriya i praktika* [Judicial doctrines in Russian law: theory and practice]. Ed. by Lazarev V.V., Gadzhiev Kh.I. Moscow, 2021. 344 p.
18. Kolokolov N.A. Justice in modern Russia: doctrine, current practice, legal technique. *Pravosudie v sovremennoi Rossii: v 2 t. T. 1* [Justice in modern Russia: in 2 volumes. Volume 1]. Ed. by Mikhailova E.V. Moscow, 2025. Pp. 119–158. (In Russ.).
19. Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, 1990. 524 p.
20. Kolokolov N.A. The concept of punishment: "the soul suffers, the body endures". In: Votinov A.A. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. mezhdodom. konf. (16–17 iyunya 2016 g.)* [Penal system at the present stage: interaction of science and practice: materials of the international research-to-practice conference (June 16–17, 2016)]. Samara, 2016. Pp. 307–212. (In Russ.).

21. Kolokolov N.A. Philosophy of punishment: evolution of morality. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2016, no. 10, pp. 42–47. (In Russ.).
22. Kolokolov N.A. The century of sex is not to be seen. *EZH-Yurist = Lawyer*, 2016, no. 22, p. 8. (In Russ.).
23. Kolokolov N.A. Forced self-defense in a pre-trial detention center. The Court of Cassation reviewed the factual circumstances of the case. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2020, no. 11, pp. 84–89. (In Russ.).
24. Kudryavtsev V.N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* [Strategies for combating crime]. Moscow, 2003. 352 p.
25. Pobegailo E.F. Problems of necessary defense. In: *Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik ocherkov* [Criminal law. Actual problems of theory and practice: collection of essays]. Ed. by Professor Luneev V.V. Moscow, 2010. 779 p. (In Russ.).
26. Kolokolov N.A. General principles of necessary defense. Part one: questions of theory, history and practice regarding the application of the Castle Doctrine (my house is my fortress), Stand your ground (no obligation to run), Affirmative defense (presumption of innocence), Intruder culpability (the attacker is a priori guilty), Immunity from civil lawsuit (immunity from civil suit), as well as the concept of Duty to retreat (obliged to flee). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4, pp. 120–132. (In Russ.).
27. Kolokolov N.A. Review of the dissertation of Yuliya V. Zueva on the topic “Institution of self-defense under Russian law (doctrine, practice, technique)”. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 5, pp. 159–167. (In Russ.).
28. Lyublinskii P.I. *Politseiskie sudy v Anglii: po povodu reformy mestnogo suda* [Police courts in England: concerning the reform of the local court]. Moscow, 1911. 70 p.
29. Lyublinskii P.I. *Ocherki ugolovnogo suda i nakazaniya v sovremennoi Anglii* [Essays on criminal justice and punishment in modern England]. Saint Petersburg, 1911. 715 p.
30. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Kn. 4. T. XIV–XVI* [Code of Laws of the Russian Empire. Book 4. Volumes XIV–XVI]. Ed. by Dobrovolskii A.A. Saint Petersburg, 1913. 1 594 p.
31. Murav'ev N.V. *Instruktsiya chinam politzii po obnaruzheniyu i issledovaniyu prestuplenii* [Instructions to police officers on the detection and investigation of crimes]. Saint Petersburg, 1904. 70 p.
32. *Kriminologiya* [Criminology]. Ed. by J.F. Shelley. Saint Petersburg, 2003. 864 p.
33. Frister G. *Ugolovnoe pravo Germanii* [Criminal law of Germany]. Moscow, 2013. 712 p.
34. Rossinskii B.V. *Razvitie sistemy gosudarstvennogo upravleniya. Vospominaniya i razmyshleniya administrativista: monogr.* [Development of the public administration system. Memoirs and reflections of an administrativist: monograph]. Moscow, 2025. 532 p.
35. Solovei Yu.P. On the criticism of some conceptual provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. In: *Aktual'nye problemy primeneniya Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Actual problems of the application of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation]. Omsk, 2004. 349 p.
36. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (general description of the problem). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 21–31. (In Russ.).
37. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (in-depth analysis of the problem). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 145–155. (In Russ.).
38. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (features of criminal prosecution of persons subject to administrative punishment for petty theft). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 297–310. (In Russ.).
39. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (systematic analysis of current official criminal policy and controversial judicial practice). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 411–427. (In Russ.).
40. Kolokolov N.A. *Sudebnaya vlast': o sushchem fenomene v logose* [Judicial power: on the essence of the phenomenon in logos]. Moscow, 2005. 560 p.
41. Kolokolov N.A. *O prave, sude i pravosudii (izbrannoe)* [On law, court and justice (selected works)]. Moscow, 2006. 687 p.
42. Kolokolov N.A. *Sudebnaya vlast': ot lozunga k ponimaniyu real'nosti* [Judicial power: from the slogan to understanding reality]. Moscow, 2010. 400 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ – доктор юридических наук, профессор, судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке, заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия, профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

NIKITA A. KOLOKOLOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in Honorable Retirement, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of A.S. Griboyedov Moscow University, professor at the Department of Theory and History of Government and Law of the Institute of Social Studies and Humanities of Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила 08.12.2025

Научная статья

УДК 342.95

doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.011

Совершенствование института дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХВологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Реферат

Введение: статья посвящена актуальным проблемам совершенствования правового регулирования дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы в общем контексте развития административно-правового института дисциплинарной ответственности в системе государственной службы Российской Федерации. *Целью* статьи является освещение теоретических и прикладных аспектов повышения эффективности института дисциплинарной ответственности в уголовно-исполнительной системе на современном этапе развития государственной службы в нашей стране, совершенствования системы исполнения уголовных наказаний, а также происходящих изменений в действующем законодательстве и правоприменительной практике. *Методологическую основу* работы образуют общенаучные и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, описательный, контент-анализа) методы познания правовой действительности. Обосновываются выводы о том, что в настоящее время теория дисциплинарной ответственности находится в стадии становления. Дисциплинарная ответственность должна рассматриваться не просто как способ наказания, а как инструмент для улучшения работы и развития всего коллектива сотрудников. Современные подходы к управлению подчеркивают важность мотивации, доверия и уважения в коллективе. В этом контексте дисциплинарные наказания должны служить обратной связью, помогающей сотрудникам расти профессионально, формировать правильные ценности и чувствовать себя частью команды. В этой связи применительно к деятельности ФСИН России требуется не просто детализация административных процедур в сфере дисциплинарной ответственности сотрудников, но и пересмотр ее содержания и оснований, в том числе в области отграничения дисциплинарных проступков от административных правонарушений, определения и дифференциации видов дисциплинарных взысканий с учетом тяжести вины, разработки перечня типичных дисциплинарных проступков и соответствующих им взысканий с учетом их общественной вредности и т. д. *Выводы:* совершенствование правового регулирования института дисциплинарной ответственности в уголовно-исполнительной системе возможно на основе принятия единого нормативного правового акта о дисциплинарной ответственности государственных служащих государственной службы в правоохранительной сфере (службы иных видов) – Дисциплинарного кодекса государственной правоохранительной службы Российской Федерации. Подобное законодательное решение обусловлено давно назревшей потребностью возвращения к идее принятия единого федерального закона «О государственной правоохранительной службе Российской Федерации» и необходимостью стандартизации ведомственного регулирования в сфере государственной службы.

Ключевые слова: служебная дисциплина; дисциплинарная ответственность; дисциплинарные взыскания; уголовно-исполнительная система.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Нагорных Р. В. Совершенствование института дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 91–97. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.011.

Improving the Institution of Disciplinary Liability of Penal System Employees: Theoretical and Applied Aspects

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Abstract

Introduction: the article is devoted to topical issues of improving legal regulation of disciplinary liability of penal system employees in the general context of the development of the administrative and legal institution of disciplinary responsibility in the civil service system of the Russian Federation. The *purpose* of the article is to highlight theoretical and applied aspects of enhancing the institution of disciplinary liability in the penal system at the current stage of the civil service development in our country, improving the system of execution of criminal penalties, as well as current changes in legislation and law enforcement practice. The *methodological basis* of the work is formed by general scientific and private scientific (historical-legal, comparative-legal, descriptive, content-analysis) methods of cognition of legal reality. *Conclusions:* the theory of disciplinary liability has been formed. Disciplinary liability should be considered not just as a method of punishment, but as a tool for improving the work and development of the entire team of employees. Modern management approaches emphasize the importance of motivation, trust and respect in the team. In this context, disciplinary procedures should serve as feedback to help employees grow professionally, form the right values, and feel like part of a team. In this regard, in relation to activities of the penal system, it is necessary not only to detail administrative procedures in the field of disciplinary responsibility of the personnel, but also to review its content and grounds, including in the field of distinguishing disciplinary offenses from administrative offenses, defining and differentiating types of disciplinary penalties taking into account the severity of guilt, developing a list of typical disciplinary offenses and their corresponding penalties with regard to their social harmfulness, etc. The *scientific and practical significance* of the work consists in substantiating the provisions that the improvement of legal regulation of the institution of disciplinary liability in the penal system is possible on the basis of the adoption of a single normative legal act on disciplinary liability of civil servants of the civil service in the law enforcement sphere (other types of service) – the Disciplinary Code of the State Law Enforcement Service of the Russian Federation. Such a legislative decision is due to the long-overdue need to return to the idea of adopting a single federal law on the state law enforcement service of the Russian Federation and the need to standardize departmental regulation in the field of public service.

Keywords: service discipline; disciplinary liability; disciplinary penalties; penal system.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Nagornikh R.V. Improving the institution of disciplinary liability of penal system employees: theoretical and applied aspects. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 91–97. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.011.

Введение

Дисциплинарная ответственность является разновидностью административной ответственности и применяется в различных системах социального управления. В широком значении дисциплина рассматривается как установленный правовыми нормами и иными социальными регуляторами порядок поведения членов организованных коллективов (служащих, работников), а также их обязанность подчинения установленным требованиям и добросовестное выполнение служебных или трудовых функций [1, с. 42]. Применительно к государственной службе дисциплинарная ответственность обычно понимается как особое административно-правовое средство принуждения, применяемое носителями дисципли-

нарной власти (уполномоченными должностными лицами или органами) к нарушителям за дисциплинарные проступки.

В отечественной науке административного права советского периода дисциплинарную ответственность рассматривали в общем контексте механизма административно-правового принуждения в качестве предусмотренного правовой нормой правового состояния, которое наступает вследствие совершенного дисциплинарного проступка или иного правонарушения [2, с. 150]. Так, например, В. М. Манохин полагал, что государственная дисциплина – это «точное и неуклонное выполнение государственными организациями, рабочими и служащими, общественными организациями и гражданами установленных госу-

дарством правил и конкретных предписаний по практическому осуществлению государственных полномочий» [3, с. 11].

В зарубежных странах дисциплинарную ответственность обычно включают в институты, которые регулируют отношения, связанные с нарушением трудовой или служебной дисциплины, и предусматривают внесудебные санкции за проступки. Например, в европейских национальных правовых системах к пониманию дисциплинарной ответственности государственных служащих подходят дифференцированно, исходя из сложившихся правовых традиций национальных государств. Однако в целом ответственность государственных служащих обычно применяется в трех основных вариантах: гражданско-правовом, уголовно-правовом и собственно административно-правовом (дисциплинарном) порядках [4, с. 14]. Эти варианты и составляют так называемую триаду ответственности.

Во-первых, гражданская ответственность государственных служащих представляет собой вид ответственности, который носит компенсационный характер: государственные служащие несут ответственность за ущерб, причиненный при исполнении служебных обязанностей, предусматривающую восстановление статус-кво и устранение причиненного ущерба. Пределы этой гражданской ответственности могут различаться. Государственные служащие обычно несут ответственность за ущерб, непосредственно причиненный их работодателям, но они могут нести ответственности за ущерб, причиненный гражданам, за исключением случаев умысла или неосторожности.

Во-вторых, национальное уголовное законодательство европейских государств также предусматривает составы преступлений, которые могут быть совершены только государственными служащими или должностными лицами, а не обычными гражданами (например, пытки) [5, с. 188]. Они также могут включать некоторые другие преступления, которые могут быть совершены любым лицом, но предусматривают более суровые взыскания для государственных служащих, совершивших их.

Наконец, национальное законодательство о государственной службе предоставляет государственным органам возможность применять дисциплинарные меры в ответ на проступки со стороны своих сотрудников, которые влияют на качество исполнения персоналом своих профессиональных обязанностей [6, с. 502].

В целом дисциплинарная ответственность за рубежом представляет собой достаточно динамичное правовое явление, основанное на национальных традициях и предпочтениях. Однако во всех системах в качестве основной цели применения дисциплинарного принуждения всегда выступает защита публично-правовых интересов и обеспечение надлежащего порядка публичного управления.

Содержание дисциплинарной ответственности

В современных работах отечественных авторов просматриваются определенные эволюционные трансформации в области понимания дисциплинарной ответственности как социально-правового фе-

номена, связанного не только с применением дисциплинарной санкции, но и предусматривающего существенные гарантии лицам, привлекаемым к данному виду ответственности, а также правовые ограничения в отношении носителей дисциплинарной власти. Дисциплинарная ответственность из сугубо принудительного правового средства постепенно «дрейфует» в сторону усиления гарантированности и защиты прав лиц, привлекаемых к дисциплинарной ответственности, в ней все более просматриваются гарантийные и ограничительные компоненты. К ограничителям избыточной административной дискреции следует отнести обстоятельства, исключающие возможность привлечения к дисциплинарной ответственности, установление закрытого перечня видов дисциплинарных взысканий, наложение на должностных лиц служебных или трудовых коллективов обязанности неукоснительного соблюдения сроков и процедур применения дисциплинарного взыскания и т. п. Особое внимание в исследованиях уделяется характеристике принципов дисциплинарной ответственности: законности, равенства всех перед законом, индивидуализации ответственности и наказания, справедливости, целесообразности, недопустимости двойной ответственности, неотвратимости ответственности и виновности [7, с. 144].

Современный российский правовой институт дисциплинарной ответственности развивается как комплексный и межотраслевой [8, с. 52], что вызывает объективные трудности его теоретического осмысления и практического применения. Социально-правовое явление дисциплинарной ответственности состоит в наличии в нем определенного внутреннего противоречия, которое обусловлено, с одной стороны, необходимостью поддержания внутреннего порядка и обеспечения эффективности функционирования организационных структур (организаций), а с другой – необходимостью неукоснительного соблюдения и уважения прав и свобод личности, чести и достоинства индивидов, осуществляющих служебную, производственную и иную деятельность в этих структурах. В этой связи дисциплинарная ответственность является не только инструментом поддержания внутреннего порядка в организации, но и средством разрешения внутренних социально-психологических противоречий, возникающих в рамках служебных отношений. Более того, дисциплина является важным средством воспитательного воздействия в отношении членов служебных или трудовых коллективов, в рамках которого ее внешний аспект обязательного соблюдения внутреннего порядка дополняется и внутренним «субъективным элементом – воспитания и обучения личности» [9, с. 19].

Предмет правового регулирования дисциплинарной ответственности и его содержание включают следующие группы (подсистемы) общественных отношений:

- регулируемую, связанную с построением оптимальных механизмов внутриорганизационной деятельности, а также созданием предсказуемой и справедливой системы дисциплинарных санкций;
- охранительную, связанную с обеспечением устойчивости служебных отношений, защиты слу-

жебных отношений от конфликта интересов, различных форм недобросовестного исполнения служебных обязанностей и служебной дискриминации;

- воспитательную, связанную с формированием у сотрудников высоких морально-нравственных стандартов служебного поведения;

- профилактическую, связанную с профилактикой дисциплинарных проступков.

Объектом служебной дисциплины выступают специфические общественные отношения, складывающиеся в области реализации и защиты определенной совокупности служебных, профессиональных или корпоративных интересов, поддержание которых гарантирует эффективное функционирование служебного или трудового коллектива. В свою очередь, объектом дисциплинарной ответственности выступают правоотношения в сфере защиты от посягательств на отношения в области служебной дисциплины. Предметом же дисциплинарной ответственности выступают дисциплинарные проступки, посягающие на внутренний порядок организации, нормальное осуществление служебной деятельности, морально-нравственные требования к служебному поведению и т. д.

В ряде работ последнего времени высказывается точка зрения о расширении предметной области дисциплинарной ответственности за счет включения в нее нарушений, совершаемых служащими вне пределов служебной деятельности, то есть в свободное от несения службы время, которые, однако, могут повлиять на общественное мнение либо оказать иное негативное влияние на основную служебную деятельность. Так, например, Е. Г. Беляева предлагает понимать под служебной дисциплиной в органах внутренних дел «соблюдение сотрудником требований законодательства Российской Федерации при выполнении служебных обязанностей, в том числе во внеслужебное время, включающих в себя соблюдение нравственных и этических норм поведения, в том числе и в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)» [10, с. 12].

В целом авторы сходятся на понимании дисциплинарной ответственности как сложного социально-правового явления. В этой связи заслуживает положительной оценки точка зрения Э. Л. Лещины, по справедливому утверждению которого дисциплинарная ответственность:

- является охранительным правоотношением;

- является отражением потребности государства в лице нанимателя в защите внешневластных и внутриорганизационных отношений от дисциплинарных проступков;

- выступает видом дисциплинарного принуждения в рамках внутриорганизационных служебных правоотношений;

- является одним из основных правовых средств обеспечения добросовестного выполнения служебных обязанностей, недопущения нарушений дисциплины, соблюдения запретов и ограничений;

- в содержательном плане состоит в установлении и применении мер дисциплинарного взыскания за совершенные дисциплинарные (в некоторых случаях за административные правонарушения) проступки;

- при наложении взыскания в письменном акте реализуется в процессуальной форме;

- образует полное претерпевание предусмотренных законом неблагоприятных последствий, обусловленных противоправным виновным совершением проступка членом служебного коллектива [11, с. 55].

Структура дисциплинарной ответственности

Институт дисциплинарной ответственности имеет сложную внутреннюю структуру, в которой возможно выделить основания, субъекты, содержание и процессуальный порядок реализации.

Основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности является дисциплинарный проступок, то есть виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, несоблюдение требований законодательных и нормативных правовых актов, приказов, инструкций, требований присяги и т. п. В соответствии с законодательством о государственной службе в правоохранительных органах исполнительной власти дисциплинарные взыскания могут налагаться только на сотрудников, виновных в совершении дисциплинарного проступка или административного правонарушения, за которое предусмотрена дисциплинарная ответственность (ст. 49 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 11.12.2024) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"»). Как отмечается в специальной литературе, признак виновности в рамках дисциплинарной ответственности означает психическое отношение лица к содеянному и его последствиям, которое может проявляться в форме умысла или неосторожности. До тех пор пока не будет установлена вина сотрудника, он считается невиновным [12]. Как правило, при определении вида дисциплинарного взыскания учитываются характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, прежнее поведение сотрудника, совершившего проступок, признание им своей вины и другие обстоятельства.

Дисциплинарная ответственность государственных служащих в большем объеме относима к сфере публичного регулирования. Это обуславливается тем обстоятельством, что всегда участником дисциплинарного правоотношения выступает властный субъект публичной администрации, обладающий дисциплинарными полномочиями. Противоположной, но также обязательной стороной дисциплинарного правоотношения является лицо, совершившее дисциплинарный проступок. Стороной в сфере государственной службы выступает всегда также участник публичного правоотношения – государственный служащий. В то же время ситуация может быть и иной, если речь идет о дисциплинарной ответственности в трудовых коллективах или в коллективах осужденных уже в условиях применения дисциплинарной ответственности в трудовых и уголовно-исполнительных правоотношениях. Во всех случаях суть дисциплинарной ответственности заключается в применении мер воздействия, направленных на исправление по-

ведения, поддержание порядка и предотвращение повторных нарушений со стороны постоянных членов устойчивых организованных коллективов людей.

Процесс привлечения к дисциплинарной ответственности в уголовно-исполнительной системе строго регламентирован действующим законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами. Он включает в себя этапы установления факта нарушения, получения объяснений от сотрудника, принятия решений, их оформления, уведомления заинтересованных сторон и предоставления возможности обжалования, а также процедуры фактического исполнения дисциплинарных взысканий. При этом одним из направлений дальнейшего совершенствования института дисциплинарной ответственности следует рассматривать определение фактических границ дисциплинарной власти руководителя, поэтому законодательство и внутренние нормативные акты должны четко определить основания и порядок применения дисциплинарных взысканий, включая перечень мер, процедуру наложения, сроки и гарантии сотрудников.

Сотрудник должен обладать абсолютным правом на обжалование дисциплинарного взыскания посредством обращения к вышестоящему руководству, в комиссию по трудовым спорам или суд. И эти механизмы судебного и внесудебного обжалования действий администрации должны не только защитить права служащего, но и побудить администрацию к объективному рассмотрению дисциплинарных проступков.

Направления совершенствования дисциплинарной ответственности

Современные подходы к дисциплинарной ответственности включают в себя интеграцию новых методов управления и правовых технологий, таких как медиация, альтернативное разрешение конфликтов, восстановительные практики, электронные системы контроля и т.п. Это направлено на повышение эффективности, прозрачности, снижение конфликтности и формирование положительного имиджа организации. Кроме того, актуальным направлением является исследование соответствия дисциплинарной ответственности принципам справедливости и гуманизма [13, с. 80].

При наложении дисциплинарных взысканий важно учитывать не только наличие формального нарушения правил и предписаний, но и тяжесть самого проступка. Решение о наложении дисциплинарного взыскания должно учитывать конкретные обстоятельства, прошлые заслуги сотрудника, его намерения и возможность исправить ситуацию. Это требует от руководства высокой квалификации, умения оценивать ситуацию объективно и принимать взвешенные решения.

Дисциплинарная ответственность представляет собой ответственность за действия работника или отдельного лица, нарушающие правила или обязанности, которые могут повлечь за собой санкции со стороны работодателя или органа власти. Эта концепция предполагает применение работодателем (или другим органом власти) санкций за дисциплинарный проступок, которые, с одной стороны, являются реакцией администрации на противоправное деяние, а с другой – служат средством исправления поведения, поддержания порядка и обеспечения от-

ветственности в рамках правовых или организационных норм. Это правовая концепция носит междисциплинарный характер и основана на нормах трудового и административного законодательства.

Дальнейшее развитие института дисциплинарной ответственности должно быть связано с ее пониманием не просто как способа кары за дисциплинарные проступки, но, прежде всего, как организационно-правового инструмента улучшения служебной деятельности и поддержания высокого уровня морально-психологического состояния коллектива сотрудников, повышения уровня позитивной мотивации служебной деятельности, взаимного доверия и уважения в коллективе. В этом контексте дисциплинарные меры могут играть роль инструмента обратной связи в служебном коллективе.

Особенности дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы

Особое значение дисциплинарная ответственность занимает в системе служебных отношений в органах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания. Специфика выполняемых функций, высокая степень риска и необходимость строгого соблюдения режима служебной деятельности обуславливают особые требования к состоянию внутриорганизационной деятельности и, прежде всего, к качеству кадрового состава пенитенциарных учреждений.

В этой связи совершенствование нормативного правового регулирования института дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы следует рассматривать в общем контексте модернизации законодательства о государственной службе и кадровой политики государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний [14, с. 792]. В теоретическом плане дисциплинарная ответственность в уголовно-исполнительной системе выражается в форме официального порицания сотрудника со стороны руководства органов или учреждений, исполняющих уголовные наказания, реализуемая путем применения к нему мер взыскания морального, материального или организационного характера.

В то же время анализ института дисциплинарной ответственности обнаруживает проблему фактического несоответствия между законодательно закрепленными нормами и реальным осуществлением дисциплинарных процедур. Например, А. М. Колосков обращает внимание на то, что «дисциплинарное производство не может рассматриваться в отрыве от самой дисциплинарной ответственности: первое становится условием для проявления второй» [15, с. 11]. При этом характерной особенностью применения дисциплинарных производств является их превентивная направленность. Основная цель заключается не столько в применении мер наказания, сколько в формировании у сотрудников социально ожидаемых стандартов поведения и установлении прочной дисциплины как в штатных, так и кризисных ситуациях.

Следует констатировать, что существующая в законодательстве правовая конструкция дисциплинарного производства далека от идеала, многие существенные аспекты дисциплинарного производства оставлены на усмотрение должностных

лиц, что чревато применением избыточного административного усмотрения, а в итоге приводит к административному произволу и нарушению баланса между задачами службы и социальной справедливостью [16, с. 29]. В этой связи требуются не просто детализация административных процедур в сфере дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы, но и пересмотр ее содержания и оснований, в том числе отграничение дисциплинарных проступков от административных правонарушений, определение и дифференциация видов дисциплинарных взысканий с учетом тяжести вины, разработка перечня типичных дисциплинарных проступков и соответствующих им взысканий с учетом их общественной вредности и т. д. В то же время очевиден тот факт, что решение такой сложной задачи невозможно в рамках одного ведомства. Необходим комплексный подход в области гармонизации законодательства в сфере общей административной ответственности и ответственности дисциплинарной в системе государственной службы.

Одним из возможных вариантов решения этой проблемы следует считать принятие единого законодательного кодифицированного нормативного акта в области дисциплинарной ответственности государственных служащих так называемых иных видов государственной службы, правильнее сказать – государственных служащих государственной службы в правоохранительной сфере (правоохранительной службы) [17, с. 139]. Подобное законодательное решение обусловлено давно назревшей потребностью возвращения к идее принятия единого федерального закона «О государственной правоохранительной службе Российской Федерации» и необходимостью стандартизации ведомственного регулирования в сфере государственной службы иных видов.

Результаты

В качестве приоритетного направления совершенствования института дисциплинарной ответственности следует рассматривать принятие единого нормативного правового акта о дисциплинарной ответственности государственных служащих государственной службы в правоохранительной сфере (службы иных видов) – Дисциплинарного кодекса государственной правоохранительной службы Российской Федерации, в котором необходимо:

- установить единый подход к организации дисциплинарной практики во всей системе государственной службы, в том числе в государственной службе иных видов и государственной службе в уголовно-исполнительной системе, в частности;

- определить и дифференцировать виды дисциплинарных проступков и дисциплинарных взысканий за их совершение с учетом тяжести вины;

- ввести дифференцированную ответственность за незначительные дисциплинарные проступки, грубые дисциплинарные проступки, нарушение служебной этики и др.;

- утвердить составы типичных дисциплинарных проступков и соответствующих им взысканий с учетом их общественной вредности (опасности) деяний, кратности, иных отягчающих и смягчающих вину обстоятельств;

- закрепить исчерпывающий перечень дополнительных мер дисциплинарного воздействия, которые могут применяться к государственному служащему в случае наложения на него основного дисциплинарного взыскания;

- систематизировать административно-процессуальные нормы в сфере производства по делам о дисциплинарных проступках и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адушкин Ю. С. Дисциплинарное производство в СССР / под ред. В. М. Манохина. Саратов, 1986. 128 с.
2. Рахлин З. М., Манохин В. М. Государственная дисциплина в народном хозяйстве // Советское государство и право. 1971. № 11. С. 149–151.
3. Манохин В. М. Государственная дисциплина в народном хозяйстве. М., 1970. 206 с.
4. Sommermann K.-P., Krzywoń A., Fraenkel-Haeblerle C. The Civil Service in Europe: A Research Companion. 1st ed. 2025. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/oa-edit/10.4324/9781003458333-1/introduction-karl-peter-sommermann-adam-krzywoń-cristina-fraenkel-haeblerle> (дата обращения: 14.03.2026).
5. Житков А. А., Мельникова Н. А. Коррупция: понятие, виды и формы. Коррупционные преступления в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и их предупреждение. Конфликт интересов государственного служащего в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Профессиональное обучение граждан, впервые принятых на службу в уголовно-исполнительную систему Российской Федерации : учеб. пособие : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. И. А. Янчука. Вологда, 2021. Т. 1. С. 183–217.
6. Bueno-Armijo A. The Disciplinary Responsibility of Civil Servants. European Minimum Standards // The Civil Service in Europe. 2025. Pp. 497–516. URL: https://www.researchgate.net/publication/388193326_The_Disciplinary_Responsibility_of_Civil_Servants (дата обращения: 14.03.2026).
7. Добробаба М. Б. Принципы дисциплинарной ответственности государственных служащих: конституционные основы и проблемы реализации в нормах служебного права // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2 (40). С. 131–145.
8. Нагорных Р. В. О целях систематизации административного права и законодательства в условиях реализации доктрины административного конституционализма в современной России // Юридический мир. 2021. № 6. С. 50–54.
9. Добробаба М. Б. Дисциплинарная ответственность: правовые механизмы обеспечения эффективности в системе государственной службы: проблемы формирования. М., 2023. 352 с.
10. Беляева Е. Г. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2023. 266 с.
11. Лещина Э. Л. Дисциплинарная ответственность в системе государственной службы Российской Федерации. М., 2026. 211 с.
12. Малыгина Т. А. К вопросу о принципах дисциплинарного производства, осуществляемого в органах внутренних дел // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2015. Т. 25, № 4. С. 120–126.

13. Оботурова Н. С. Проблема духовной безопасности современного общества // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 80–86.
14. Нагорных Р. В., Васильева Я. В., Мельникова Н. А. Проблемы модернизации кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях становления доктрины административного конституционализма в современной России // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 4 (56). С. 791–801.
15. Колосков А. М. Некоторые вопросы совершенствования правового регулирования дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 3. С. 9–11.
16. Гришкoveц А. А. Соотношение административного и дисциплинарного принуждения на службе в органах внутренних дел // Современное право. 2024. № 11. С. 22–33.
17. Нагорных Р. В. Государственная служба Российской Федерации в правоохранительной сфере: проблемы теории и практики административно-правового регулирования. М., 2018. 190 с.

REFERENCES

1. Adushkin Yu.S. *Distsiplinarnoe proizvodstvo v SSSR* [Disciplinary proceedings in the USSR]. Ed. by Manokhin V.M. Saratov, 1986. 128 p.
2. Rakhlin Z.M. Manokhin V.M. State discipline in the national economy. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1971, no. 11, pp. 149–151. (In Russ.).
3. Manokhin V.M. *Gosudarstvennaya distsiplina v narodnom khozyaistve* [State discipline in the national economy]. Moscow, 1970. 206 p.
4. Sommermann K.-P., Krzywoń A., Fraenkel-Haeberle C. *The civil service in Europe: a research companion*. 2025. Available at: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/oa-edit/10.4324/9781003458333-1/introduction-karl-peter-sommermann-adam-krzywoń-cristina-fraenkel-haeberle> (accessed March 14, 2026).
5. Zhitkov A.A., Mel'nikova N.A. Corruption: concept, types and forms. Corruption crimes in institutions and bodies of the penal system and their prevention. Conflict of interests of a civil servant in institutions and bodies of the penal system. In: Yanchuk I.A. (Ed.). *Professional'noe obuchenie grazhdan, vperve prinyatykh na sluzhbu v ugovolno-ispolnitel'nyuyu sistemu Rossiiskoi Federatsii: uchebnoe posobie: v dvukh tomakh. Tom 1* [Professional training of citizens who were first recruited to the penal system of the Russian Federation: textbook: in two volumes. Volume 1]. Vologda, 2021. Pp. 183–217. (In Russ.).
6. Bueno-Armijo A. The disciplinary responsibility of civil servants. European Minimum Standards. *The Civil Service in Europe*, pp. 497–516. Available at: https://www.researchgate.net/publication/388193326_The_Disciplinary_Responsibility_of_Civil_Servants (accessed November 25, 2025).
7. Dobrobaba M.B. Principles of disciplinary responsibility of public servants: constitutional bases and problems of realization in norms of the service law. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2015, no. 2 (40), pp. 131–145. (In Russ.).
8. Nagornykh R.V. On aims of systematization of administrative law and legislation in the conditions of the implementation of the administrative constitutionalism doctrine in the modern Russia. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2021, no. 6, pp. 50–54. (In Russ.).
9. Dobrobaba M.B. *Distsiplinarnaya otvetstvennost': pravovye mekhanizmy obespecheniya ehffektivnosti v sisteme gosudarstvennoi sluzhby: problemy formirovaniya: monographiya* [Disciplinary liability: legal mechanisms for ensuring efficiency in the public service system: problems of formation]. Moscow, 2023. 352 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/product/1983245> (accessed November 10, 2025).
10. Belyaeva E.G. *Distsiplinarnaya otvetstvennost' sotrudnikov organov vnutrennikh del: dis. ... kand. yurid. nauk* [Disciplinary liability of employees of internal affairs bodies: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Kursk, 2023. 266 p.
11. Leshchina E.L. *Distsiplinarnaya otvetstvennost' v sisteme gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii* [Disciplinary liability in the civil service system of the Russian Federation]. Moscow, 2026. 211 p. (In Russ.).
12. Mal'ykhina T.A. On the principles of disciplinary proceedings conducted in the bodies of internal affairs. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ehkonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law*, 2015, vol. 25, no. 4, pp. 120–126. (In Russ.).
13. Oboturova N.S. The problem of spiritual security of modern society. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 80–86. (In Russ.).
14. Nagornykh R.V. *Gosudarstvennaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii v pravookhranitel'noi sfere: problemy teorii i praktiki administrativno-pravovogo regulirovaniya* [State service of the Russian Federation in the law enforcement sphere: problems of theory and practice of administrative and legal regulation]. Moscow, 2018. 190 p.
15. Koloskov A.M. Some issues of improving the legal regulation of disciplinary liability of employees of the penal enforcement system. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ehkonomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management*, 2008, no. 3, pp. 9–11. (In Russ.).
16. Grishkovets A.A. Foreign e-voting platforms and the risks of losing the digital sovereignty of states. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2024, no. 11, pp. 22–33. (In Russ.).
17. Nagornykh R.V., Vasil'eva Ya.V., Mel'nikova N.A. Modernization issues of staffing the penal enforcement system in the context of formation of an administrative constitutionalism doctrine in modern Russia. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 791–801. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Статья поступила 03.12.2025

Научная статья

УДК 159.9.072:343.8

doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.012

Анализ феномена посттравматического роста в местах лишения свободы: теоретические основания и практические импликации

РОБЕРТ РАФАИЛЕВИЧ ИСКАНДАРОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
dr.iskandarov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7277-7693>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию парадоксального феномена посттравматического роста (ПТР) у осужденных, проявляющегося в позитивных психологических трансформациях вопреки хроническому стрессу, травматизации и депривации, характерным для пенитенциарных учреждений. Актуальность работы обусловлена высокой распространенностью психических расстройств среди заключенных, доказанной связью ПТР со снижением риска рецидивизма и необходимостью перехода от исключительно патоцентрической модели к реабилитации, ориентированной на потенциал роста. *Методы:* исследование основано на критическом анализе и синтезе современных научных данных из клинической психологии, нейронаук, криминологии и философии. Применен междисциплинарный подход для изучения механизмов ПТР (конструктивная руминация, экзистенциальный поиск смысла, нейропластичность), ключевых условий его возникновения (качество отношений «сотрудник – осужденный») и практических аспектов внедрения. Также рассматриваются специфические методологические и этические вызовы исследований в местах лишения свободы, включая риск адаптивного конформизма в ответах осужденных, влияние нейрокогнитивных дефицитов и опасность инструментализации концепции ПТР. *Результаты:* основные результаты включают выявление механизмов ПТР: адаптивные нейробиологические изменения и когнитивно-экзистенциальные процессы (воля к смыслу по В. Франклу, рефлексия в «пограничных ситуациях» по К. Ясперсу), которые сохраняют потенциал даже в условиях пенитенциарного стресса. Ключевым условием, способствующим ПТР, является качество отношений с сотрудниками, основанных на эмпатии и поддержке, наряду с доступом к психотерапии, образованию и социальному моделированию. Практический эффект ПТР-ориентированных программ (нарративная терапия, логотерапия, восстановительное правосудие, травмоинформированный подход) проявляется в снижении рецидивизма, улучшении психологического благополучия осужденных и их успешной реинтеграции после освобождения. *Выводы:* в работе подтверждается диалектическая природа ПТР в местах лишения свободы, где страдание и рост могут сосуществовать. Подчеркивается, что ПТР является не прямым следствием заключения, а результатом осмысленного ответа личности на экстремальные обстоятельства через реализацию внутренней свободы выбора. Вместе с тем авторы предупреждают о серьезных рисках: романтизации страдания, инструментализации ПТР администрацией как инструмента дисциплинарного контроля («дисциплинарная власть» по М. Фуко) и размывании грани между подлинной трансформацией и адаптивным конформизмом. Для эффективной реализации ПТР-ориентированной реабилитации необходимы системная перестройка пенитенциарных учреждений (создание безопасной поддерживающей среды), обеспечение непрерывной постпенитенциарной поддержки, культурная адаптация программ и разработка строгих этических протоколов для предотвращения злоупотреблений. Интеграция концепции ПТР рассматривается как важный шаг к гуманизации пенитенциарных систем.

Ключевые слова: посттравматический рост; осужденные; пенитенциарная система; адаптация; реабилитация; ресоциализация.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Искандаров Р. Р. Анализ феномена посттравматического роста в местах лишения свободы: теоретические основания и практические импликации // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 98–107. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.012.

Original article

Analysis of the Phenomenon of Post-Traumatic Growth in Places of Detention: Theoretical Foundations and Practical Implications

ROBERT R. ISKANDAROV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dr.iskandarov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7277-7693>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of a paradoxical phenomenon of posttraumatic growth (PTG) in convicts manifested in positive psychological transformations despite chronic stress, traumatization and deprivation typical of penitentiary institutions. The relevance of the work is due to high prevalence of mental disorders among prisoners, proven correlation between PTG and reduced recidivism risks and the need to move from an exclusively pathocentric model to rehabilitation focused on growth potential. *Methods:* the study is based on critical analysis and synthesis of modern scientific data from clinical psychology, neuroscience, criminology and philosophy. An interdisciplinary approach is used to study PTG mechanisms (constructive rumination, existential search for meaning, neuroplasticity), key conditions for its occurrence (the quality of “employee-convict” relations) and practical implementation aspects. Specific methodological and ethical challenges of research in places of deprivation of liberty (PLD) are also considered, including risks of adaptive conformism in the responses of prisoners, influence of neurocognitive deficits and risks of instrumentalization of the concept of PTG. *Results:* crucial main results include identification of the following PTG mechanisms: adaptive neurobiological changes and cognitive-existential processes (the will to meaning according to V. Frankl, reflection in “borderline situations” according to K. Jaspers). They retain potential even under conditions of penitentiary stress. Key conditions contributing to PTG are the quality of relationships with staff based on empathy and support and the access to psychotherapy, education and prosocial modeling. The practical effect of PTG-based programs (narrative therapy, logotherapy, restorative justice, trauma-informed approach) is manifested in decreased recidivism rates, improved psychological well-being of prisoners and their successful reintegration after release. *Discussion:* the paper confirms the dialectical nature of PTG in PLD, where suffering and growth can coexist. It is emphasized that PTG is not a direct consequence of imprisonment, but the result of a meaningful response of the individual to extreme circumstances through the implementation of internal freedom of choice. At the same time, the authors warn of serious risks: romanticization of suffering, instrumentalization of PTG by the administration as a means of disciplinary control (“disciplinary power” according to M. Foucault) and blurring the line between genuine transformation and adaptive conformism. For the effective implementation of PTG-based rehabilitation, it is necessary to systemically restructure penitentiary institutions (create a safe, supportive environment), ensure continuous post-penitentiary support, culturally adapt programs and develop strict ethical protocols to prevent abuse. The integration of the PTG concept is considered an important step towards humanization of penitentiary systems.

Keywords: post-traumatic growth; convicts; penitentiary system; adaptation; rehabilitation; resocialization.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Iskandarov R.R. Analysis of the phenomenon of post-traumatic growth in places of detention: theoretical foundations and practical implications. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 98–107. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.012.

Введение

Пенитенциарная среда демонстрирует инте-ресный парадокс: будучи источником хронического

стресса, деприваций и системного насилия, она од-новременно может катализировать глубокие позитивные личностные трансформации у части осужден-

ных – феномен, известный как посттравматический рост (ПТР). Концептуализированный в середине 1990-х гг. Р. Тедески и Л. Кэлхуном ПТР определяется как позитивные психологические изменения, возникающие в процессе борьбы с экстремальными жизненными обстоятельствами, выходящие за рамки прежнего уровня адаптации [1; 2]. Актуальность изучения данного явления в контексте лишения свободы обусловлена тремя взаимосвязанными аспектами. Во-первых, высокая распространенность психических расстройств среди осужденных (до 60 % имеют травматический опыт) требует альтернатив исключительно патоцентрическому подходу [3–5]. Во-вторых, эмпирические данные свидетельствуют о связи переживания ПТР с формированием просоциальной идентичности, изменением жизненных целей и снижением риска рецидивизма [6; 7]. В-третьих, исследование ПТР по своей сути является междисциплинарной задачей, интегрирующей клиническую психологию, нейронауку, философию и пенитенциарную криминологию [8]. Настоящий обзор ставит целью критический анализ современных представлений о механизмах, условиях и практических импликациях ПТР у осужденных, уделяя особое внимание диалектике между травмирующим потенциалом тюремной системы и способностью человека к экзистенциальной трансформации в условиях несвободы.

Теоретические основы ПТР: когнитивно-экзистенциальная интеграция

Теоретической основой понимания ПТР служит когнитивно-экзистенциальная модель Тедески – Кэлхуна, согласно которой рост возникает как результат интенсивной когнитивной переработки опыта, разрушающего базовые схемы индивида о себе, мире и будущем [1; 9]. Центральным механизмом выступает руминация – навязчивое прокручивание травматических воспоминаний. Однако ее роль амбивалентна: интрузивная руминация усугубляет дистресс и коррелирует с ПТСР, тогда как целенаправленная, конструктивная руминация, ориентированная на поиск смысла, становится основой позитивных трансформаций [10; 11]. Ключевое отличие ПТР от резильентности или копинга заключается в его трансформативной природе – качественном скачке к новым формам психологической зрелости [12]. Эта трансформация проявляется в улучшении межличностных отношений, открытии новых возможностей, усилении личностной силы, духовных изменениях и углублении жизненной философии. Важно подчеркнуть, что ПТР не отрицает страдания; личностная трансформация и психопатология часто сосуществуют, отражая диалектическую природу реакции на травму [13; 14].

Экзистенциальная перспектива, развитая В. Франклом, обогащает понимание ПТР в пенитенциарном контексте [15]. Его концепция «воли к смыслу» подчеркивает, что в условиях предельного ограничения внешней свободы внутренняя свобода выбора отношения к обстоятельствам и поиска смысла в страдании становится основой человеческого достоинства. Для многих осужденных тюремное за-

ключение трансформируется в пространство экзистенциального кризиса (пограничную ситуацию по К. Ясперсу), где переосмысление вины и ответственности открывает возможность для морального возрождения [16; 17]. Современные нейробиологические исследования выявляют материальный субстрат ПТР в виде структурных и функциональных изменений мозга (адаптивная нейропластичность), включая модуляцию активности префронтальной коры (ПФК), миндалевидного тела, гиппокампа, а также нейрохимических систем (BDNF, ГГН-ось) [18–20]. Таким образом, ПТР предстает как интегративный процесс, объединяющий когнитивную переработку, экзистенциальный выбор и нейробиологическую адаптацию.

Нейробиологические корреляты посттравматического роста в условиях пенитенциарного стресса

Нейробиологические исследования выявляют сложные механизмы, позволяющие осужденным демонстрировать ПТР вопреки хроническому стрессу мест лишения свободы. Ключевое значение имеют адаптивные изменения в префронтальной коре (ПФК) – области мозга, ответственной за регуляцию эмоций, когнитивный контроль и переоценку травматического опыта [12]. У лиц с выраженным ПТР отмечается усиление функциональных связей между ПФК и лимбическими структурами (миндалевидное тело, гиппокамп), что способствует снижению импульсивности и формированию осмысленных жизненных стратегий [19].

Критическую роль играют нейрохимические системы. Мозговой нейротрофический фактор (BDNF), поддерживающий нейропластичность и обучение, повышается при участии в психотерапевтических и образовательных программах [20]. Дисрегуляция гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой (ГГН) оси, характерная для хронического тюремного стресса, может компенсироваться через стабилизацию среды: эмпатичные отношения с персоналом и снижение ретравматизации способствуют нормализации уровня кортизола [2; 21].

Диалектика ПТР и психопатологии подтверждается нейробиологически: умеренные симптомы ПТСР (интрузивные воспоминания, гипервозбуждение) могут инициировать конструктивную руминацию, активирующую ПФК [13]. Однако при кумулятивной травматизации этот баланс нарушается – гиперактивация миндалины подавляет когнитивный контроль [22]. Это объясняет, почему травмоинформированный подход персонала является необходимым условием для нейропластических изменений [23].

Практически значимым аспектом выступает потенциал нейроориентированных интервенций. Тренинги нейрофидбэка, направленные на усиление контроля над активностью ПФК, демонстрируют эффективность в регуляции эмоций [24]. Образовательные программы и когнитивная стимуляция повышают уровень BDNF, создавая нейробиологическую основу для ресоциализации [18]. Опыт скандинавских пенитенциарных систем (например, тюрьма Халден в Норвегии) подтверждает, что гуманизация среды активизирует эти механизмы, снижая рецидивизм через поддержку адаптивной нейропластичности [25].

Таким образом, нейробиологические данные подчеркивают: ПТР в местах лишения свободы – не абстрактный феномен, а процесс с материальным субстратом в мозге. Его реализация зависит от создания условий, минимизирующих деструктивное влияние тюремного стресса на нейронные сети и поддерживающих экзистенциальный поиск смысла [15].

Философско-экзистенциальные аспекты ПТР у осужденных: диалектика свободы в условиях несвободы

Исследование ПТР в пенитенциарном контексте укореняется в фундаментальных философско-экзистенциальных вопросах о человеческом достоинстве, свободе, ответственности и смысле [7; 17]. Тюремное заключение, будучи актом внешнего принуждения, парадоксально становится пространством для изучения пределов внутренней свободы, которую, по словам В. Франкла, «нельзя отнять у человека» [15; 26]. В основе философского осмысления ПТР лежит концепция пограничных ситуаций К. Ясперса, где столкновение со страданием, виной или смертью разлушает привычные конструкции и вынуждает к переоценке ценностей [16].

Для осужденных тюрьма становится такой ситуацией, обнажая выбор между экзистенциальной капитуляцией и моральным возрождением через принятие ответственности [27; 28]. Изоляция может трансформироваться в пространство вынужденной интроспекции [17]. Центральным вектором роста выступает воля к смыслу, проявляющаяся в нескольких ключевых направлениях. Во-первых, это искупительная трансформация вины через принятие ответственности и стремление компенсировать причиненный вред. Во-вторых, трансценденция эгоцентризма посредством развития эмпатии и альтруизма. В-третьих, переоценка жизненных ценностей с фокусом на семье, образовании или духовности [15; 29]. Духовность здесь понимается широко – как поиск опоры в трансцендентных ценностях, необязательно религиозных, и может способствовать ПТР, помогая найти смысл в страданиях [30]. Важно различать подлинную духовную трансформацию и использование религиозности как копинг-стратегии. Ключевым элементом подлинного роста является способность порождать искупительные нарративы – связные истории о своей жизни, интегрирующие травматический опыт и задающие вектор позитивных изменений [6].

Однако философия ПТР в тюрьме сталкивается с парадоксом аутентичности: в системе, где послушание и демонстрация исправления вознаграждаются, грань между подлинной трансформацией и адаптивным конформизмом размывается [31]. Исследования свидетельствуют о том, что значительная часть осужденных может конструировать образ исправившегося для прагматических целей, таких как условно-досрочное освобождение [32]. Философская критика, в частности работы М. Фуко, предупреждает об опасности инструментализации ПТР как орудия дисциплинарной власти, формирующего удобных, а не подлинно исцеленных личностей [33]. Противоядием, по мнению исследователей, является этически чувствительная диагностика ПТР, дополняющая самоотчеты

анализом поведения и лонгитюдным отслеживанием, а также разделение функций терапевтов и воспитателей. Подлинный рост возможен тогда, когда осужденный обретает внутреннюю свободу вопреки обстоятельствам, а не благодаря им [34]. Экзистенциальная суть ПТР у осужденных заключается в диалектике между обреченностью на несвободу и тягой к осмысленному существованию, где страдание обретает смысл в ответственном диалоге с совестью [15].

Особенности осужденных как объекта исследования посттравматического роста

Изучение ПТР у осужденных требует учета уникального сочетания факторов, формирующих их психологический профиль и создающих исследовательские барьеры, обусловленные кумулятивной травматизацией, психической коморбидностью, нейроркогнитивными дефицитами и жестким институциональным контекстом [35; 36].

Клинический профиль осужденных часто характеризуется множественной травматической нагрузкой. Дотюремная травматизация, включая насилие в детстве и воздействие криминальной среды, затрагивает значительную часть осужденных, приводя к кумулятивному истощению психологических ресурсов [3]. Согласно различным исследованиям от 50 до 90 % женщин и от 20 до 60 % мужчин в местах лишения свободы имеют подобный анамнез [37]. Сами преступления и арест могут быть травмирующими событиями. Тюремная среда является мощным стрессором, способным привести к развитию или обострению пенитенциарного стрессового синдрома или комплексного ПТСР (КПТСР) с нарушениями самоорганизации [2; 38]. Симптомы избегания, характерные для ПТСР, могут блокировать рефлексию, необходимую для ПТР, создавая парадокс, когда среда, потенциально способствующая рефлексии, одновременно подавляет необходимые для нее ресурсы [39].

Методологические вызовы включают трудности формирования репрезентативных выборок из-за ограничений доступа и отказов от участия, что может исказить данные о ПТР [36]. Феномен адаптивного конформизма и социальной желательности в условиях тюрьмы, где демонстрация исправления может быть выгодна, создает риск искажения ответов [32]. Для преодоления этого необходимы смешанные методы исследования, сочетающие количественные опросники с качественными интервью и анализом поведения. Большинство разработанных инструментов измерения ПТР требуют адаптации для тюремной субкультуры, а низкая вербальная компетентность и недоверие могут затруднять сбор данных [40]. Перспективна разработка или адаптация методик с учетом специфики контекста [41]. Важно также методологически четко разграничивать ПТР и другие конструкты, такие как резильентность или копинг [12].

Нейроркогнитивные барьеры часто остаются без внимания, хотя их влияние может быть критичным. Значительная доля заключенных имеет в анамнезе черепно-мозговые травмы, связанные с насилием или злоупотреблением психоактивными веществами [42]. Последствия этого могут приводить к когнитивным нарушениям, таким как дефицит исполни-

тельных функций, влияя на способность к руминации и рефлексии – ключевым механизмам ПТР [43]. Это требует модификации стандартных психотерапевтических интервенций и ставит под сомнение универсальность существующих моделей ПТР для данного контингента [44].

Этические дилеммы включают обеспечение подлинно добровольного информированного согласия в зависимом положении осужденных, защиту конфиденциальности данных, риск ретравматизации при обсуждении травматического опыта и риск инструментализации ПТР администрацией как инструмента «дисциплинарной власти», а не для подлинной помощи [33]. Перспективны лонгитюдные смешанные исследования, например, сочетающие адаптированный опросник посттравматического роста (ОПТР) с качественными интервью, анализом официальных данных и возможным использованием биомаркеров стресса и нейропластичности. Технологические инновации, такие как использование мобильных приложений для сбора данных в режиме реального времени после освобождения или ИИ-анализ нарративов, также перспективны, но требуют тщательной этической экспертизы. Реализация таких исследований требует междисциплинарного синтеза и гарантий соблюдения этических стандартов, так как уязвимость этой группы является императивом для гуманизации методологии и практики [34].

Практическое применение концепции ПТР в реабилитации осужденных: от теории к системной трансформации

Реализация концепции ПТР в пенитенциарной практике требует системной перестройки реабилитационной парадигмы, признающей парадокс, что тюрьма, будучи источником стресса, способна при создании условий стать пространством для позитивных изменений. Успешная интеграция ПТР-ориентированного подхода основана на многоуровневой модели, включающей индивидуальную работу, реформу институциональной среды и постепенную поддержку.

На индивидуальном уровне для осужденных с ПТСР или КПТСР первоочередной задачей является стабилизация состояния и снижение симптомов травмы с использованием травмоинформированных подходов. Диалектическая поведенческая терапия развивает навыки эмоциональной регуляции и толерантности к стрессу. Терапия принятия и ответственности фокусируется на принятии болезненных переживаний и совершении осмысленных действий в соответствии с ценностями. Терапия длительного воздействия и когнитивно-процессинговая терапия помогают переработать травматические воспоминания. Эти методы должны быть адаптированы для тюрем, так как без снижения гиперактивации лимбической системы доступ к рефлексии затруднен [3; 45].

После стабилизации применяются интервенции для стимуляции ПТР. Нарративная терапия способствует конструированию искупительных нарративов с использованием техник редрамматизации вины. Экзистенциальная и логотерапия помогают в поиске смысла и постановке жизненных целей. Группы

поддержки, такие как структурированная программа «Изменяющиеся жизни», создают пространство для обмена опытом и развития эмпатии. Когнитивно-поведенческая терапия, сфокусированная на росте, и программы развития осознанности способствуют позитивным когнитивным изменениям и эмоциональной регуляции [6; 15].

Программы, интегрирующие эти подходы, показали связь со снижением рецидивизма [46]. Оценка эффективности этих программ должна включать не только уровень рецидивизма, но и динамику показателей по валидным шкалам ПТР, изменения в психологическом благополучии, развитие просоциальных установок и навыков, а также показатели успешности реинтеграции, такие как трудоустройство и восстановление семейных связей.

На групповом и институциональном уровнях необходима травмоинформированная перестройка всей системы работы учреждения. Это включает обучение сотрудников пониманию последствий травмы, создание безопасной среды и минимизацию ретравматизирующих практик [23]. Качество отношений «сотрудник – осужденный», характеризующееся эмпатией и поддержкой, является ключевым предиктором ПТР [47]. Важно создание возможностей для развития через доступ к образованию, профобучению и осмысленной деятельности. Просоциальное моделирование и сообщества «равный – равному» («терапевтические сообщества») способствуют формированию новой идентичности [48; 49]. Опыт стран с гуманистическими подходами, таких как Норвегия с ее моделью тюрьмы Халден, ориентированной на нормализацию жизни и создание возможностей для роста, демонстрирует практическую осуществимость и эффективность такого подхода [25].

На системном уровне ПТР, достигнутый в исправительном учреждении, требует поддержки после освобождения. Это включает планирование освобождения и непрерывность поддержки в вопросах жилья, трудоустройства и психологического сопровождения, а также снижение стигмы и создание принимающего сообщества. Программы восстановительного правосудия могут способствовать искуплению вины и исцелению через диалог между жертвой и преступником при обоюдном согласии [50]. Технологические инновации, такие как тренинги социальных навыков с использованием виртуальной реальности и цифровые платформы для психологической поддержки и трудоустройства, могут быть полезны, но требуют тщательной этической оценки [51]. Этические риски, особенно инструментализация ПТР, требуют верификации аутентичности роста и независимого контроля программ. Культурная адаптация, например интеграция с православными ценностями в России, также важна для успешной реализации программ [52].

Ограничения ПТР-ориентированной модели

Практические барьеры внедрения включают хроническое недофинансирование пенитенциарных систем, сопротивление сотрудников изменениям, бюрократические препятствия, переполненность пенитенциарных учреждений, затрудняющую индивидуальную работу, и недостаток квалифицирован-

ных кадров [53]. Преодоление этих барьеров требует стратегического подхода. Запуск пилотных проектов с тщательной оценкой эффективности, включая анализ рентабельности, позволяет продемонстрировать экономическую целесообразность гуманистических подходов. Активное вовлечение и обучение руководства исправительного учреждения создает внутреннюю мотивацию для изменений. Лоббирование изменений на законодательном уровне способствует созданию нормативной базы для реформ. Привлечение волонтеров и общественных организаций расширяет ресурсную базу. Широкая пропаганда доказанной экономической и социальной эффективности гуманистических подходов через средства массовой информации и научные публикации формирует общественную поддержку [54].

Дискуссия: диалектика роста в контексте несвободы

Исследование ПТР у осужденных раскрывает глубокие противоречия относительно возможности аутентичных позитивных трансформаций в условиях системного принуждения и депривации пенитенциарных систем [2]. Центральным парадоксом заключается в том, может ли подлинный рост возникнуть на почве принуждения и страдания, порожденного заключением [33].

Сторонники реабилитационного потенциала ПТР указывают на эмпирические данные о переживании позитивных изменений у значительной части осужденных, чему способствуют эмпатичные отношения с персоналом, доступ к программам, социальная поддержка и духовность [12]. Оппоненты возражают, что в среде, где демонстрация исправления является адаптивной стратегией, грань между аутентичным ростом и конформизмом размывается. Критики подчеркивают, что дегуманизирующее воздействие тюрьмы скорее препятствует росту [31].

Культурный релятивизм усложняет дискуссию: проявления ПТР могут различаться в индивидуалистических и коллективистских культурах, ставя под сомнение универсальность стандартизированных инструментов измерения [40]. Связь ПТР и рецидивизма неоднозначна. Хотя некоторые исследования показывают снижение повторных правонарушений, эффект зависит от множества факторов, особенно постпенитенциарной поддержки [6]. ПТР, достигнутый в тюрьме, требует поддержки после освобождения для устойчивого эффекта, включая доступное жилье, программы трудоустройства, снижение стигмы и восстановление социальных связей [55].

Философское измерение поднимает вопрос о риске превращения концепции ПТР в инструмент дисциплинарной власти, где рост становится перформансом лояльности. Противовесом может быть разделение функций терапевтов и воспитателей. Разрешение противоречий лежит в принятии диалектической природы ПТР. Качественные исследования показывают, что подлинный рост часто описывается как акт внутреннего сопротивления и обретения смысла вопреки дегуманизирующим условиям [17]. ПТР предлагается рассматривать не как следствие заключения, а как осмысленный ответ личности на вызовы [15].

Заключение: ПТР как пространство экзистенциального выбора в условиях несвободы

Исследование ПТР у осужденных раскрывает глубокий диалектический парадокс: места лишения свободы, будучи по своей сути институтом принуждения и наказания, способны – вопреки тенденции к дегуманизации – стать для некоторых индивидов пространством для позитивных личностных трансформаций и обретения нового смысла жизни. Этот феномен не укладывается в упрощенные схемы и требует многоаспектного понимания. Таким образом, ПТР не является ни автоматическим следствием страдания, ни прямым продуктом тюремной системы; он возникает на пересечении нейробиологической пластичности мозга, экзистенциального мужества личности, когнитивной переработки опыта и наличия поддерживающей, этически организованной среды.

Ключевое открытие современной науки заключается в том, что нейробиологические основы ПТР, включая адаптивные изменения в префронтальной коре, гиппокампе, миндалевидном теле, а также модуляции нейрохимических систем (например, BDNF, ГН-ось), сохраняют свой потенциал даже в условиях хронического пенитенциарного стресса. Однако эти механизмы могут быть как активированы, так и подавлены в зависимости от множества факторов, включая интенсивность и кумулятивность травмы, наличие когнитивных ресурсов и качество окружающей среды. Именно поэтому качество отношений «сотрудник – осужденный» и общий психологический климат в учреждении остаются критическими условиями: эмпатическое, уважительное взаимодействие и создание безопасной, предсказуемой среды могут снижать активность миндалины, способствовать стабилизации ГН-оси и открывать доступ к рефлексии – основе смыслообразования и роста [47].

Философское измерение ПТР раскрывает его как форму экзистенциального сопротивления и поиска аутентичности в условиях несвободы. Концепция В. Франкла о «свободе выбора отношения к обстоятельствам» находит здесь свое предельное воплощение: когда внешняя свобода максимально ограничена, последним бастионом человеческого достоинства становится внутренняя позиция по отношению к собственной вине, страданию и будущему. Но эта свобода – не данность; она требует, согласно К. Ясперсу, «экзистенциального усилия» – готовности переосмыслить прошлое через принятие ответственности и искупление, а не через отрицание или самооправдание [16].

Как отмечают осужденные, пережившие подлинный ПТР: «Тюрьма сломала мою жизнь, но не сломала мое решение стать другим» [17]. При этом важно избегать романтизации страдания: рост не оправдывает обстоятельства, порождающие это страдание, а свидетельствует о невероятной способности человеческого духа к трансценденции даже в самых неблагоприятных условиях.

Практическая значимость концепции ПТР подтверждается данными об эффективности реабилитационных программ, основанных на ее принципах (например, нарративная терапия, восстановительное

правосудие, образовательные и духовные проекты). Такие программы при условии их качественной реализации и интеграции с постпенитенциарной поддержкой могут способствовать снижению рецидивизма, улучшению психологического благополучия осужденных и их более успешной реинтеграции в общество. Опыт стран, внедряющих гуманистические подходы в пенитенциарную практику (например, Норвегия, Финляндия), показывает, что сочетание терапии, реформы среды и социальной инклюзии не только более гуманно, но и экономически целесообразно.

Однако этические риски и методологические вызовы остаются серьезным препятствием на пути изучения и практического применения ПТР в тюрьмах. Инструментализация концепции для создания «удобных заключенных», давление на терапевтов с целью получения заключений для условно-досрочного освобождения, игнорирование системного насилия под прикрытием «позитивных изменений», а также трудности с обеспечением добровольного информированного согласия и достоверности данных – все это требует разработки строгих этических протоколов, независимого мониторинга программ и культурной адаптации методик [34].

Перспективные направления исследований включают лонгитюдные смешанные исследования траекторий ПТР у различных категорий осужденных; изучение нейробиологических маркеров роста и их динамики под влиянием интервенций; разработку и валидацию культурно-адаптированных инструментов диагностики и программ фасилитации ПТР; сравнительный анализ эффективности различных моделей реабилитации; а также более глубокое изучение роли тюремной субкультуры, гендерных аспектов и влияния постпенитенциарных факторов на устойчивость достигнутого роста.

Таким образом, можно говорить о том, что ПТР в пенитенциарном контексте – это не линейный и не гарантированный путь от травмы к исцелению, а сложная, диалектическая и глубоко индивидуальная борьба за смысл, достоинство и позитивные изменения в условиях, часто этому не способствующих. Его изучение и применение требуют от исследователей, практиков и общества в целом отказа от упрощенных нарративов в пользу целостного, междисциплинарного и этически выверенного подхода [56–58].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Tedeschi R. G., Calhoun L. G. The posttraumatic growth inventory: Measuring the positive legacy of trauma // *Journal of Traumatic Stress*. 1996. Vol. 9, no. 3. Pp. 455–471.
2. Haney C. Mental health issues in long-term solitary and “Supermax” confinement // *Crime & Delinquency*. 2003. Vol. 49, no. 1. Pp. 124–156.
3. Effectiveness of cognitive-behavioral trauma treatment for incarcerated women with mental illnesses and substance abuse disorders / N. Wolff, B. C. Frueh, J. Shi, B. E. Schumann // *Journal of Anxiety Disorders*. 2012. Vol. 26, no. 7. Pp. 703–710.
4. Fazel S., Baillargeon J. The health of prisoners // *Lancet*. 2011. Vol. 377, no. 9769. Pp. 956–965.
5. Prevalence of posttraumatic stress disorder in prisoners / G. Baranyi, M. Cassidy, S. Fazel, S. Priebe, A. P. Mundt // *Epidemiologic Reviews*. 2018. Vol. 40, no. 1. Pp. 134–145.
6. Maruna S. Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives. Washington, 2001.
7. Kazemian L. Pathways to desistance from crime among juveniles and adults: Applications to criminal justice policy and practice. Washington, 2021. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/301503.pdf> (дата обращения: 03.06.2025).
8. Joseph S., Linley P. A. Growth following adversity: Theoretical perspectives and implications for clinical practice // *Clinical Psychology Review*. 2006. Vol. 26, no. 8. Pp. 1041–1053.
9. Janoff-Bulman R. Shattered Assumptions: Towards a New Psychology of Trauma. New York, 1992. 256 p.
10. Calhoun L. G., Cann A., Tedeschi R. G. The posttraumatic growth model: Sociocultural considerations // *Posttraumatic growth and culturally competent practice: Lessons learned from around the globe.* / eds. T. D. Hsi, D. G. Tedeschi, L. G. Calhoun. New York, 2012. Pp. 1–14.
11. Posttraumatic growth, meaning in life, and life satisfaction in response to trauma / K. N. Triplett, R. G. Tedeschi, A. Cann, L. G. Calhoun, C. L. Reeve // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2011. Vol. 4, no. 4. Pp. 400–410.
12. Tedeschi R. G., Calhoun L. G. Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence // *Psychological Inquiry*. 2004. Vol. 15, no. 1. Pp. 1–18.
13. Zoellner T., Maercker A. Posttraumatic growth in clinical psychology a critical review and introduction of a two component model // *Clinical Psychology Review*. 2006. Vol. 26, no. 5. Pp. 626–653.
14. Helgeson V. S., Reynolds K. A., Tomich P. L. A meta-analytic review of benefit finding and growth // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2006. Vol. 74, no. 5. Pp. 797–816.
15. Frankl V. E. Man’s search for meaning. Boston, 2006. 165 p.
16. Jaspers K. Way to Wisdom: An Introduction to Philosophy / transl. by R. Manheim. New Haven, 1951. 208 p.
17. Vanhooren S., Leijssen M., Dezutter J. Posttraumatic growth in sex offenders: A pilot study with a mixed-method design // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2017. Vol. 61, no. 2. Pp. 171–190.
18. Neuromodulation of hippocampal-prefrontal cortical synaptic plasticity and functional connectivity: Implications for neuropsychiatric disorders / R. N. Ruggiero, M. T. Rossignoli, D. B. Marques et al. // *Frontiers in Cellular Neuroscience*. 2021. Vol. 15. Article 732360.
19. Effects of post-traumatic growth on the dorsolateral prefrontal cortex after a disaster / S. Nakagawa, M. Sugiura, A. Sekiguchi et al. // *Scientific Reports*. 2016. Vol. 6. Article 34364.
20. Benarroch E. E. Brain-derived neurotrophic factor: Regulation, effects, and potential clinical relevance // *Neurology*. 2015. Vol. 84, no. 16. Pp. 1693–1704.

21. Palumbo S., Mariotti V., Iofrida C., Pellegrini S. Genes and aggressive behavior: Epigenetic mechanisms underlying individual susceptibility to aversive environments // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. 2018. Vol. 12. P. 117.
22. Liston C., McEwen B. S., Casey B. J. Psychosocial stress reversibly disrupts prefrontal processing and attentional control // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2009. Vol. 106, no. 3. Pp. 912–917.
23. Miller N. A., Najavits L. M. Creating trauma-informed correctional care: a balance of goals and environment // *European Journal of Psychotraumatology*. 2012. Vol. 3. 8 p.
24. Enriquez-Geppert S., Huster R. J., Herrmann C. S. EEG-neurofeedback as a tool to modulate cognition and behavior: A review tutorial // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2017. Vol. 11. P. 51.
25. Shammass V. L. The pains of freedom: Assessing the ambiguity of Scandinavian penal exceptionalism on Norway's Prison Island // *Punishment & Society*. 2014. Vol. 16, no. 1. Pp. 104–123.
26. Sykes G. M. *The society of captives: A study of a maximum security prison*. Princeton, 1958. 144 p.
27. Presser L. *Been a heavy life: Stories of violent men*. Urbana, 2010. 200 p.
28. Corrigan R. S. Living in prison: The ecology of survival // *Journal of Criminal Justice*. 1979. Vol. 7, no. 2. Pp. 181–182.
29. Maruna S., Liem M. Where is this story going? A critical analysis of the emerging field of narrative criminology // *Annual Review of Criminology*. 2021. Vol. 4. Pp. 125–146.
30. Coping and rumination as predictors of posttraumatic growth and depreciation / S. Platte, U. Wiesmann, R. G. Tedeschi, D. Kehl // *Chinese Journal of Traumatology*. 2022. Vol. 25, no. 5. Pp. 264–271.
31. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М., 2019. 464 с.
32. Maruna S., Mann R. E. A fundamental attribution error? Rethinking cognitive distortions // *Legal and Criminological Psychology*. 2006. Vol. 11, no. 2. Pp. 155–177.
33. Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York, 1979. 333 p.
34. Liebling A. Distinctions and distinctiveness in the work of prison officers: Legitimacy and authority revisited // *European Journal of Criminology*. 2011. Vol. 8, no. 6. Pp. 484–499.
35. Fazel S., Danesh J. Serious mental disorder in 23,000 prisoners: a systematic review of 62 surveys // *Lancet*. 2002. Vol. 359, no. 9306. Pp. 545–550.
36. Prins S. J. Prevalence of mental illnesses in U.S. state prisons: A systematic review // *Psychiatric Services*. 2014. Vol. 65, no. 7. Pp. 862–872.
37. Messina N., Grella C. E. Childhood trauma and women's health outcomes in a California prison population // *American Journal of Public Health*. 2006. Vol. 96, no. 10. Pp. 1842–1848.
38. Herman J. L. *Trauma and recovery*. New York, 1992. 304 p.
39. Correlates of presence and remission of post-trauma stress disorder in incarcerated women: A case-control study design / S. Zhong, X. Zhu, G. Mellso, J. Zhou, X. Wang // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. Vol. 12. Article 748518.
40. Taku K. Posttraumatic growth in American and Japanese men: Comparing levels of growth and perceptions of indicators of growth // *Psychology of Men & Masculinity*. 2012. Vol. 14, no. 4. Pp. 423–432.
41. Linley P. A., Joseph S., Loumidis K. Trauma work, sense of coherence, and positive and negative changes in therapists // *Psychotherapy and Psychosomatics*. 2005. Vol. 74, no. 3. Pp. 185–188.
42. Shiroma E. J., Ferguson P. L., Pickelsimer E. E. Prevalence of traumatic brain injury in an offender population: a meta-analysis // *Journal of Correctional Health Care*. 2010. Vol. 16, no. 2. Pp. 147–159.
43. Adams J. J., Meloy J. R., Moritz M. S. Neuropsychological deficits and violent behavior in incarcerated schizophrenics // *Journal of Nervous and Mental Disease*. 1990. Vol. 178, no. 4. Pp. 253–256.
44. McMurrin M., Ward T. Treatment readiness, treatment engagement and behaviour change // *Criminal Behaviour and Mental Health*. 2010. Vol. 20, no. 2. Pp. 75–85.
45. Van der Kolk B. A. *The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma*. New York, 2015. 464 p.
46. Andrews D. A., Bonta J., Wormith J. S. The Risk-Need-Responsivity (RNR) model: Does adding the good lives model contribute to effective crime prevention? // *Criminal Justice and Behavior*. 2011. Vol. 38, no. 7. Pp. 735–755.
47. Hearn N., Joseph S., Fitzpatrick S. Post-traumatic growth in prisoners and its association with the quality of staff-prisoner relationships // *Criminal Behaviour and Mental Health*. 2021. Vol. 31, no. 1. Pp. 49–59.
48. De Leon G. *The therapeutic community: Theory, model, and method*. New York, 2000. 472 p.
49. Искандаров Р. Р. Модель терапевтического сообщества в реабилитации зависимых от психоактивных веществ в местах лишения свободы: предпосылки создания и анализ эффективности // *Наркоконтроль*. 2025. № 1. С. 7–10.
50. Restorative justice: The evidence / L.W. Sherman, H. Strang, G. C. Barnes et al. London, 2007. 95 p.
51. Понизовский П. А., Шмуклер А. Б. Технологии виртуальной реальности в рамках психосоциальной реабилитации при шизофрении // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2024. Т. 34, № 1. С. 103–111.
52. Beckford J. A., Gilliat S. *Religion in Prison: Equal rights in a multi-faith society*. Cambridge, 1998. 232 p.
53. Aos S., Miller M., Drake E. Evidence-based public policy options to reduce future prison construction, criminal justice costs, and crime rates // *Federal Sentencing Reporter*. 2007. Vol. 19, no. 5. Pp. 275–290.
54. Duwe G., Clark V. A. The rehabilitative ideal versus the criminogenic reality: The consequences of warehousing prisoners // *Corrections: Policy, Practice and Research*. 2016. Vol. 2, no. 1. Pp. 1–29.
55. Reentry interventions that address substance use: A systematic review / K. E. Moore, R. L. Hacker, L. Oberleitner, S. A. McKee // *Psychological Services*. 2020. Vol. 17, no. 1. Pp. 93–101.
56. Шамсунов С. Х., Казберов П. Н. Опыт разработки и апробации базовой программы для психологической и воспитательной работы с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления // *Пенитенциарная наука*. 2021. Т. 15, № 4. С. 802–812.
57. Шпорт С. В., Макушкина О. А., Леурда Е. В. Приоритетные зарубежные исследования в области психического здоровья // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2024. Т. 34, № 1. С. 5–18.
58. Магомед-Эминов М. Ш. Феномен посттравматического роста // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. № 3 (71). С. 111–117.

REFERENCES

1. Tedeschi R.G., Calhoun L.G. The posttraumatic growth inventory: Measuring the positive legacy of trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 1996, vol. 9, no 3, pp. 455–471.
2. Haney C. Mental health issues in long-term solitary and “Supermax” confinement. *Crime & Delinquency*, 2003, vol. 49, no 1, pp. 124–156.
3. Wolff N., Frueh B.C., Shi J., Schumann B.E. Effectiveness of cognitive-behavioral trauma treatment for incarcerated women with mental illnesses and substance abuse disorders. *Journal of Anxiety Disorders*, 2012, vol. 26, no 7, pp. 703–710.
4. Fazel S., Baillargeon J. The health of prisoners. *Lancet*, 2011, vol. 377, no 9,769, pp. 956–965.
5. Baranyi G., Cassidy M., Fazel S., Priebe S., Mundt A.P. Prevalence of posttraumatic stress disorder in prisoners. *Epidemiologic Reviews*, 2018, vol. 40, no 1, pp. 134–145.
6. Maruna S. *Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives*. Washington, 2001.
7. Kazemian L. *Pathways to desistance from crime among juveniles and adults: Applications to criminal justice policy and practice*. Washington, 2021. Available at: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/301503.pdf> (accessed June 3, 2025).
8. Joseph S., Linley P.A. Growth following adversity: Theoretical perspectives and implications for clinical practice. *Clinical Psychology Review*, 2006, vol. 26, no 8, pp. 1,041–1,053.
9. Janoff-Bulman R. *Shattered assumptions: towards a new psychology of trauma*. New York, 1992. 256 p.
10. Calhoun L.G., Cann A., Tedeschi R.G. The posttraumatic growth model: Sociocultural considerations. In: Hsi T.D., Tedeschi D.G., Calhoun L.G. (Eds.). *Posttraumatic growth and culturally competent practice: Lessons learned from around the globe*. New York, 2012, pp. 1–14.
11. Triplett K.N., Tedeschi R.G., Cann A., Calhoun L.G., Reeve C.L. Posttraumatic growth, meaning in life, and life satisfaction in response to trauma. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2011, vol. 4, no 4, pp. 400–410.
12. Tedeschi R.G., Calhoun L.G. Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*, 2004, vol. 15, no 1, pp. 1–18.
13. Zoellner T., Maercker A. Posttraumatic growth in clinical psychology - a critical review and introduction of a two component model. *Clinical Psychology Review*, 2006, vol. 26, no 5, pp. 626–653.
14. Helgeson V.S., Reynolds K.A., Tomich P.L. A meta-analytic review of benefit finding and growth. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 2006, vol. 74, no. 5, pp. 797–816.
15. Frankl V.E. *Man's search for meaning*. Boston, 2006. 165 p.
16. Jaspers K. *Way to wisdom: an introduction to philosophy*. Transl. by R. Manheim. New Haven, 1951. 208 p.
17. Vanhooren S., Leijssen M., Dezutter J. Posttraumatic growth in sex offenders: A pilot study with a mixed-method design. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2017, vol. 61, no 2, pp. 171–190.
18. Ruggiero R.N., Rossignoli M.T., Marques D.B. et al. Neuromodulation of hippocampal-prefrontal cortical synaptic plasticity and functional connectivity: Implications for neuropsychiatric disorders. *Frontiers in Cellular Neuroscience*, 2021, vol. 15, Article 732360.
19. Nakagawa S., Sugiura M., Sekiguchi A. et al. Effects of post-traumatic growth on the dorsolateral prefrontal cortex after a disaster. *Scientific Reports*, 2016, vol. 6, Article 34364.
20. Benarroch E.E. Brain-derived neurotrophic factor: Regulation, effects, and potential clinical relevance. *Neurology*, 2015, vol. 84, no 16, pp. 1693–1704.
21. Palumbo S., Mariotti V., Iofrida C., Pellegrini S. Genes and aggressive behavior: Epigenetic mechanisms underlying individual susceptibility to aversive environments. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 2018, vol. 12, p. 117.
22. Liston C., McEwen B.S., Casey B.J. Psychosocial stress reversibly disrupts prefrontal processing and attentional control. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2009, vol. 106, no 3, pp. 912–917.
23. Miller N.A., Najavits L.M. Creating trauma-informed correctional care: a balance of goals and environment. *European Journal of Psychotraumatology*, 2012, vol. 3.
24. Enriquez-Geppert S., Huster R.J., Herrmann C.S. EEG-neurofeedback as a tool to modulate cognition and behavior: A review tutorial. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2017, vol. 11, p. 51.
25. Shammas V.L. The pains of freedom: Assessing the ambiguity of Scandinavian penal exceptionalism on Norway's Prison Island. *Punishment & Society*, 2014, vol. 16, no 1, pp. 104–123.
26. Sykes G.M. *The society of captives: A study of a maximum security prison*. Princeton, 1958. 144 p.
27. Presser L. *Been a heavy life: Stories of violent men*. Urbana, 2010. 200 p.
28. Corrigan R.S. Living in prison: The ecology of survival. *Journal of Criminal Justice*, 1979, vol. 7, no 2, pp. 181–182.
29. Maruna S., Liem M. Where is this story going? A critical analysis of the emerging field of narrative criminology. *Annual Review of Criminology*, 2021, vol. 4, pp. 125–146.
30. Platte S., Wiesmann U., Tedeschi R.G., Kehl D. Coping and rumination as predictors of posttraumatic growth and depreciation. *Chinese Journal of Traumatology*, 2022, vol. 25, no. 5, pp. 264–271.
31. Goffman E. *Total'nye instituty: ocherki o sotsial'noi situatsii psikhicheskii bol'nykh patsientov i prochikh postoyal'tsev zakrytykh uchrezhdenii* [Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other residents of closed institutions]. Moscow, 2019. 464 p.
32. Maruna S., Mann R.E. A fundamental attribution error? Rethinking cognitive distortions. *Legal and Criminological Psychology*, 2006, vol. 11, no 2, pp. 155–177.
33. Foucault M. *Discipline and punish: the birth of the prison*. New York, 1979. 333 p.
34. Liebling A. Distinctions and distinctiveness in the work of prison officers: Legitimacy and authority revisited. *European Journal of Criminology*, 2011, vol. 8, no 6, pp. 484–499.
35. Fazel S., Danesh J. Serious mental disorder in 23,000 prisoners: a systematic review of 62 surveys. *Lancet*, 2002, vol. 359, no 9306, pp. 545–550.

36. Prins S.J. Prevalence of mental illnesses in U.S. state prisons: A systematic review. *Psychiatric Services*, 2014, vol. 65, no 7, pp. 862–872.
37. Messina N., Grella C.E. Childhood trauma and women's health outcomes in a California prison population. *American Journal of Public Health*, 2006, vol. 96, no 10, pp. 1,842–1,848.
38. Herman J.L. *Trauma and recovery*. New York, 1992. 304 p.
39. Zhong S., Zhu X., Mellso G., Zhou J., Wang X. Correlates of presence and remission of post-trauma stress disorder in incarcerated women: A case-control study design. *Frontiers in Psychiatry*, 2021, vol. 12, Article 748–518.
40. Taku K. Posttraumatic growth in American and Japanese men: Comparing levels of growth and perceptions of indicators of growth. *Psychology of Men & Masculinity*, 2012, vol. 14, no 4, pp. 423–432.
41. Linley P.A., Joseph S., Loumidis K. Trauma work, sense of coherence, and positive and negative changes in therapists. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 2005, vol. 74, no 3, pp. 185–188.
42. Shiroma E.J., Ferguson P.L., Pickelsimer E.E. Prevalence of traumatic brain injury in an offender population: a meta-analysis. *Journal of Correctional Health Care*, 2010, vol. 16, no 2, pp. 147–159.
43. Adams J.J., Meloy J.R., Moritz M.S. Neuropsychological deficits and violent behavior in incarcerated schizophrenics. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 1990, vol. 178, no 4, pp. 253–256.
44. McMurrin M., Ward T. Treatment readiness, treatment engagement and behaviour change. *Criminal Behaviour and Mental Health*, 2010, vol. 20, no 2, pp. 75–85.
45. Van der Kolk B.A. *The body keeps the score: brain, mind, and body in the healing of trauma*. New York, 2015, 464 p.
46. Andrews D.A., Bonta J., Wormith J.S. The Risk-Need-Responsivity (RNR) model: Does adding the good lives model contribute to effective crime prevention? *Criminal Justice and Behavior*, 2011, vol. 38, no 7, pp. 735–755.
47. Hearn N., Joseph S., Fitzpatrick S. Post-traumatic growth in prisoners and its association with the quality of staff-prisoner relationships. *Criminal Behaviour and Mental Health*, 2021, vol. 31, no 1, pp. 49–59.
48. De Leon G. *The therapeutic community: Theory, model, and method*. New York, 2000. 472 p.
49. Iskandarov R.R. The therapeutic community model in the rehabilitation of substance-dependent individuals in prisons: prerequisites for creation and analysis of effectiveness. *Narkokontrol' = Drug Control*, 2025, no. 1, pp. 7–10.
50. Sherman L.W., Strang H., Barnes G.C. et al. *Restorative justice: The evidence*. London, 2007, 95 p.
51. Ponizovskii P.A., Shmukler A.B. Virtual reality technology for psychosocial rehabilitation in schizophrenia. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya = Social and Clinical Psychiatry*, 2024, vol. 34, no. 1, pp. 103–111.
52. Beckford J.A., Gilliat S. *Religion in prison: Equal rights in a multi-faith society*. Cambridge, 1998. 232 p.
53. Aos S., Miller M., Drake E. Evidence-based public policy options to reduce future prison construction, criminal justice costs, and crime rates. *Federal Sentencing Reporter*, 2007, vol. 19, no 5, pp. 275–290. DOI: 10.1525/fsr.2007.19.5.275
54. Duwe G., Clark V.A. The rehabilitative ideal versus the criminogenic reality: The consequences of warehousing prisoners. *Corrections: Policy, Practice and Research*, 2016, vol. 2, no 1, pp. 1–29. DOI: 10.1080/23774657.2016.1240596
55. Moore K.E., Hacker R.L., Oberleitner L., McKee S.A. Reentry interventions that address substance use: A systematic review. *Psychological Services*, 2020, vol. 17, no 1, pp. 93–101.
56. Shamsunov S.KH., Kazberov P.N. Experience in developing and testing a model program for psychological and educational work with persons convicted of terrorist and extremist crimes. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 802–812.
57. Shport S.V., Makushkina O.A., Leurda E.V. Priority foreign research in the field of mental health. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya = Social and Clinical Psychiatry*, 2024, vol. 34, no. 1, pp. 5–18.
58. Magomed-Ehminov M.SH. The phenomenon of post-traumatic growth. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 2009, no. 3 (71), pp. 111–117. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОБЕРТ РАФАИЛЕВИЧ ИСКАНДАРОВ – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, dr.iskandarov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7277-7693>

ROBERT R. ISKANDAROV – Candidate of Sciences (Medicine), Senior Researcher at the Research Center No. 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dr.iskandarov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7277-7693>

Статья поступила 09.07.2025

Научная статья
УДК 376:343.85
doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.013

Религиозное воспитание осужденных: особенности, проблемы, пути совершенствования

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, pisarev.o.m@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Реферат

Введение: в современном обществе все больше внимания уделяется вопросам защиты прав и свобод человека, в том числе и в местах лишения свободы. Одним из важнейших аспектов является обеспечение свободы вероисповедания, гарантированной Конституцией Российской Федерации. В связи с этим такое направление воспитательной работы, как религиозное воспитание осужденных, заслуживает особого внимания со стороны сотрудников в местах лишения свободы. Воспитательная работа с верующими осужденными является важным направлением деятельности пенитенциарной системы, способствующим их ресоциализации, формированию законопослушного поведения и духовно-нравственному развитию личности. В статье рассматриваются проблемы организации работы с верующими осужденными в пенитенциарных учреждениях. Проведен анализ ряда практических сложностей, возникающих при осуществлении религиозного воспитания в условиях изоляции, реализации религиозных прав и свобод осужденных. Предложены рекомендации по совершенствованию работы с верующими осужденными с учетом религиозной специфики и потребностей данной категории лиц. *Цель:* определить особенности, проблемы и пути совершенствования религиозного воспитания осужденных в местах лишения свободы. *Методы:* метод анализа литературных источников, психологический вербально-коммуникативный метод, анкетирование. *Результаты:* полученные данные позволяют сделать несколько важных выводов относительно характера религиозных потребностей осужденных: наблюдается относительный баланс между собственно религиозными запросами и потребностью в психологической поддержке; совокупность таких категорий, как духовные вопросы, коммуникация, семейные проблемы, составляет 77,1 % от всех обращений, что указывает на доминирование личностно-ориентированных, диалогических форм взаимодействия над формально-ритуальными или материальными аспектами религиозной практики; структура обращений отражает специфику условий лишения свободы, и религиозное окормление выполняет компенсаторную и терапевтическую функции. Организация религиозного воспитания должна опираться не только на приобщение к религиозным ценностям и удовлетворение прямых религиозных нужд, но и на готовность оказывать всестороннюю поддержку, затрагивая социальные, эмоциональные и семейные аспекты жизни осужденных. *Выводы:* осуществление религиозного воспитания в местах лишения свободы, уважение религиозных прав и свобод осужденных являются важным фактором, оказывающим содействие в формировании законопослушного поведения и духовно-нравственного развития человека. Определены группы факторов, влияющих на

эффективность воспитательной работы по духовно-нравственному сопровождению лиц, лишенных свободы: характер проблемы; личность подозреваемого, обвиняемого, осужденного; личность священника; организационные условия; системные факторы. Учет данных факторов будет способствовать совершенствованию форм и методов религиозного воспитания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, находящихся в условиях изоляции, а также созданию организационных условий для его осуществления.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; исправительные учреждения; воспитательная работа; верующие осужденные; религиозное воспитание.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Писарев О. М., Зауторова Э. В. Религиозное воспитание осужденных: особенности, проблемы, пути совершенствования // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 108–115. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.013.

Original article

Religious Education of Convicts: Features, Problems, Improvement Solutions

OLEG M. PISAREV

Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, pisarev.o.m@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract

Introduction: in modern society, more and more attention is being paid to the protection of human rights and freedoms, including in places of deprivation of liberty. One of the most important aspects is ensuring religious freedom, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. In this regard, such an area of educational work as religious education of convicts deserves special attention. Educational work with religious prisoners is an important activity of the penitentiary system contributing to their re-socialization, formation of law-abiding behavior and spiritual and moral development. The article discusses problems of organizing work with religious convicts in penitentiary institutions. Practical obstacles to the implementation of religious education in conditions of isolation and the realization of religious rights and freedoms of convicts are analyzed. Recommendations are proposed for improving work with religious prisoners, taking into account the religious specifics and needs of this category of persons. *Purpose:* to identify the features, problems and ways to improve the religious education of convicts in places of deprivation of liberty. *Methods:* method of analysis of literary sources, psychological verbal and communicative method, questionnaire. *Results:* the data obtained allow us to draw several important conclusions regarding the nature of the religious needs of convicts. There is a relative balance between religious demands and the need for psychological support; the totality of categories such as spiritual issues, communication, and family problems accounts for 77.1% of all appeals, indicating the dominance of personality-oriented, dialogical forms of interaction over formal or material aspects of religious practice. The structure of appeals reflects the specifics of the conditions of imprisonment and religious care performs compensatory and therapeutic functions. The organization of religious education should be based not only on familiarization with religious values and satisfaction of direct religious needs, but also on the willingness to provide comprehensive support, affecting the social, emotional and family aspects of the life of convicts. *Conclusions:* religious education in places of detention and respect for religious rights and freedoms of convicts are an important factor contributing to the formation of law-abiding behavior and spiritual and moral development of a person. The following groups of factors influencing the effectiveness of educational work on the spiritual and moral support of persons deprived of liberty are identified: nature of the problem; personality of the suspected, accused, and convicted; personality of the priest; organizational conditions; and systemic factors. Taking these factors into account will contribute to improving forms and methods of religious education of

suspected, accused and convicted persons in isolation, as well as creating organizational conditions for its implementation.

Keywords: penal system; correctional institutions; educational work; religious prisoners; religious education.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Pisarev O.M., Zautorova E.V. Religious education of convicts: features, problems, improvement solutions. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 108–115. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.013.

Введение

В современном обществе все больше внимания уделяется вопросам защиты прав и свобод человека, в том числе в местах лишения свободы. Одним из важнейших аспектов является обеспечение свободы вероисповедания, гарантированного Конституцией Российской Федерации. В ст. 28 за каждым гражданином закреплено право на свободу вероисповедания, включающее в себя возможность индивидуального или коллективного отправления религиозных культов, равно как и отказ от таковых, а также право на автономный выбор, обладание и распространение религиозных или иных убеждений с последующей реализацией действий, обусловленных данными убеждениями. В связи с этим такое направление воспитательной работы, как религиозное воспитание осужденных, заслуживает особого внимания со стороны сотрудников в местах лишения свободы. Воспитательная работа с верующими осужденными является важным направлением деятельности пенитенциарной системы, способствующим их ресоциализации, формированию законопослушного поведения и духовно-нравственному развитию.

Религиозное воспитание в пенитенциарных учреждениях имеет ряд особенностей и сопряжено с определенными трудностями, обусловленными как режимными требованиями, так и религиозным разнообразием осужденных. В рамках пенитенциарного воздействия перед священнослужителями стоит особая задача, суть которой заключается в содействии приобщению человека в условиях лишения свободы к духовно-нравственным ценностям и «помощь осужденному в преодолении склонности к греху и совершению преступлений» [1, с. 305]. Можно утверждать, что за последнее время произошли серьезные изменения и в сознании осужденных, и в духовно-нравственной работе с ними со стороны персонала уголовно-исполнительной системы [2, с. 50].

Проблема религиозного воспитания осужденных и приобщения их к духовно-нравственным ценностям представлена в трудах таких исследователей, как В. В. Артамонов, Л. И. Беяева, А. М. Богдановский, Н. Я. Воскобойников, М. Н. Галкин, М. Н. Гернет, Ю. А. Кашуба, Д. О. Матвеев, В. В. Меркурьев, А. А. Пионтовский, С. В. Познышев, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий и др. Ученые отмечают значительный педагогический потенциал религии, благодаря которой постепенно наступает душевное равновесие, доброжелательность, переориентация ценностей и приоритетов, зарождаются положительные эмоции, и говорят о необходимости приобщения осужденных к духовно-нравственным ценностям, изменении

их внутренних установок, развитии нравственных чувств.

Однако, несмотря на растущее внимание к проблеме религиозного воспитания осужденных, остается недостаточно изученным вопрос об особенностях данного процесса, содержательной структуре обращений осужденных к представителям духовенства, путях приобщения к православию. Понимание данных положений позволит оптимизировать деятельность сотрудников и священнослужителей в исправительных учреждениях и повысить эффективность духовно-нравственного воспитания в местах лишения свободы.

Изменения в законодательстве и проблемы организации религиозного воспитания осужденных

В целях реализации приказа Минтруда России от 05.10.2023 № 742н «Об утверждении профессиональных квалификационных групп профессий рабочих и должностей служащих учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», а также указания ФСИН России от 27.12.2023 № исх-07-104943 с 1 января 2024 г. были введены должности помощников начальников следственных изоляторов по работе с верующими. На сегодняшний день насчитывается 207 следственных изоляторов, в которых в соответствии с изменениями в штатном расписании введены указанные должности.

Следует отметить, что к данной категории служащих предъявляется ряд требований в области:

- профессиональных знаний (нормативных актов и служебных документов, регулирующих соответствующую сферу деятельности применительно к исполнению конкретных должностных обязанностей, в том числе регламентирующих нахождение подозреваемых, обвиняемых и осужденных в СИЗО, основных разделов богословия, содержания основ вероучения с учетом знаний о новых религиозных движениях, социальных, этнических, межрелигиозных (конфессиональных) и культурных различиях);

- профессиональных навыков (практического обеспечения государственно-религиозного и общественно-религиозного взаимодействия, участия в межрелигиозном и межэтническом диалоге).

Также хотелось бы акцентировать внимание на следующих обязанностях помощников начальников следственных изоляторов по работе с верующими осужденными:

- участие в рассмотрении обращений, заявлений, предложений и жалоб о нарушениях прав человека в сфере свободы совести и вероисповедания;

- обеспечение оперативного информирования руководства учреждения по проблемным вопросам, связанным с реализацией прав на свободу совести и

вероисповедания содержащихся в учреждении лиц, внесение предложений по их решению;

– осуществление контроля за соблюдением профессионально-этических норм взаимоотношений между персоналом учреждения и лицами, содержащимися под стражей, а также представителями зарегистрированных религиозных организаций, посещающих учреждение;

– участие в подготовке и реализации запланированных мероприятий, направленных на духовно-нравственное просвещение персонала учреждения;

– проведение работы по информированию осужденных и лиц, содержащихся под стражей, о совершении религиозных обрядов и церемоний в учреждении с учетом Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов, других нормативных правовых документов;

– осуществление дисциплинарно-канонического надзора за исправностью тюремного служения по духовно-пастырскому кормлению осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также проведение богослужений, иных мероприятий в действующих на территории учреждения храмах.

Однако эффективность религиозного воспитания лиц, лишенных свободы, во многом зависит от решения проблем организационного, научного и сугубо практического характера. Несмотря на наличие законодательной базы в рассматриваемой области, в пенитенциарной практике возникает ряд проблем, препятствующих эффективной организации воспитательной работы с верующими осужденными.

Акцентируем внимание на некоторых из них.

1. Вопросы кадрового обеспечения на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы. В настоящее время отмечается недостаток квалифицированных специалистов, имеющих знания в области религиоведения, психологии и специфики работы с осужденными, исповедующими различные верования. Соответственно, необходима система подготовки и повышения квалификации сотрудников по вопросам взаимодействия с религиозными организациями и верующими осужденными. При этом подчеркнем, что вопросы обучения касаются в том числе и пенитенциарных священнослужителей. С 2014 г. функционирует институт помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими. В 2024 г. введены должности помощников начальников СИЗО по работе с верующими, в будущем планируется ввести их и в исправительных учреждениях. Так, сегодня в ведомственных образовательных организациях реализуются следующие дополнительные профессиональные программы: «Организация работы с верующими в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (профессиональная переподготовка, обучение проходит на базе Академии ФСИН России); «Организация работы с верующими в СИЗО» (повышение квалификации, обучение проходит на базе Академии ФСИН России и Томского института повышения квалификации работников ФСИН России).

2. Сложности в организации систематического взаимодействия с представителями различных конфес-

сий. Сегодня для пенитенциарных учреждений характерно значительное конфессиональное многообразие осужденных. Представлены не только традиционное для большей части регионов России православие, но и другие религии (ислам, буддизм, иудаизм). Организация взаимодействия со столь широким спектром конфессий требует значительных усилий и ресурсов, высокого уровня межкультурной компетентности сотрудников исправительного учреждения. Также следует учитывать вопросы, связанные с межконфессиональным согласием, в первую очередь с целью исключения возможности возникновения конфликтов на религиозной почве между осужденными, исповедующими разные религии. В этой связи представляется актуальным создание условий для межконфессионального диалога и сотрудничества, проведение совместных мероприятий, направленных на укрепление взаимопонимания и уважения между представителями различных вероисповеданий. Полагаем, что для решения этого вопроса необходима проработка механизма аккредитации священнослужителей для посещения пенитенциарных учреждений, а также вопросов регламентации их деятельности.

3. Одной из актуальных проблем в организации религиозного воспитания осужденных в современной пенитенциарной практике является профилактика религиозного экстремизма. Риск распространения радикальных религиозных идеологий в среде осужденных по-прежнему очень высок. Помимо реализуемых программ, направленных на противодействие религиозному экстремизму и формированию толерантного отношения к представителям различных вероисповеданий, важную роль может играть взаимодействие с традиционными религиозными организациями, способными оказывать позитивное влияние на осужденных.

4. Ограничения в реализации религиозных прав и свобод осужденных, обусловленные необходимостью обеспечения безопасности и порядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Как известно, обеспечение безопасности является приоритетной задачей исполнения уголовных наказаний. В связи с этим на сотрудников возложена обязанность пресечения возможных нарушений режима содержания под видом религиозной деятельности. Существует риск проникновения в исправительные учреждения лиц, прикрывающихся религиозными убеждениями, для совершения противоправных действий, пропаганды экстремистских идей или вербовки новых членов. В этом случае необходимо искать баланс между режимными требованиями и правом осужденных на свободу вероисповедания. Например, необходимо разрабатывать гибкие графики посещения священнослужителями учреждений ФСИН России, учитывающие режимные требования и потребности верующих осужденных.

5. Вопросы, связанные с индивидуальными религиозными убеждениями. Отмечается недостаточное внимание к индивидуальным религиозным потребностям осужденных, исповедующих различные религии. Недопустимо навязывание какой-либо религии или религиозной практики. Необходим учет религи-

озной принадлежности при организации воспитательной работы с осужденными, разработке индивидуальных программ их ресоциализации.

6. Религиозный аспект проблем организации работы с верующими заключается в том, что религиозные потребности и убеждения осужденных часто остаются не учтенными или недооцененными. Это приводит к нарушению их прав и свобод, а также снижает эффективность воспитательной работы. Лица, содержащиеся в пенитенциарных учреждениях, должны иметь возможность регулярно исповедаться, выговориться перед священнослужителем, а также в достаточной степени удовлетворить свои потребности в совершении традиционных обрядов [3; 4].

7. Роль религиозного воспитания в процессе ресоциализации осужденных. Религиозные убеждения могут оказывать положительное влияние на ресоциализацию осужденных, способствуя формированию нравственных ценностей, ответственности за свои поступки и стремлению к законопослушному поведению. Необходимо использовать этот потенциал в воспитательной работе [5].

8. Противоречия между религиозными догмами и пенитенциарными требованиями. Необходимо искать компромиссные решения, учитывающие религиозные убеждения осужденных и обеспечивающие соблюдение режимных требований. Например, необходимо учитывать религиозные требования при организации питания осужденных и др.

Изучение деятельности помощников начальников следственных изоляторов по организации религиозного воспитания подозреваемых, обвиняемых и осужденных

Для того чтобы понимать, с какими проблемами сталкиваются помощники начальников СИЗО по работе с верующими, каким образом существующие трудности можно эффективно решать, на протяжении 2024–2025 гг. на базе Академии ФСИН России и Томского института повышения квалификации работников ФСИН России было проведено анкетирование 87 обучающихся мужского пола по дополнительной профессиональной программе – программе повышения квалификации «Организация работы с верующими в СИЗО».

Учитывая роль духовного сопровождения подозреваемых, обвиняемых, осужденных и уникальный статус помощников начальников СИЗО по работе с верующими в контексте гуманизации уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития, нами были проанализированы вопросы духовно-нравственного сопровождения лиц, находящихся в условиях социальной изоляции.

Было выяснено, что чаще всего за советом и помощью к священнику обращаются мужчины (81 % из числа обратившихся). Казалось бы, это свидетельствует о том, что мужчины в СИЗО более активно ищут духовной поддержки, чем женщины. Возможно, это связано с психологическими особенностями мужчин, их потребностью в моральной опоре в стрессовых ситуациях или с культурными нормами, которые поощряют мужчин обращаться за помощью в определенных контекстах. Данная цифра близка к реальному соотношению полов в следственном изоляторе, соответ-

ственно, частота обращений у мужчин и женщин примерно одинакова или незначительно отличается. Тем не менее нельзя исключать тот факт, что потребность в духовной помощи в условиях изоляции является универсальной, но ее проявления могут быть связаны с гендерно-специфическими моделями поведения и типами преступлений.

Анализ ответов показал, что чаще всего за духовной помощью обращаются люди в возрасте 35–40 лет (39 %). Люди в этом возрасте сталкиваются с уникальным набором вызовов (ключевых факторов), которые заставляют их переосмыслить достигнутое и искать более глубокие опоры, чем материальный успех или карьера.

Можно назвать следующие:

- экзистенциальное переосмысление, которое, как правило, выражается в кризисе достижений (например, человеку становится ясно, что они недосягаемы). Внешние маркеры успеха есть, но они не всегда приносят внутреннее удовлетворение, что порождает чувство пустоты;

- пик социальной и психологической нагрузки («поколение-сэндвич»): двойная ответственность. В этом возрасте люди часто оказываются зажатыми между заботой о своих несовершеннолетних детях и стареющих родителях;

- кризис в отношениях: семейная рутина (брак, длящийся 10–15 лет, может столкнуться с кризисом, накапливаются обиды, партнеры могут отдаляться друг от друга). Люди ищут совета, как сохранить семью или как пережить развод. Переоценка партнера и себя в роли партнера/родителя;

- профессиональная и финансовая нестабильность, желание сменить деятельность. Возникает сильное желание все бросить и начать новую жизнь – сменить профессию, открыть свой бизнес, переехать. Это рискованный шаг, поэтому есть потребность в моральной и духовной поддержке;

- первые серьезные столкновения с потерями. К этому возрасту люди чаще сталкиваются со смертью родственников, иногда родителей или сверстников, что заставляет задуматься о хрупкости жизни и искать утешения.

В связи со всем отмеченным выше духовная помощь становится ресурсом для преодоления сложного жизненного этапа.

Представляют интерес проблемы, с которыми осужденные чаще всего обращаются к священнослужителю. Так, на первом месте находятся исключительно духовные вопросы (вера, исповедь, причастие, крещение) – 34,6 %, что свидетельствует о том, что для значительной части осужденных религия выступает не формальным атрибутом, а действительной духовной потребностью. Преобладание данной категории согласуется с концепцией экзистенциального кризиса в условиях изоляции В. Франкла [6], когда лишение свободы стимулирует переосмысление жизненных ценностей и обращение к трансцендентному. Исследователи отмечают, что религиозная вера может выполнять компенсаторную функцию, предоставляя осужденным смысловые ориентиры и надежду на духовное возрождение, пенитенциарная среда становится пространством, где остро встает

вопрос поиска смысла, нравственного выбора, покаяния и восстановления связи с трансцендентным [7]. Требования к совершению таинств (исповедь, причастие) и обрядов (крещение) отражают не только формальное исповедание веры, но и глубокую внутреннюю потребность в очищении, прощении и обретении новой идентичности, что является ключевым элементом ресоциализации.

Вторая группа проблем, с которыми осужденные обращаются к священнослужителю, связана с потребностью в эмоциональной поддержке. Количество данной группы лишь незначительно уступает собственно религиозным запросам – 23,4 %. Этот факт подчеркивает мультифункциональную роль священнослужителя в пенитенциарной системе, который часто выступает в роли не только духовного наставника, но и доверенного лица, психолога и социального работника. В условиях изоляции и дефицита доверительных отношений священник становится одним из немногих представителей общества, к которому осужденный может обратиться за объективным мнением, советом или с просьбой просто выслушать. Данная функция духовного окормления выходит за рамки строго конфессиональной деятельности и приближается к задаче оказания базовой социальной и эмоциональной поддержки.

Третье место занимают вопросы, связанные с семейными отношениями, – 19,1 %. Разрушение или ослабление семейных связей является одной из наиболее болезненных проблем для находящихся в СИЗО [8; 9]. Обращение к священнослужителю в данном контексте может быть обусловлено как поиском духовного совета (например, относительно примирения с близкими), так и потребностью в эмоциональной разгрузке. Религиозный дискурс традиционно уделяет значительное внимание семейным ценностям, что делает священника компетентным советчиком. Кроме того, священнослужитель может выступать посредником в восстановлении нарушенных семейных связей [10].

Запросы на духовную литературу занимают четвертое место в иерархии обращений (12,3 %), что свидетельствует о стремлении части подозреваемых, обвиняемых, осужденных к самостоятельному духовному развитию и образованию. Чтение религиозных текстов может рассматриваться как форма самопомощи и средство структурирования времени в условиях изоляции. Данная потребность также отражает образовательную функцию религии в пенитенциарном контексте, где доступ к информации ограничен, а духовная литература может служить источником нравственных ориентиров и жизненной мудрости [11].

Наименьшую группу составили обращения, связанные с приобретением и хранением религиозных предметов (кресты, иконы, свечи), – 7,6 %. Относительно небольшое количество таких запросов может объясняться как режимными ограничениями на хранение предметов в исправительном учреждении, так и тем, что подобные вопросы носят более утилитарный характер и не требуют регулярного обращения к священнослужителю. Тем не менее наличие данной категории указывает на важность материальных символов веры для части осужденных, для которых религиозные предметы служат знаками идентичности и средством поддержания связи с духовной традицией.

Полученные данные позволяют сделать несколько важных выводов относительно характера религиозных потребностей лиц, находящихся в СИЗО. Во-первых, наблюдается относительный баланс между собственно религиозными запросами и потребностью в психологической поддержке. Это свидетельствует о том, что роль священнослужителя в пенитенциарном учреждении является многофункциональной: он выступает одновременно как духовный наставник, психологический консультант и социальный работник [12]. Во-вторых, совокупность первых трех категорий (духовные вопросы, коммуникация, семейные проблемы) составляет 77,1 % всех обращений, что указывает на доминирование личностно-ориентированных, диалогических форм взаимодействия над формально-ритуальными или материальными аспектами религиозной практики. В-третьих, структура обращений отражает специфику условий лишения свободы: социальную изоляцию (потребность в общении), экзистенциальный кризис (духовные вопросы), разрушение социальных связей (семейные проблемы). Религиозное окормление в данном контексте выполняет компенсаторную и терапевтическую функции.

Организация религиозного воспитания должна опираться не только на приобщение к религиозным ценностям и удовлетворение прямых религиозных нужд, но и на готовность оказывать всестороннюю поддержку, затрагивая социальные, эмоциональные и семейные аспекты жизни осужденных.

Факторы, влияющие на эффективность религиозного воспитания лиц, находящихся в условиях изоляции

Анализ полученных данных дает возможность построения дифференцированной модели факторов, влияющих на эффективность проводимой работы по духовно-нравственному сопровождению лиц, находящихся в условиях изоляции (табл.).

Факторы, влияющие на эффективность религиозного воспитания лиц, находящихся в условиях изоляции

Группа факторов	Способствующие эффективности	Снижающие эффективность
1	2	3
Характер проблемы	Наличие духовных вопросов, потребность в поддержке	Административные, юридические, материальные проблемы
Личность священника	Профессионализм, эмпатия, опыт работы	Недостаток подготовки, формализм

1	2	3
Личность подозреваемого, обвиняемого, осужденного	Религиозность, мотивация, открытость	Формальное отношение, недоверие, конъюнктурные вопросы, нереалистичные ожидания
Организационные условия	Регулярность встреч, конфиденциальность	Режимные ограничения, нерегулярность встреч, недостаток времени
Системные факторы	Поддержка со стороны администрации СИЗО, налаженное взаимодействие с отделами и службами	Изолированность священника, отсутствие координации с персоналом СИЗО

Учет данных факторов будет способствовать совершенствованию форм и методов религиозного воспитания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, находящихся в условиях изоляции, а также созданию организационных условий для его осуществления.

Заключение

Таким образом, организация и осуществление религиозного воспитания с осужденными – это сложный и многоаспектный процесс, требующий компетентного подхода, уважения к религиозным чувствам и убеждениям и соблюдения принципов свободы совести и вероисповедания. Несомненно, это является важной задачей, стоящей сегодня перед пенитенциарной системой, требующей комплексного подхода и учета религиозной специфики лиц, отбывающих уголовные наказания.

К тому же сегодня практически решен вопрос о начале работы института помощников руководителей исправительных учреждений, специализирующихся на взаимодействии с лицами, находящимися в условиях изоляции. По имеющейся предваритель-

ной информации на первом этапе планируется, что новые помощники будут работать в 97 из примерно 700 исправительных учреждений страны. Председатель синодального отдела по тюремному служению иерей Кирилл Марковский обратил внимание на высокую эффективность существующих институтов помощников. Он также подчеркнул, что введение новой должности предоставит священнослужителям дополнительные возможности для более эффективной работы с осужденными, включая несовершеннолетних и лиц, совершивших тяжкие преступления [13].

При этом важно отметить, что объективное установление истинных причин обращения к религии в условиях лишения свободы требует дальнейших эмпирических исследований с использованием валидных методов сбора и анализа данных. При этом необходимо помнить, что религиозное воспитание в местах лишения свободы, уважение религиозных прав и свобод осужденных являются важными факторами, оказывающими содействие в формировании законопослушного поведения и духовно-нравственном развитии человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минина И. Н. О духовно-нравственном развитии личности в период отбывания наказания за преступление // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф., Псков, 11–13 апреля 2019 г. / под ред. Д. Я. Грибановой. Псков, 2019. С. 300–305.
2. Ананьев О. Г., Кузнецов М. И. Организация работы с верующими осужденными // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 10 (185). С. 50–54.
3. Никитина Е. А. Взаимодействие ФСИН России с религиозными организациями: новые возможности работы с верующими // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сб. материалов V Всерос. симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, 11–12 апреля 2024 г. Рязань, 2024. С. 134–139.
4. Гагиева Л. А., Малиева З. К. Духовно-нравственное воспитание осужденных как средство повышения их правосознания // ЦИТИСЭ. 2022. № 4. С. 479–486.
5. Заурова Э. В. К вопросу о духовно-нравственном просвещении несовершеннолетних осужденных // Вьюновские психолого-педагогические чтения – 2024 : материалы междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2024. С. 463–467.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла : сб. / под общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. М., 1990. 368 с.
7. Clear T. R., Sumter M. T. Prisoners, Prison, and Religion // Journal of Offender Rehabilitation. 2002. Vol. 35. Pp. 125–156.
8. Проскурникова К. В. Роль религиозных объединений в воспитательной работе с осужденными // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 2 (213). С. 32–36.
9. Фомин В. В. Религия и ее влияние на осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2019. № 2 (47). С. 101–107.
10. Симакова Т. А. Духовно-нравственное воспитание личности осужденных в условиях лишения свободы // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 4. С. 147–150.
11. Тарасова С. А. Приобщение к философским знаниям как средство нравственного воспитания осужденных // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 3 (49). С. 82–88.
12. Юнусов Э. А., Абдуразаков А. А., Жезлов Н. В. Институт пенитенциарных священнослужителей в обеспечении прав и свобод осужденных : моногр. Новосибирск, 2017. 86 с.

13. Новая должность для поддержки верующих заключенных. URL: <https://dzen.ru/a/aOTFpqNCZnqR-fhu?ysclid=mj1iicka3536031362> (дата обращения: 09.12.2025).

REFERENCES

1. Minina I.N. On the spiritual and moral development of a person while serving a sentence for a crime. In: Gribanova D.Ya. (Ed.). *Aktual'nye problemy razvitiya lichnosti v sovremennom obshchestve: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Pskov, 11–13 aprelya 2019 g.* [Actual problems of personality development in modern society: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Pskov, April 11–13, 2019]. Pskov, 2019. Pp. 300–305. (In Russ.).
2. Anan'ev O.G., Kuznetsov M.I. Organization of work with religious convicts. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2017, no. 10 (185), pp. 50–54. (In Russ.).
3. Nikitina E.A. Interaction of the Federal Penitentiary Service of Russia with religious organizations: new opportunities for working with believers. In: *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: sb. materialov V Vseros. simpoziuma (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennogo 145-letiyu ugovolno-ispolnitel'noi sistemy i 90-letiyu Akademii prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, Ryazan', 11–12 aprelya 2024 g.* [Psychology of the XXI century: challenges, searches, development vectors: proceedings of the V All-Russian symposium (with international participation) dedicated to the 145th anniversary of the penal system and the 90th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, April 11–12, 2024]. Ryazan, 2024. Pp. 134–139. (In Russ.).
4. Gagieva L.A., Malieva Z.K. Spiritual and moral education of confirmed as a means of improving their legal consciousness. *TsITISE = CITISE*, 2022, no. 4, pp. 479–486. (In Russ.).
5. Zautorova E.V. On the issue of spiritual and moral education of juvenile convicts. In: *V'yunovskie psikhologo-pedagogicheskie chteniya – 2024: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Vyunovo psychological and pedagogical readings – 2024: materials of the International scientific and practice conference]. Voronezh, 2024. Pp. 463–467. (In Russ.).
6. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla: sbornik* [A man in search of meaning: collection]. Ed. by Gozman L.Ya., Leont'ev D.A. Moscow, 1990. 368 p.
7. Clear T.R., Sumter M.T. Prisoners, prison, and religion. *Journal of Offender Rehabilitation*, 2002, vol. 35, pp. 125–156.
8. Proskurnikova K.V. The role of religious associations in educational work with convicts. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2020, no. 2 (213), pp. 32–36. (In Russ.).
9. Fomin V.V. Religion and its influence on those sentenced to imprisonment. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2019, no. 2 (47), pp. 101–107. (In Russ.).
10. Simakova T.A. Spiritual and moral education of the person convicted in prison. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki = Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice*, 2017, no. 4, pp. 147–150. (In Russ.).
11. Tarasova S.A. Introduction to philosophical knowledge as a means of moral education of convicts. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2022, no. 3 (49), pp. 82–88. (In Russ.).
12. Yunusov E.A., Abdurazakov A.A., Zhezlov N.V. *Institut penitentsiarnykh svyashchennosluzhitelei v obespechenii prav i svobod osuzhdennykh: monogr.* [Institution of penitentiary clergy in ensuring the rights and freedoms of convicts: monograph]. Novosibirsk, 2017. 86 p.
13. *Novaya dolzhnost' dlya podderzhki veruyushchikh zaklyuchennykh* [A new position to support religious prisoners]. Available at: <https://dzen.ru/a/aOTFpqNCZnqR-fhu?ysclid=mj1iicka3536031362> (accessed December 9, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ – кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника Томского института повышения квалификации работников ФСИН России по учебной и научной работе, Томск, Россия, pisarev.o.m@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

OLEG M. PISAREV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Deputy Head of the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia for Academic and Scientific Work, Tomsk, Russia, pisarev.o.m@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

EL'VIRA V. ZAUTOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Teacher's Training Academy of Science, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Статья поступила 12.12.2025